

Глава первая ПИСЬМО ИЗ ГОЛЛАНДИИ

Это началось ранней теплой желтой осенью в самом начале учебного года. На большой перемене в класс, в котором учился Рома Рогов, вошла классная руководительница Людмила Михайловна. Она сказала:

— Ребята! У нас случилась большая радость. Наш директор школы вернулся из Голландии. Он хочет с вами поговорить.

В класс вошел директор школы Петр Сергеевич Окуньков.

— Ребята! — сказал он. — Я три дня был в Голландии и многое понял. Там очень интересуются нашей страной. Я привез вам письма от голландских мальчиков и девочек. Вы будете с ними переписываться. Письма получают те ученики, которые лучше учатся.

Он взял со стола классный журнал.

— Так, посмотрим, кто тут из вас радуется администрации школы. — Он внимательно просматривал отметки за первую четверть. — Муравьев — круглый отличник. Получай.

Он вручил Алику Муравьеву большой, самый красивый конверт. Весь класс порадовался за Алику. Надо сказать, что Алик был удивительный человек. Одновременно любимец администрации и ребят. Потому что он совмещал в себе противоположные вещи. Хорошо учился, хорошо себя вел, был чистый и аккуратный, и в то же время такой же чистый и аккуратный шляется по всем стройкам, запросто мог подраться с ребятами из соседней школы и влезть по трубе в учительскую, чтобы исправить отметку в классном журнале.

— Антонов! — сказал директор.

И Антонову был вручен конверт. Антонов не был такой разносторонней личностью, как Муравьев, он никуда не лазил, ни с кем не дрался. Был обыкновенным старостой и отличником.

Всем ребятам, которые учились хорошо, были вручены красивые яркие конверты с письмами передовой молодежи из Голландии.

В руках у Петра Сергеевича остался последний конверт. Слегка помятый и потрепанный. Про вещи такого вида говорят, что это вещи во вторые руки. Зато как компенсация за потрепанность на нем

сияла огромная оранжевая марка. Кстати, многие из молодых людей, получивших письма, с удовольствием предпочли бы марку письму.

Не глядя в журнал, Петр Сергеевич произнес:

— Рогов!

Рома просто выпал в осадок. Он никак не ожидал письма. Учился он плохо по всем предметам, кроме рисования, прогуливал уроки, курил. За все годы обучения у него была всего лишь одна пятерка. Да и ту он вписал в журнал сам, когда с Аликом Муравьевым влез по трубе в учительскую. Пятерка эта прожила один день. Ровно столько, сколько не видела ее Людмила Михайловна.

Петр Сергеевич обрадовал его:

— Учишься ты, Рогов, плохо. Поведение у тебя хуже всех. Но, может быть, это письмо заставит тебя выучить английский. И запомни, когда будешь писать ответ, что за каждым твоим словом стоит огромная страна. И все рабочие и колхозники будут краснеть за каждую твою ошибку.

Петр Сергеевич был очень строгим директором. Ребята его боялись, но уважали. Потому что он был неожиданным человеком. Человеком с сюрпризом. Например, в его кабинете висела знаменитая картина «Иван Грозный убивает своего сына». Только к названию картины было прибавлено два слова «за двойки». Оказывается, великая трагедия страны — потеря наследника — произошла не из-за политических разногласий между отцом и сыном, а из-за хронической неспособности младшего Рюриковича.

В общем, так или иначе, Рома Рогов сегодня шел домой с зарубежным конвертом в портфеле. Впервые в жизни он воспользовался подземным переходом, чтобы быстрые машины не отвлекали его от дум. Он не знал, что ему делать: грустить или радоваться. Письмо ведь было на английском языке, а по английскому у него была твердая двойка. И Иван Грозный, который за двойку так сурово расправился со своим сыном, вряд ли стал бы церемониться с каким-то среднекласником Ромой. Он тем же посохом отправил бы Рому в дальнейшее путешествие на тот свет.

Большая коммунальная квартира, в которой жил Рома Рогов с мамой и сестрой, днем обычно была пуста. Как и большинство квартир в доме. Потому что вся детская мелкота гуляла во дворе под присмотром бабушек и дедушек.

Бабушки анализировали политическое положение в доме, а дедушки — во всем мире.

Рома быстро съел мягкую булку на кухне и выпил кружку компота. Потом пошел в комнату, сел за свой стол и стал распечатывать конверт. Первым делом из конверта выпала визитная карточка на совершенно не известном науке языке. Рома повертел ее в пальцах и отложил. Достал из конверта огромный текст на английском языке. Пожалуй, это была годовая норма диктантов для школьников девятого класса.

Роман решил применить для перевода метод общего обзора. Он первым делом подчеркнул все знакомые слова. И даже выписал их. Слова были такие:

«Друг... Письмо... Директор... Делегация... Учитель сказал... Делегация... Больше и больше... Мама... Мальчик... Розалинда... 11,5 лет... Старый... Цветок... Войти... Бумага... Любимый... Школа... Забывать... Розалинда... 11,5... Счастливый русский... Директор... Моя комната... Кровать... Книги... Кассетник... Маленький брат... Дверь на ключ... Мама... Мама... Папа... Магазин... Велосипеды... Мотоцикл... Работа... Кошка... Английский язык... Путешествие... Деревья... Пейзаж... Обезьянка... Собака... Голландия... Газета... Страна... 6 миллионов собак и кошек... 14 миллионов... Люди... Друг на друге... Одна собака... Болеть... Еда... Сосед... Цепочка... Гулять... Он... Симпатичный... Длинные уши... Мокрый нос... Парк... Другой... Собака... Кошка... Лошадь... Богатый... Два автомобиля... Два компьютера... Путешествие... Деньги... Играть... Деньги... Картины... Рассказывать... Далеко... Директор... Завтра... Пальто...»

Эта тяжелая работа отняла у него три часа. Но это было уже кое-что. Кое-что прояснилось. Ясно было, что письмо писала Розалинда, и ей 11,5 лет.

Только непонятно было, почему она сообщила об этом дважды. То ли у нее было плохо с памятью, и она забывала, о чем писала раньше. То ли считала, что ее адресат бестолковый и не поймет все с первого раза.

Потом Рома попытался связать некоторые слова в предложении и выудить хоть какой-то смысл. Смысл стал выуживаться, но какой-то бессмысленный, бестолковый.

Например, он пытался вместе связать близкостоящие слова «СТАРЫЙ», «ЦВЕТОК», «ВОЙТИ», «РУССКИЙ ДИРЕКТОР» и «КОМНАТА». Получилось, что русский директор Петр Окуньков вошел в комнату, как старый цветок.

Еще одно интересное место с собаками и кошками перевелось у него в голове так:

«Голландская газета сообщила, что в страну завезли 6 миллионов кошек и собак и 14 миллионов людей встали в очередь. Была большая давка, так что все сидели друг на друге. С одной собакой что-то произошло, наверное прищемили. И теперь за ней надо ухаживать и кормить три раза в день».

Какая-то загадочная история вышла с соседом. Он был толстый, симпатичный, с длинными ушами и мокрым носом. Его почему-то долго водили на цепочке по парку. В парке, наверное, было холодно. Он простуживался, и нос у него был мокрый.

Очень удивила Рому богатая лошадь, у которой было две машины и два компьютера и которая собиралась отправиться в путешествие за деньгами для картин.

Еще никогда в жизни Рома не занимался так долго английским языком — три часа подряд. Но, как ни странно, у него еще были силы, и он решил штурмовать письмо снова.

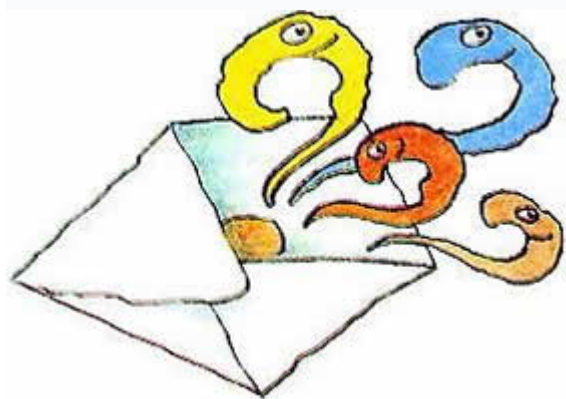
«Дорогой друг, я думаю ты есть очень глупый начинать письмо таким образом».

— Глупый, неглупый! — подумал он. — Слишком много она про меня знает! Сама еще неизвестно какая!

Тут ему в голову пришла хорошая мысль:

— Ведь Елизавета Николаевна знает английский!

Елизавета Николаевна была их соседка по квартире, очень пожилая женщина с короткими седыми волосами и темными пронизательными глазами, очень и очень строгая. Но у них с Ромой сложились хорошие отношения. Рома часто ходил для нее в магазин и прачечную, а она делала за него задачи.

Мама не разрешала Роме обращаться к соседке:

— Решай сам.

А он незаметно подсовывал ей задачку под дверь:

«Из пункта А в пункт Б шел пешеход... навстречу шел... Требуется узнать, с какой скоростью...»

И она так же незаметно подсовывала ему под дверь:

«Со скоростью 5,5 км/час».

В этот момент из школы пришла сестра Ольга, и начался тарарам. Она хлопала кастрюльными крышками, пела, включала радио. Потом увидела на столе письмо с иностранной маркой и, потрясенная, замерла на месте:

— Ой, что это?

— Ничего! — сказал Рома. — Переписка с зарубежными одноклассниками.

Он взял письмо и скрылся в комнате Елизаветы Николаевны.

Глава вторая МОСКВА ГОТОВИТ ОТВЕТ

Если раньше, до письма из Голландии, Рома Рогов добирался домой около часа (две спортплощадки по пути и одно училище противопожарной обороны), то теперь он тратил на дорогу до дома пять минут.

И сразу же шел к Елизавете Николаевне. Она ему говорила:

— Итак, в прошлый раз мы залезли с юной Розалиндой на дерево, чтобы увидеть пейзаж. Сейчас мы отправимся дальше. Кажется, с собакой в парк. Скорее неси словарь и тетрадку и тащи мое большое увеличительное стекло.

Безусловно, Елизавета Николаевна могла бы прочесть это английское письмо в одну минуту. Но кто бы тогда научил Рому Рогова основам английского языка!

В комнате Елизаветы Николаевны было много мебели, статуэток и семейных фотографий. Пространство вокруг стола было таким маленьким, что трудно было пройти. Но эта удивительная комната вмещала всех гостей Елизаветы Николаевны, и когда они садились за стол, становилась еще теплее и уютнее.

Рома и Елизавета Николаевна вместе работали со словарем, разбирались в будущем и прошедшем временах, узнавали, как отличить одну лошадь от двух или четырех.

Не прошло и пяти дней, как эта грандиозная работа была закончена. Рома был счастлив и потрясен. Никто и никогда в жизни не писал ему такого вежливого и интересного письма. Он читал письмо снова и снова.

«Дорогой незнакомый друг. Я думаю, что очень глупо так начинать письмо. Но я, к сожалению, не знаю твоего имени.

Директор нашей школы сказал, что я должна начать письмо так: „Дорогой мальчик или девочка!“ Но я думаю, что так было бы еще глупее. Ведь мы с тобой не знакомы, и я не знаю, „дорогой“ ты или не очень.

На прошлой неделе делегация зарубежных гостей была в нашей школе. Учитель моего класса сказал, что все эти люди — директора советских школ. Что они приехали посетить голландские школы.

Мне бы тоже хотелось посетить какую-нибудь иностранную страну, как это делают директора. Но

уж, конечно, не для того, чтобы посещать школы.

В один из дней делегация этих директоров побывала и в нашей классной комнате. Мы не могли понять, что они говорили. Их язык звучал для нас очень смешно. Но в то же время это было не смешно, потому что они все время наблюдали за нами. Я сижу на первой парте, и я стала нервничать. Потому что они все время наблюдали за мной. Скорее всего потому, что у меня было пятно на кофте. Мне казалось, что оно становилось больше и больше, чем больше на меня смотрели.

У меня часто бывают пятна на одежде или одежда бывает порвана. Моя мама говорит, что я — дикарка, не могу ни минуты сидеть на месте. Что я, как мальчик. Поэтому она меня называет Робби.

А настоящее мое имя — Розалинда. Так называется цветок. Мне 11,5 лет. Я самый старший цветок в классе.

Когда эти русские директора вошли в нашу классную комнату, среди них был один, который говорил по-английски. Он сказал, что его зовут Питер Оунков и что он хочет, чтобы дети из нашего класса начали переписку с детьми вашей школы. Он хотел, чтобы мы написали о наших любимых занятиях, о нашей школе.

Я имею много разных любимых занятий. Но вдруг они все вылетели из моей головы. Это странно. Я думаю, это со мной случилось из-за взрослых, которые ходили по нашей комнате и смотрели, что мы написали.

Я написала: „Здравствуй. Я Розалинда 11,5-летнего возраста“. И больше не знала, что писать. Наш учитель собрал письма и вложил их в конверты. Я подумала, что никогда в жизни не писала такого глупого письма. Я решила его не сдавать. К счастью, этот русский директор собирался опять придти к нам в школу.

Я подумала, что напишу письмо дома, уже по-другому, лучше, сидя в своей комнате.

У меня есть очень хорошая комната. Там есть кровать, парта, шкаф и полки, полные книг и игрушек. Я также имею свой кассетный рекордер. Я сочиняю собственные пьесы и записываю их на магнитофон. В моей комнате я могу делать все, что хочу. Только иногда мой младший брат приходит и дразнится. У него есть своя комната, однако он всегда приходит ко мне и кланчит у меня игрушки поиграть. Но никогда их не приносит обратно. Он все таскает у меня: и трех тигрят, которых можно цеплять на лампу; и Кинг-Конга, и мешок стеклянных шариков. Вот почему я часто запираю дверь на ключ, чтобы он не мог войти. Но тогда моя мама сердится, потому что не может войти в мою комнату, чтобы убрать ее. Это не потому, что она так любит убирать, а потому, что не любит, когда беспорядок и пыль. Моя мама не так уж много времени имеет убирать дом, потому что она помогает папе в магазине и в мастерской. Я еще об этом не рассказывала.

У моих родителей есть магазин, в котором продаются велосипеды и мотоциклы и ремонтируются тоже. Там стоит резкий запах резины. Мне он нравится. Моя мама занимается продажей велосипедов, а папа их чинит. Так они разделили свою работу. Каждый день они видят вокруг себя одни велосипеды. И, мне кажется, это им нравится.

Я бы предпочла заниматься чем-нибудь другим. Когда я вырасту, я собираюсь совершить кругосветное путешествие. Может быть, на велосипеде. Потому что тогда все хорошо видно. Даже кошку или лягушку заметно. Вот почему я стараюсь хорошо учиться по английскому. Если хочешь путешествовать, надо знать иностранные языки.

Я — лучшая ученица по английскому в классе. А по физкультуре я хуже всех. Я терпеть не могу физкультурный зал. Там всегда пахнет вспотевшими ногами. Шины куда лучше пахнут. А еще я боюсь упасть со шведской стенки. По деревьям лазить интереснее, потому что можно, по крайней

мере, увидеть пейзаж... или два.

Мы живем у черты города. Это место называется полдер. То есть это такая земля, которая находится ниже уровня моря.

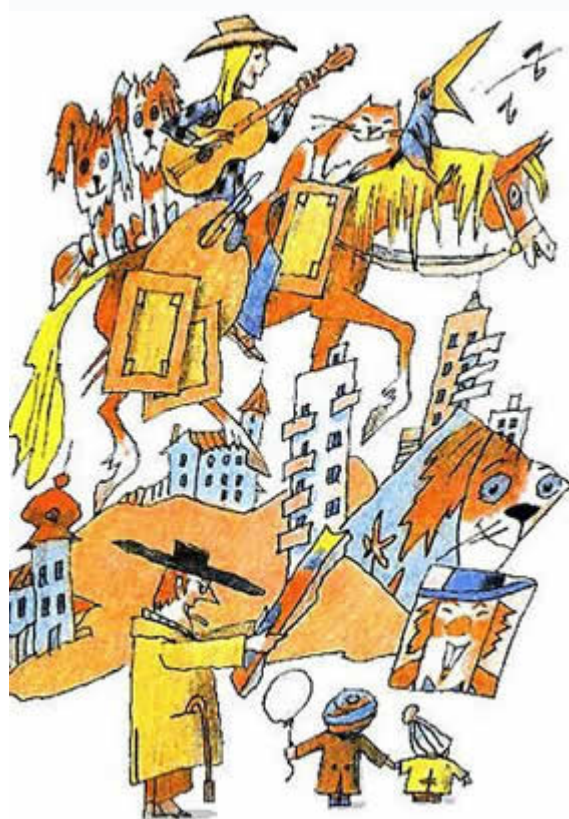
Иностранцы считают странным, что половина нашей земли взята из-под воды. Но мы к этому привыкли. Я, например, ничего даже не замечаю.

Так что я люблю лазить по деревьям, а лазить по шведской стенке? Что я у обезьянка, что ли?

Я посылаю тебе фирменную карточку. На ней наша фамилия. Это же и название нашего магазина.

Ой у вспомнила! Я очень люблю животных. Больше всего собак. Но мои родители не хотят, чтобы у меня была собака. Мой папа прочитал в газете, что в Голландии 6 миллионов собак и кошек. И только 14 миллионов людей. И у нас больше нет места буквально ни для одной собаки. В нашей стране слишком много народа, и все сидят буквально друг у друга на голове. Еще моя мама боится, что, если мы купим собаку, ей придется за ней ухаживать. Расчесывать ее, кормить три раза в день, ходить с ней на прогулку. Это несправедливо. Потому что все это могу делать я сама.

У нашего соседа есть собака. Я беру цепочку и хожу с ней гулять в парк. Это очень веселый пес. Он такой симпатичный, у него длинные мягкие уши и мокрый нос. А раз нос мокрый, значит, он здоров.

Наш сосед толстый и ленивый, он не хочет ходить с собакой в парк. Мой сосед надеется, что его собака тоже станет толстой со временем и тогда они оба станут сидеть дома. Смотреть колбасу по телевизору. А я назло ему беру собаку в парк или в полдер, и собаке это нравится.

Когда я стану взрослой и буду иметь свой дом, я возьму эту собаку себе. Я возьму еще одну собаку, чтобы ей не было скучно. И еще у меня будут жить кошки и лошадь, если я, конечно, буду богатой.

Мои родители небогатые люди, они такие же, как все. Одна девочка из моего класса из богатой семьи. У ее родителей есть две машины, два компьютера, а животных нет ни одного. Правда, странно?

Если я буду богатой, я буду много путешествовать. Мама спрашивает: „А кто тебе даст на это денег?“ Я не знаю, что ей ответить. Но месяц назад мой папа подарил мне гитару, настоящую. Она не новая, но выглядит очень красивой. Я буду долго тренироваться играть и тогда смогу путешествовать и играть на гитаре. Я буду так зарабатывать деньги. Или я буду рисовать картины и продавать. В общем, я что-то придумую, чтобы достать денег.

Вот такое письмо я написала. Надо бы рассказать, как я выгляжу, но я не буду. Я и так слишком много рассказала. Я никому еще так много не рассказывала. Хорошо, что мы далеко друг от друга живем.

Завтра я это письмо суну в карман пальто вашего советского директора. Я купила для него большую марку. Хотя не знаю, нужно ли это делать. До свиданья. Это визитная карточка моего папы».

Рома сидел и размышлял:

— Надо же, в Голландии на одного человека приходится почти по половине кошки или собаки, а девочки лазают по деревьям, чтобы увидеть пейзаж или два. Там запросто можно завести лошадь и путешествовать, играя на гитаре.

Девочка Розалинда ему очень понравилась. Ему понравилось, как она придумала засунуть письмо в карман русского директора Питера Сергеевича Окункова и таким образом избежала надзора своих голландских учителей.

— Ишь ты! Их учителя, как наши, все хотят знать. Не выйдет!

Теперь предстоял второй, более сложный этап его новой английско-голландской жизни — надо было писать ответ. И, как принято в многовековой дипломатической традиции, на английском языке.

Сначала Рома стал писать письмо по-русски. В этот процесс активно включилась Ольга:

— Ты начни с того, что у тебя есть сестра. Ей это будет интересно.

— Именно с этого я и начну, — сказал Рома. — Дорогая Розалинда, у меня есть сестра. Она очень бестолковая.

— Сам ты бестолковый! — сказала Ольга и ускакала к подружке вязать модный шарф. Рома стал сочинять:

«Уважаемая Розалинда! Я живу хорошо. Меня зовут Рома Рогов. Мне 12 лет, я пионер. Я тоже люблю сидеть на дереве. У меня тоже есть, как у тебя, сестра. То есть наоборот. У меня, как у тебя брат, есть такая же сестра.

Я немного задержался с ответом, потому что я семь дней читал твое письмо. И еще семь-восемь дней буду писать ответ.

Я живу в квартире из трех комнат с соседкой Елизаветой Николаевной. Моя мама архитектор. Она проектирует детские сады. Это такие сады для детей. Мой папа женился второй раз и с нами не живет. У нас дома стоит большая чертежная доска. Мама иногда на ней чертит по вечерам.

У нас в классе 40 человек. В основном это мальчики. Хотя среди них есть и девочки. Их двадцать один человек. Вернее, двадцать одна человек... то есть их двадцать одна девочка.

Недавно мы всем классом ездили в город Загорск. Это такой город в Московской области. Мы были в музее. Я узнал, что был такой русский святой Сергей Радонежский. Он помог нашему главному князю Дмитрию Донскому выиграть главное сражение у татарского ига. Я очень удивился: оказывается, от святых бывает польза. Я даже купил его портрет в виде иконы из бумаги.

Завтра мы всем классом идем в театр. Будем смотреть „Конька-горбунка“. Это такая русская народная лошадь. Она волшебная и похожа на маленького верблюда. Она помогает Ивану-дураку достать волшебное перо жар-птицы. Потом целует птицу. Потом помогает достать жену-царевну.

Зимой я люблю играть в хоккей во дворе. А летом я люблю рисовать. Я умею разрисовывать шкатулки и ложки.

Еще я умею мыть пол, стирать, ходить в магазины и буду крупным ученым.

Летом мы живем на даче под Москвой. Или я еду в пионерский лагерь в Малаховку. Это такая станция. Там есть большое озеро с рыбой, и мы ловим рыбу и купаемся. Я могу сидеть под водой очень долго. Особенно если мы купаемся без разрешения, а мимо идет старшая пионервожатая.

Однажды мы убежали с ребятами купаться ночью без разрешения. И вдруг пришли вожатые. Мы спрятались в камышах. И вдруг пришел директор. И вожатые тоже спрятались в камышах. Они тоже пришли без разрешения. Хорошо, что они нас не заметили. Только директор не прятался. Он померил температуру в озере градусником и ушел. На другой день мы все чихали и кашляли. Вожатые тоже.

Дорогая Розалинда, приезжай в Москву. Мы с сестрой и мамой и соседкой Елизаветой Николаевной будем тебе очень рады».

Не прошло и двух недель, как письмо с помощью Елизаветы Николаевны было переведено на английский язык и отправлено в Голландию.

Глава третья ОТВЕТ МОСКВЫ

— Почта какая-нибудь есть? — спрашивала Розалинда каждый раз, когда из школы днем вбегала в магазин.

— Здравствуй, — говорили ей родители. — Ничего нет.

Это продолжалось почти две недели. В первые дни Розалинда спрашивала иначе: «Есть ли для нее письмо из России?» Мама поправляла ее:

— Не из России. Из Советского Союза. Люди, мечтающие путешествовать, должны знать правильное название страны.

Тогда Розалинда стала кричать с ходу:

— Мама, есть письмо из Советского Союза?

Если в магазине были покупатели, мама сердилась и жестом приказывала ей помолчать.

А однажды объяснила:

— Послушай, Розалинда, когда в магазине есть покупатели, не вскакивай со своими вопросами. Есть люди, которые... как бы тебе это сказать... считают не совсем правильным получение писем из Советского Союза. Эта страна не всем нравится.

Розалинда не могла понять этого. Она хотела получить объяснения. Но в этот момент забренчал колокольчик.

— Проклятый звонок! Ну почему у нее мама не такая, как все. Зачем она зарабатывает деньги? Сидела бы дома, заботилась о детях. Придешь из школы — а тебя уже ждет горячий чай. У всех друзей Розалинды были такие мамы. Вернее, почти у всех.

Но с этого дня она стала просто спрашивать:

— Есть для меня письмо?

— Нет, — отвечала мама из-за прилавка.

— Нет, — отвечал папа из мастерской.

Их квартира находилась на втором этаже, над магазином. Спросив о письме, Розалинда сразу бежала наверх — посмотреть, что там натворил без нее младший брат Вильям. Ему было девять лет. Он был крикливым и требовательным ребенком.

Он все время дразнил ее:

— У нас с папой велосипедный магазин, а не сказочный лес. Надо работать, а не путешествовать.

Он повторял за папой все, как папу... то есть, попугай.

Прошло три недели. Письма не было. Розалинда теперь его не очень-то и ждала. Она просто по привычке узнавала:

— Почта есть? — все равно как бы она спрашивала: «Как дела?»

Она даже начала думать, что ничего не выйдет из этой переписки. А папа, который чинил велосипеды черными, как уголь, руками, часто толковал ей:

— Советский Союз — огромная-преогромная страна. И там твое письмо может легко затеряться. Это во-первых. Но есть еще кое-что. У них другая система жизни. Они думают так же, но по-другому. Может быть, они не пропустят твое письмо через границу, чтобы ты не влияла на мысли их детей.

Розалинда слушала с удивлением. Этих русских директоров школ ведь пропустили через границу. Этот Питр Окунков даже сам просил написать письма русским ребятам.

— Папа, — говорила она. — Я ничего не понимаю.

Отец только разводил руками и отвечал:

— Это очень сложно даже для взрослых.

Началась пятая неделя, а письма не было. Однажды Розалинда, вернувшись из школы, как всегда спросила:

— Почта есть?

Не дожидаясь ответа, она направилась к двери наверх.

— Розалинда, подожди, пожалуйста, — сказала ей мама и побежала за ней вдогонку, несмотря на то, что у нее в магазине был покупатель, который покупал багажник к велосипеду. На ее усталом лице была улыбка: — В кухне на столе лежит письмо.

С шумом захлопнув дверь, Розалинда побежала наверх в квартиру. Она покраснелась и никак не могла попасть ключом в замочную скважину.

Когда наконец ей удалось вставить ключ, дверь вдруг сама распахнулась ей навстречу. Розалинда увидела большую круглую грудь и поняла, кто был в квартире. Это была бабушка.

Бабушка приходила всегда в самое ненужное время и во все вмешивалась. Она придиралась к друзьям Розалинды — как они себя ведут, к обеду, который готовила мама, — невкусный, к игрушкам Вильяма — везде разбросаны, к телевизору — что же он показывает, к стиральному порошку — совсем не мылится, к конфетам — дорогие.

Папа Розалинды — сын бабушки, — пожалуй, был единственным, кто не подвергался критике.

— Здравствуй, бабушка! — сказала Розалинда и попыталась обежать бабку, чтобы попасть на кухню. Но широкая бабушка загородила ей дорогу:

— Вытри ноги. Здравствуй, Розалинда.

Она внимательно оглядела внучку:

— Опять кроссовки, опять брюки, Робби! Почему ты больше ничего не носишь? Где юбка, которую я тебе сшила? Она тебе очень идет. Или она тебе не нравится?

Розалинда глубоко вздохнула:

— Все девочки в нашем классе носят брюки.

— Вот потому, что все носят одно и то же, — сказала бабушка, — ты должна надеть что-нибудь другое. Когда мы были молодыми, мы хотели быть привлекательными, отличаться от других. А сейчас, кажется, все хотят выглядеть одинаково.

С возмущением покачивая головой, она пошла на кухню ставить чайник. Розалинда осмотрела на кухне всю мебель, письма не было. Может, Вильям его стащил? Бабушка увидела, что она что-то ищет.

— Между прочим, — заметила она, — когда я поднялась наверх сегодня днем, здесь было письмо для тебя из Советского Союза. Что у тебя общего с этой страной? Какие дела тебя связывают с СССР?

Розалинда почувствовала, что она надувается как шар и вот-вот лопнет. Она стала расстегивать пуговицы на одежде.

— Это по заданию школы, — сказала девочка. — Где письмо? Я хочу посмотреть на него. Ну, бабушка, пожалуйста.

Бабушка сложила руки на груди:

— Школа организывает переписку с Востоком!? М-да! Времена меняются. И я не уверена, что в лучшую сторону.

— Бабушка, где письмо?

— Давай сначала выпьем чаю. Между прочим, где Вильям?

Розалинда второпях обожгла язык чаем, но мужественно выпила чашку до конца.

— Бабушка, где письмо?

Бабушка встала, чтобы принести письмо, но зазвонил звонок. И она пошла открывать дверь Вильяму.

— Хочешь чаю, малыш?

Розалинда стала ждать конца чаепития Вильяма. От сердитости она сжала кулаки. Наконец, бабушка вышла и снова вернулась в гостиную:

— Вот твоё письмо.

Она протянула письмо внучке с некоторой брезгливостью. Как использованную салфетку. Конверт был желтоватого цвета с загадочными буквами и странными марками.

— Что это? Дай посмотреть, — попросил Вильям. Но Розалинда убежала в свою комнату и заперлась на ключ.

Первый раз она быстро пробежала письмо глазами впопыхах, потом успокоилась, устроившись на постели, и стала читать более внимательно.

— Рома — странное имя для мальчика. Но мне кажется, что он добрый.

Розалинда еще не встречала никого, кто писал бы письмо целых две недели. И она никак не могла понять — если Советский Союз такая большая страна, почему Рома, его мама и сестра живут в трехкомнатной квартире с соседкой. Было только одно объяснение: в Советском Союзе люди хотят быть ближе друг к другу, чтобы дружно жить. И потом — мама-архитектор! Это была совсем

незнакомая профессия и потому интересная. Ее мама продавала велосипедные коробки скоростей и резину для багажника. Розалинда сильно сомневалась в том, что Рома был умным школьником. Сорок учеников в классе, в основном мальчики, и тем не менее — двадцать одна девочка. Наморщив лоб, Розалинда прочла предложение дважды. Что-то он плохо считает. А еще хочет стать ученым. Ученым, который умеет мыть полы, стирать белье и ходить в магазин. Может быть, он хочет стать ученым в области домашнего хозяйства? Эксперт по научной организации труда в домашних условиях с использованием счетных машин.

— А эти пионервожатые? Наверное, они хорошие люди. Иначе бы они не стали прятаться в камышах, когда пришел директор с градусником.

Но больше всего ее потрясло последнее предложение в письме. Оно было самым приятным:

«Дорогая Розалинда! Приезжай в Москву. Мы с сестрой и мамой и соседкой Елизаветой Николаевной будем тебе очень рады».

Вскрикнув от волнения, Розалинда вскочила с постели. Она сейчас же напишет ему, что приедет. Это точно. В школьном дневнике она посмотрела, когда у нее каникулы, и решила не откладывать свою поездку в долгий ящик.

Она сразу стала писать:

«Дорогой Рома! — рука ее дрожала, Розалинда чувствовала, что ее кругосветное путешествие уже началось. — Спасибо за приглашение. Конечно, я счастлива буду приехать к тебе в гости.

Я была рада получить от тебя ответ. Теперь я поняла, почему ты несколько недель не отвечал.

Моя мама, конечно, согласится, чтобы я поехала в Москву, а что скажет твоя соседка?

Я могу приехать в июле или в августе, у нас в это время каникулы. Мне остается только окончательно убедить маму и папу.

Что такое „пионер“? Почему пионеры любят сидеть на дереве?

Ждите меня в гости.

Розалинда».

Розалинда дописала ответ, уложила его в конверт, выгнала велосипед из подвала и быстро отвезла письмо на велосипеде на почту.

Вечером за ужином родители спросили:

— Ну, как письмо?

Розалинда принесла письмо, и все трое начали читать — папа, мама и бабушка, которая осталась у них ночевать. Послание из СССР произвело на родителей сильное впечатление. Их удивили жилищные условия в Москве. Понравилась сказка про верблюдную лошадку. Папа дважды смеялся: на вожатых, которые сидели в камышах, и на то, что в классе полно девочек, хотя в основном это мальчики. Но больше всего поразило приглашение приехать в Москву. В этом месте все замолкли и целых полчаса просто переглядывались. Наконец, они заговорили хором:

— Но это невозможно! Это слишком дорого. За деньги на билет в Москву можно купить пять велосипедов.

— В их квартире нет места для гостей! Это ясно и ребенку.

— Но я уже написала ответ, что приеду! — Розалинда вызывающе посмотрела на своих родителей и бабушку.

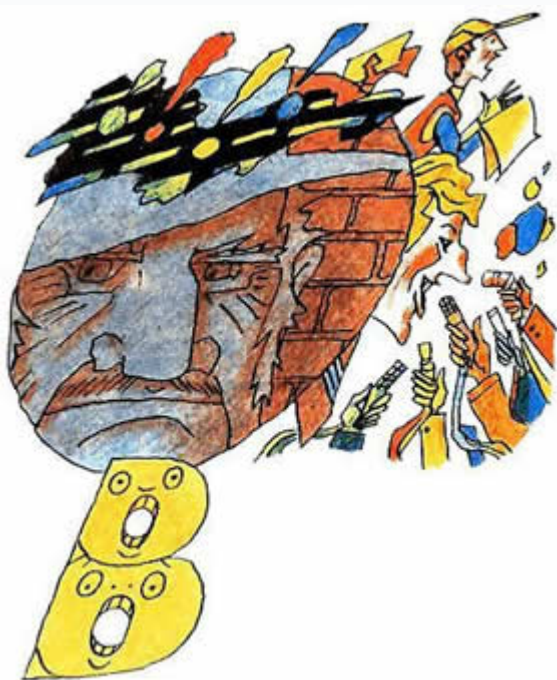
Бабушка стояла, скрестив на животе полные руки, как крупный политический деятель:

— Ты еще слишком маленькая для такой поездки! И легко поддаешься влиянию.

— А ты слишком старая, чтобы вмешиваться, — сердито сказала Розалинда в ответ.

Отец шлепнул Розалинду по руке. Розалинда расплакалась и ушла спать. Бабушка ее была сущей ведьмой. Но где-то в далекой стране жил юный волшебник по имени Рома. Он долго мог сидеть под водой и умел превращать злющих бабушек в лягушек. Выполнив дневную норму превращений, он обычно ловил рыбу и относил ее на кухню крупнейшей в мире гостиницы «Малаховка».

Глава четвертая ООН ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

В этот день все газеты в Жевене и ее окрестностях вышли с заголовками:

«Генеральный секретарь сообщает!», «ООН меняет политику», «Нас ждет Год Хорошего Ребенка».

Подробности под этими заголовками были такие:

«Вчера генеральный секретарь ООН сделал заявление, что следующий год объявляется Годом Хорошего Ребенка».

Целый день у генерального секретаря звонили телефоны:

— Но ведь был уже Год Ребенка в 1979 году?

— Был год РЕБЕНКА. А в этот раз будет год ХОРОШЕГО ребенка. В этом году мы поднимем на щит не всех детей, а только хороших.

Телефоны от этого звонили все больше и больше:

— Как вы будете поднимать их на щит?

— Как отличить хорошего ребенка от плохого? Какие критерии?

— Какой следующий год ждет жителей Земли? Чем их порадуют сотрудники ООН?

— Где будет проводиться финал этого Года Хорошего Ребенка? В какой стране? В каком городе?

— Какова эмблема Года?

— Размахались! — в конце концов ответил генеральный секретарь. — Над всеми этими вопросами работает специальная комиссия под руководством доктора педагогических наук мисс Карабас. Все вопросы к ней. Журналисты бросились к заведующей сектором детей ООН и стали задавать вопрос за вопросом:

— Есть ли у вас свои дети?

— Нет. Только племянники. Свои дети отвлекают от главной задачи — любить всех детей Земли.

— Кто вам помогает осуществлять ваши идеи?

— В нашей комиссии лучшие педагоги мира.

— Какова главная задача Года?

— Выявить лучших детей. Сделать их образцами подражания для всех других детей. Может быть, в будущем ввести образцовых детей в правительства стран.

— В каком городе будет проводиться заключительный праздник Года?

— За эту честь будут бороться многие города. Вопрос пока висит. Может быть, у нас в Жевене.

— Кто будет рассказывать о главных событиях Года?

— Будет выходить специальная газета на английском языке — «Образцовый ребенок». В ней будут публиковаться статьи на темы воспитания и всевозможные новости Года.

— Кто будет финансировать мероприятие?

— Отчасти ООН. Отчасти фирмы, работающие на детей, Отчасти сами дети и детские организации разных стран. Мы собираемся открыть специальный детский международный банк.

В это время на руке у мисс Карабас заскрипел маленький аларм, то есть будильник, и она строго сказала:

— Все. У меня обед.

— Госпожа Карабас! Всего лишь по одному вопросу от каждого, — взмолились сто журналистов.

Но мисс была неумолима:

— Мы приучаем детей мира к дисциплине и порядку и сами не должны их нарушать. Приходите завтра.

Но завтра никто не пришел. Все и так было ясно. И все газеты вышли с заголовками:

«СЕГОДНЯ ГОД ХОРОШЕГО РЕБЕНКА, ЗАВТРА ДЕСЯТИЛЕТИЕ ХОРОШЕГО ВЗРОСЛОГО», «СВОИ ДЕТИ МЕШАЮТ ЛЮБИТЬ ЧУЖИХ! ДОЛОЙ СВОИХ ДЕТЕЙ!», «БАНК ДЕТСКИЙ, А ДЕНЬГИ ВЗРОСЛЫЕ».

Газеты переходили из рук в руки. Их читали внимательные и невнимательные граждане нейтральной страны Люкспумбург и бросали их в урны или оставляли на скамейках.

Одна такая газета попала на глаза довольно крепкому старичку благообразной наружности. Но это сейчас наружность у старика стала благообразной, под старость. А всегда она была несколько жутковатой. Это был известный в свое время бандит и гангстер Кирпичиано.

Как он говорил о себе: «Пятнадцать самых лучших лет своей жизни я провел в тюрьме».

И, как вы уже догадались, он провел эти годы в тюрьме не за революционную деятельность, не за то, что он устраивал марши протеста против атомной бомбы. А за то, что он грабил банки, угонял чужие автомобили, торговал наркотиками.

Больше всего его заинтересовало сообщение о детском банке. Там, где банк, там деньги. Раз банк детский, охранять его будут дети, значит, деньги можно будет легко забрать.

— Надо что-то делать! Надо что-то предпринимать, — взволнованно размышлял Кирпичиано. — Но что? Надо посоветоваться с коллегами! — в конце концов решил он.

И вот в одной из самых читаемых газет появилось такое объявление:

«ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ В КИТАЙСКОМ РЕСТОРАНЕ НА УЛИЦЕ ДОКТОРФРАЕРФРАНЦИОСИФОНШПИЛЬМАНРАЙТНЕРСШТРАССЕ СОСТОИТСЯ ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ ВЫПУСКНИКОВ ТУРГАУССКОГО КОЛЛЕДЖА. ОСОБЕННО ПРИГЛАШАЮТСЯ ВЫПУСКНИКИ ПРОШЛОГО ГОДА».

Тургаусский замок — «колледж» — был самой строгой тюрьмой в нейтральной стране Люкспумбург. Именно там провел большинство своих лучших лет пожилой и благообразный дедушка Кирпичиано. И коллеги его были все, разумеется, оттуда.

Глава пятая РЕЗКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МОСКВЕ

В Москве в поведении Ромы Рогова наблюдались резкие изменения. Во-первых, Петр Сергеевич с удовольствием начал ставить ему твердые четверки по английскому. И как было их не ставить, если Рома осваивал английский огромными кусками.

Во-вторых, Рома резко поднялся по социальной лестнице. Раньше он был санитаром класса. И обязан был следить за чистотой в классной комнате. Рома, конечно, следил за чистотой, он боролся за нее словами. Но никогда ему не приходило в голову — взять веник и подмести.

Иногда он по требованию пионервожатой тщательно осматривал руки своих товарищей — ну-ка, покажи! — при этом старательно пряча за спину свои. В общем, это была не должность, а так... мура.

Теперь же он стал редактором стенной газеты. Вывешивал на стене в классе длинную самодельную газету со всеми главными новостями страны и класса. От строительства новой гидроэлектростанции во Владивостоке до плохой успеваемости Рожина Артура.

Рома прекрасно мог рисовать. Особенно яркими лаковыми красками. Других красок он не признавал и ничего с другими красками у него не получалось.

Петр Сергеевич привез ему из Владимирской области сочные палехские лаки. И сразу стенгазета 5 «А» пятьдесят шестой школы стала лучшей в районе. Ее даже для бахвальства вывешивали в коридоре. Она гордо висела там и сверкала золотом во все стороны, как церковный иконостас.

Так что ни одна комиссия из РУНО — Районного Управления Народного Образования — не могла спокойно пройти мимо.

— Надо же, как красиво! — говорили представители районного начальства. — Но что-то здесь естьстораживающее — религиозно-шкатулочное.

Однако шкатулочными красками и в палехской стилистике были нарисованы знамена, лозунги, новостройки, а не только золотые купола. Поэтому комиссия успокаивалась, особенно, прочитав заметку «До каких пор он будет отставать». Это была заметка о плохой успеваемости лучшего друга Романа — Рожина Артура.

А кто учил Рому такой живописи — неизвестно. Просто это уже было в него заложено вместе с умением есть, пить и прогуливать уроки по математике.

В-третьих, Рома стал оказывать хорошее влияние на свою плохую компанию из трех одноклассников — Володю Харитонову, Юру Мицельского и Рожина Артура.

Если раньше эта компания целыми днями околачивалась у Ромы в квартире (они играли в карты, смотрели телевизор), то теперь Рома говорил:

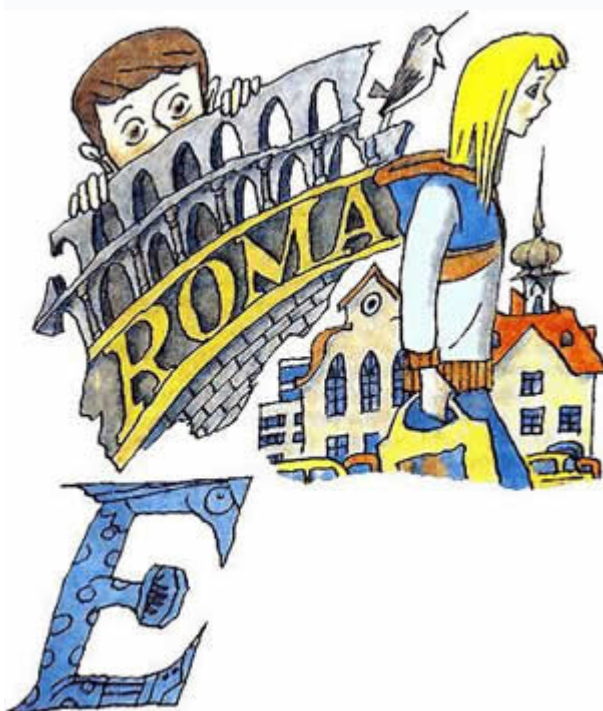
— Вы, ребята, играйте. Только без меня. Я письмо перевожу.

А какая же игра в карты втроем. И как можно смотреть телевизор, если не разрешают включать звук. Втроем хорошо только водку пить. А наши ребята еще до этого не дозрели.

Вот и приходилось Харитонову, Мицельскому и Рожину Артуру расходиться по домам и волей-неволей делать уроки. Сначала они думали, что Рома просто подлизывается к учителям, но потом они поняли, что дело значительно серьезнее, и сами стали помогать ему.

Так что в жизни московского пятого класса начались и все сильнее выявлялись резкие изменения.

Глава шестая СОБЫТИЯ В ГААГЕ

Если раньше Розалинда каждый день спрашивала у родителей, есть ли письмо из Москвы, то теперь она каждый день спрашивала, когда она сможет поехать в Россию. Раз билет на самолет

стоит очень дорого, может быть, ей следует поехать на поезде. А то и на пароходе. А в конце-то концов она может отправиться в Москву автостопом. Потому что ее там ждут. И загадочный мальчик Рома — пионер, который любит сидеть на дереве, и его мама — архитектор детских садов, и его сестра Ольга, и любимая соседка Елизавета Николаевна.

Терпеливая мама каждый раз говорила:

— Пожалуйста, не надоедай мне своими глупостями. Это невозможно. Мы не можем себе этого позволить. У нас нет денег.

— А если бы и были, — говорил папа, — я бы все равно одну тебя не отпустил.

— О чем тут спорить! — твердой рукой вмешивалась бабушка. — Ее туда и не впустят. Хорошо, что письмо пропустили. Это просто чудо.

— Не чудо, — отмечал папа, — а... Как эта книга называется?.. Перестройка. У них там все сейчас переделывается.

— Вот пусть сначала все переделают, а потом детей приглашают, — подводила итоги бабушка.

Розалинде с каждым днем становилось все грустнее, и она все меньше говорила о Москве.

Из всех детей, которые отослали письма в Москву, только двое получили ответ: она и девочка из их класса — Эвелин Кортвех. Раньше Розалинда не любила играть и разговаривать с этой девочкой. Потому что девочка была большой воображалой. Но они были единственными в классе, кто получил письма из Советского Союза. Поэтому временами они стали многозначительно друг с другом беседовать.

Однажды их учитель мистер Бош вошел в класс с пачкой газетных статей в руках. Это была одна статья из газеты на английском языке, размноженная на ксероксе. Очевидно, предстояла очередная контрольная по английскому. Он сказал:

— Я думаю, эта статья заинтересует каждого из вас. Но, мне кажется, Розалинда и Эвелин будут самыми заинтересованными персонами.

Розалинда с удивлением взяла свой листок. С каких это пор контрольные по английскому интересуют ее больше всего на свете. Она прочитала заголовок статьи. Чем дальше она читала, тем большее волнение охватывало ее.

— Ой! — в конце концов закричала она и даже захлопала в ладоши.

В статье говорилось о том, что в этом году будет проводиться международный детский праздник. И что лучших мальчиков и девочек мира приглашают приехать померяться силами в разных видах домашнехозяйственного спорта: в подметании и пылесосевании... пылесоске... в общем, в пылечистке ковров, в глажке брюк, в стирке, в приготовлении еды, в оказании медицинской помощи... и т. д. Будет много музыки, цветов, песен. Сегодня подружатся дети, завтра подружатся взрослые.

— Рома! — прошептала Розалинда. — Рома!

— Какая ты глупая! — сказала Эвелин. — Это будет не в Риме. Это будет в Жевене.

Она сказала так потому, что по-голландски имя Рома и название столицы Италии звучат одинаково.

— Может быть, — сказал господин Бош, — кто-нибудь уже читал об этом празднике в других газетах или видел передачу по телевизору. Поднимите руки, кому это интересно! Что вы об этом думаете?

В классе начался такой галдеж и шум, что господин Бош так и не смог узнать, кому это интересно и

что все они об этом думают.

Розалинда не принимала участие в шуме и галдеже, она размышляла, получили ли такие же брошюры дети из Протестантской и Католической школ.

По недавним фотографиям, сделанным с воздуха, было видно, что три школы — Протестантская, Католическая и Государственная — расположились в виде треугольника — спина к спине.

Розалинда училась в Государственной, хотя бабушка мечтала о Католической и даже поссорилась по этому поводу с мамой.

— Год Хорошего Ребенка! — хорошая идея, — думала Розалинда. — А что такое «хороший ребенок»?

Тем временем шум в классе перешел во взлетный.

— Прекратите галдеж! — закричал учитель и бабахнул кулаком по столу. — Роза, сегодня твоя очередь поливать цветы. Я кому говорю, Ро-за-лин-да!

Как не нравилось Розалинде, когда ее имя произносили по слогам. Оно тогда становилось еще длиннее.

Она занялась поливкой, думая о Роме, о Жевене, о пылесосе... о пылесоске ковров, о соревнованиях...

— Ро-за-лин-да! — закричал господин Бош. Потому что растения были залиты водой по уши.

Во дворе школы ее ждали Элен, Аннет и Вероника.

— Розалинда, ты едешь в Жевену?

Розалинда пожала плечами:

— Я не совсем уверена, что я хороший ребенок.

— А наш Бошик сказал, что у тебя больше всех шансов. Ты лучше всех учишься по английскому. И вообще...

Интерес подруг к поездке несколько вдохновил Розалинду. Ей хотелось развить тему, но подруги разбежались: Элен шла на урок музыки, Аннет на свой волейбол, а Веронике нужно было помогать маме. У ее мамы было восемь детей.

Розалинда отправилась домой писать письмо Роме.

Глава седьмая ЖЕВЕНСКИЕ ГАНГСТЕРЫ ЗА РАБОТОЙ

В маленьком китайском ресторане на улице Докторфраерфра нциосиффоншпиль манрайтнерс штрассе собирались «выпускники» Тургаусского колледжа. Все они были пожилые и скрюченные. Один страшнее другого, в шрамах, с татуировкой, с сердитыми колючими глазами. В основном это были дедушки. Встречались и бабушки. Они были не лучше.

Это были не те бабушки, которые вяжут чулки и рассказывают ребятам сказки. Это были бабушки с темным прошлым. Их сказки были такие:

— Однажды, внученька, мы взяли ювелирный магазин на 200 тысяч долларов. За нами гналась полиция. Но нас спасла добрая фея — скупщица краденого. Она спрятала нас в сыром подвале всего лишь за двадцать золотых колец. На каждый палец по кольцу.

— Дорогие друзья! — обратился к ним Кирпичиано. — Все вы знаете, что надвигается Год Хорошего Ребенка. Мы были плохими детьми. Например, я начал курить в шестом классе, а бриться в седьмом. В восьмом я бросил пить.

— А я в первом классе принес в школу чемодан мышей! — сказал дедушка с тузом пик на том месте, где у людей, не сидевших в тюрьме, бывает галстук.

— Выпустил их... и...

— Что «и»? — спросили заинтересованные слушатели — дедушки и бабушки.

— Неделю никто не учился! — отвечал Туз. — Все мышей ловили. Потому что они грызли классные журналы, контрольные работы и рожали детишек с утра до вечера...

— И чем все это кончилось?

— Пришла санитарная уборщица с пылесосом и всех мышей из норок высосала.

— А я однажды принесла в школу целую охапку белены! — сказала одна уголовная старушка по кличке Сонька-Золотая Ручка. — И бросила в камин. Пошел такой дурман из камин, что все с ума походили. Учительница по математике стала теоремы петь: «Перпендикуляр, смелее в бой!» Все стали друг друга обнимать. Директор пришел и свой орден двоечнику подарил.

— Между прочим, хорошая мысль, — сказал Туз. — Так можно запросто банки брать. Кинул в камин

такой травки и порядок. Служащие тебе деньги отдадут, а полицейский — пистолет.

— Только смотри, — сказал Кирпичиано. — Как бы ты сам не подобрел и свой чемодан для денег полицейскому не отдал.

— А я в противогазе приду! — возразил Туз. — На меня дурман не подействует.

— Твой противогаз так на полицейского подействует, что он тебя с первого же шага дубинкой промеж глаз треснет. Ты не успеешь даже до камина дойти.

Все дедушки и бабушки стали дальше прорабатывать версию с беленой. Но Кирпичиано остановил их:

— О чем вы говорите. О старом добром времени. Сейчас каминов в банках нет. А в паровое отопление белену не бросишь. А вообще-то упустили вас учителя в детском возрасте. Вот вы и выросли черт-те кем. Кто плохо сидит на уроке, хорошо сидит в тюрьме. Запомните это на всю оставшуюся жизнь. Но я позвал вас не за этим. Вы читаете газеты?

— Читаем, — отвечали бабушки и дедушки.

— Какое главное событие дня?

Дедушки и бабушки наморщили и без того сморщенные лбы. И стали отвечать:

— Ограбление скорого поезда в Техасе?

— Нет.

— Забастовка в английских тюрьмах?

— Нет.

— Новые электронные замки в дверях?

— Эх, вы! — сказал Кирпичиано. — Все ваши главные новости с уголовным уклоном. А дело в том, что приближается Год Хорошего Ребенка. И будет открыт специальный детский международный банк.

— И мистер Кирпичиано хочет, чтобы мы свои последние сбережения послали детишкам, — сказала хмурая уголовная старушка по кличке Сонька-Золотая Ручка.

— Как раз наоборот! — вскричал Кирпичиано. — Я хочу, чтобы их сбережения попали в наши лапы. Знаете, сколько детей в мире? Триста миллионов. Если каждый пришлет сюда по одной копеечке, это же будет... Это же будет... Это же... Огромная сумма.

— А мы-то тут при чем? — спросил Туз. — Как нам получить эти денежки?

— Вот для этого я вас и собрал. Сил у вас мало, а мозги кое-какие остались. Взрослые очень мало

думают о детях. А уж о детских деньгах тем более. И они ни за что не поставят полицейского около этой the inter-piggi-box — международной детской копилки. Вот и думайте. Завтра на этом месте я жду ваших предложений. Думайте, леди энд джентельмены!

И пожилые леди энд джентельмены стали усиленно думать.

Они были очень одиноки. Может быть, потому, что коллективы, в которые они временно объединялись в прошлой жизни, не были связаны светлой идеей всеобщего добра. На языке судебных протоколов и газетных заметок такие коллективы называются «преступные группы».

Они устали от одиночества и были счастливы, что появилось общее дело, появилась возможность хоть с кем-то поговорить.

Глава восьмая РОМА РОГОВ СРАЖАЕТСЯ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Рома Рогов с помощью Елизаветы Николаевны и сестры Ольги учил английский язык. Все предметы в его квартире были оклеены английскими словами.

Подходишь к двери, на ней написано «the door». Подошел к столу, на нем табличка «the table». Ползет мама в сахарницу за сахаром, возьмет кусочек, а на нем приклеена бумажка «the sugar». Придут Харитонов-Мицельский-и-Рожин Артур, подойдут к телевизору и читают «the TV». Захотят в карты поиграть, возьмут в руки колоду, а на ней «the play cards». Всякая охота играть у них пропадает. Потому что вспоминают они с горечью, что не только упражнение по английскому у них не сделано, но и задачи по алгебре не решены, и география про Африку не прочитана.

Тогда напишут они на бумажках несколько «английских» слов типа «the балбес», «the придурок», «the пошли играть в футбол», наклеют их в разных заметных местах и уйдут, грустные, по домам.

Мама была Ромой довольна. Штаны у него были целы, целы, пуговицы на месте. И в дневнике больше не появлялись надписи типа:

«Прошу родителей обратить серьезное внимание на внешний вид ученика».

«Прогулял урок математики. Прошу родителей явиться в школу».

«На уроке литературы стукнул товарища по голове книгой „Повесть о настоящем человеке“. Просим заставить извиниться перед Антоновым и заменить экземпляр книги в школьной библиотеке».

Петр Сергеевич Окуньков — строгий русский директор — тоже замечал серьезные изменения в лучшую сторону в знании английского языка. И уже меньше отчитывал отстающего Рогова в своем кабинете под очень опасной картиной «Иван Грозный убивает своего сына за двойки».

И тут как раз подоспело второе письмо из Голландии.

Вытащив его из почтового ящика, Рома сразу побежал в свою комнату, где они размещались вместе с сестрой. Поудобнее устроившись на тахте, он прочитал письмо и обрадовался. Обрадовался он по двум причинам. Во-первых, потому что прочитал сам без помощи Елизаветы Николаевны. Во-вторых, потому что Розалинда приедет в гости.

Тут из школы явилась Ольга.

— Ой, где мои тапочки? — закричала она из коридора.

— Откуда я знаю, — ответил Рома с тахты. — Посмотри в коридоре около «the table».

— Да нет, — вмешалась соседка Елизавета Николаевна. — Я их видела в «the bathroom».

Отыскав свои тапочки, Ольга стала переодеваться в углу комнаты. Тут она заметила пятно на своих новеньких джинсах.

— Ой, а что это? Зачем ты брал мои штаны? Сколько раз тебе говорить: не трогай.

— Нужны они мне. У меня в них попа квадратная.

— У тебя в них голова квадратная, — сказала она уже спокойнее. — Ой, опять письмо! Прочитай!

Когда пришла мама, Рома и Ольга кинулись к ней навстречу:

— Мама, к нам приедет голландская девочка! — кричала Ольга.

— Мама, у меня четверка по английскому! — говорил Рома.

— Не заваливайте меня событиями. Давайте в порядке поступления новостей! — сказала мама.

— Сначала девочка! — сказала Ольга.

— Сначала четверка! — сказал Роман.

Не прошло и получаса, как брат и сестра все объяснили маме. Показали ей письмо и перевод на русский язык.

— Хорошо, — сказала мама, — будем ждать. Впереди больше полугода. Я надеюсь, что за это время вы приведете нашу квартиру в порядок. И не только квартиру, но и свою одежду, книги... И уберете весь «the robish». Чтобы мне не пришлось краснеть здесь перед голландской девочкой.

Рома критическим взглядом осмотрел в «the mirror» себя и свою комнату. Из зеркала на него глядел темноволосый мальчик с живыми карими глазами.

— С лицом у меня, кажется, все в порядке.

Но какой же был беспорядок в комнате! Разбросанная одежда, книги, куклы, баночки с краской, вырезанные фотографии хоккеистов и манекенщиц, Ромины собственные рисунки.

— Не переживай! — тряхнула длинными волосами Ольга. — Ты уберешь свою половину комнаты, а я свою. У нас еще полгода впереди.

А через неделю пришло еще одно письмо из Голландии.

«Дорогой Рома. Мои родители не разрешают мне приехать в Москву. Они говорят, что СССР еще не перестроенная страна. И что у нас нет денег на билет на самолет. Что за эти деньги можно купить пять велосипедов. Но зачем нам их покупать, когда мы сами их продаем. Моя бабушка говорит, что меня не впустят в вашу страну. Ее зовут Аалче. Это по-голландски значит „очень маленькая“. На самом деле — она большая и толстая и вся в веснушках. Она очень религиозная и строгая. Она часто приходит к нам, чтобы присматривать за мной и моим братом. Да ну ее!

Слышал ли ты о Года Хорошего Ребенка? Наш учитель раздал нам заметку из газеты. А вчера по телевизору показывали госпожу Бакарас или Рабакас (я всегда путаю имена). Она советовала детям больше помогать взрослым, чтобы стать хорошим ребенком и попасть на праздник. Я буду очень стараться, я сделаю все, чтобы стать таким ребенком. Ты тоже старайся. Давай стараться вместе, чтобы встретиться на празднике.

Я пока не знаю, что будут делать дети в Голландии, чтобы попасть на праздник. В школе нам об этом еще не говорили. Но мой учитель сказал, что у меня есть шансы, потому что я имею хорошие оценки по английскому. А ты у Рома? Ты ведь стал делать такие английские успехи? Ты должен обязательно пробиться.

Еще. Мы, конечно, при встрече должны сразу узнать друг друга. Я бы послала тебе фотографию с паспорта, но у меня ее нет. У меня и паспорта нет, поэтому я себя нарисовала с помощью зеркала. Мама говорит, что я получилась похожей. Как тебе нравится мой портрет? Но на самом деле у меня родинка на другой щеке.

Розалинда».

Когда Рома закончил читать письмо, он внимательно посмотрел на рисунок с изображением девочки с длинными прямыми волосами и попытался представить родинку на другой щеке.

— Вот ты какая, Розалинда!

Она выглядела так, как и представлялась по письму, — очень энергичной.

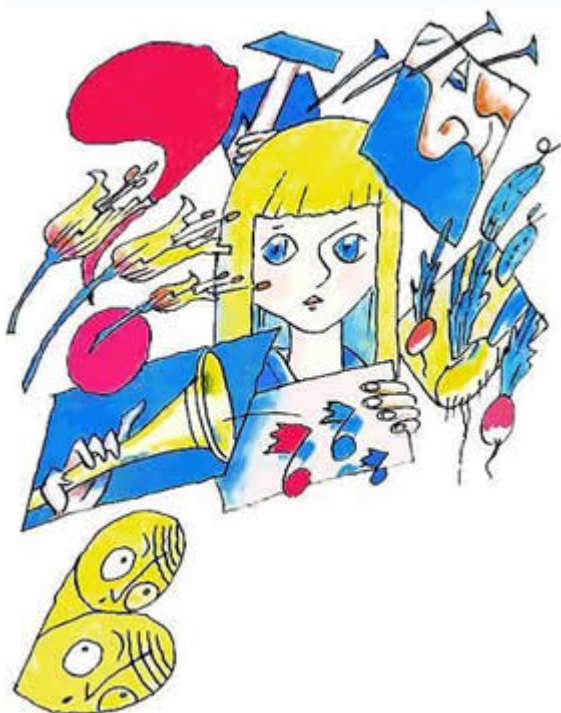
К письму была приложена заметка из газеты, переснятая на ксероксе. В ней говорилось, что по решению ООН следующий год будет Годом Хорошего Ребенка. Что сегодня дети — дети, а завтра они — члены правительств. Поэтому сейчас надо налаживать их международную дружбу.

— Мама, — сказал Рома, — я обязательно поеду в Жевену. Вот увидишь.

— Привези мне колготки! — сказала сестра Ольга. — И фломастеры... и мягкие ластик... и... куклу в стеклянной коробочке и... модные очки и...

И она перечисляла свои будущие подарки до вечера.

Глава девятая «МАЛТИПАЛ ЧОЙС» ИЛИ АНКЕТА ДЛЯ ВСЕЙ СЕМЬИ

В этот холодный ноябрьский день Розалинда летела домой, как заблудившаяся осенью бабочка. В пластмассовом фирменном пакете она несла свои школьные тетради и фломастеры. Сегодня в пакете лежала еще и анкета, которую дал учитель мистер Бош.

Для всех ребят это была обычная анкета — «малтипал чойс», которую голландские школьники заполняют несколько раз в год по просьбе министерства культуры или министерства образования. А для Розалинды это была карта с указанием мест, где можно найти сокровища. А если говорить точнее, то билет на самолет. Мистер Бош сказал:

— Тому, кто правильно ответит на все вопросы, разрешат поехать на детский праздник ООН. Как представителю нашей школы и всей Голландии. Конечно, при условии хорошего знания английского языка. И, конечно, при некоторых других условиях.

— При каких? — закричали мальчики и девочки.

— Я не знаю. Может быть, надо будет уметь танцевать и петь. Может быть, быстро бегать или плавать. Но анкета — это главное.

Розалинда прибежала домой вся мокрая, задыхаясь.

— Мама! Папа! — закричала она с порога. — Нам выдали анкету!

Ее мама в это время заворачивала незнакомой покупательнице фонарь к велосипеду. Ее папа беседовал с соседом мистером Янсенем о починке мотоцикла. Безнадежно, — им не до Розалинды!

Грустная Розалинда направилась к лестнице. Увидев, что она расстроилась, папа крикнул ей вслед:

— Бабушка наверху! Если тебе что-нибудь нужно, попроси у нее.

Пока Розалинда шла по лестнице, ее настроение улучшилось. Раз к бабушке можно обращаться, значит бабушка сегодня в хорошем настроении.

— Бабушка, бабушка! Мне дали «малтипал чойс»!

Стул, на котором сидела бабушка, заскрипел и даже как-то закричал, пока бабушка поднималась с него. Она внимательно посмотрела на Розалинду: волосы прилипли ко лбу, куртка нараспашку, брюки в заплатках, с яблоками на коленях.

— И мама разрешает тебе ходить в таких заплатках?

— Да.

— Покупатели могут подумать, что вы обанкротились. Что у вас больше нет ни гульдена. Только затем, чтобы люди чаще ходили в ваш магазин, ты должна выглядеть прилично. Иди сюда, я завяжу тебе хвостик. И надень, пожалуйста, целые брюки.

Здесь бабушка разразилась длинным монологом:

— В этом доме всегда такой беспорядок! Хороший сюжет для Янстейна! Если бы я сюда не приходила, здесь все бы погибло. Кто бы смотрел за детьми и мыл окна? Подумать только, в моем возрасте — и все это делать. А у меня, между прочим, есть и свой дом и сад, за которыми надо ухаживать. Да я только сегодня полдня дергала сорняки. А теперь работай здесь, занимайся запущенным ребенком!

Розалинда сдалась и покорно разрешила бабушке расчесать свои длинные волосы и сделать хвостик. Это даже ее успокоило. А когда она увидела своего брата Вильяма в углу комнаты, причесанного и аккуратно одетого, она про себя рассмеялась. В один прекрасный день бабушка вымоет их как следует и поставит в витрину магазина вместо велосипедных манекенов.

Она решила больше ничего не говорить бабушке об анкете. Вечером бабушка уйдет, Вильям ляжет спать, тогда она вместе с родителями спокойно прочитает все вопросы, изучит все предлагаемые ответы и в нужных местах поставит крестики. Мама и папа наверняка дадут ей правильные советы.

В шесть закрылся магазин. В семь они пообедали. В восемь всей семьей загнали сопротивляющегося Вильяма в постель. А бабушка никуда не уходила. Все скрипела и скрипела своим вертящимся стулом перед телевизором.

Это был не просто стул, это был бабушкин командный пост. С него она следила за всем, что происходит в доме и на экране.

— Может быть, вам нужен кофе? — спросила мама бабушку. И по ее тону было понятно, что она ожидает отказа. Что-нибудь вроде: «Нет, нет. Я уже уйду. Мне не заснуть от кофе. Большое спасибо. Я и так засиделась». Но бабушка просто сказала:

— Да, нужен!

Розалинда вертелась за маленьким письменным столом в углу и нетерпеливо крутила в руках анкету. Наконец она сказала папе громким шепотом.

— Папа, ты должен это прочитать. Наш учитель говорит, что у меня есть шансы попасть на праздник. Потому что я хорошо знаю английский.

Розалинда дала ему бумаги. Сначала брошюру со статьей о празднике, которую показывала, по крайней мере, уже трижды, потом анкету, которую им в этот день раздали в школе.

— Может быть, папа, я там этого мальчика встречу, из Москвы. И еще многих других ребят. Мы вместе отправимся в путешествие... А Жевена далеко? Папа, ты рад за меня?

— Пожалуйста, потише! — сказала бабушка и сделала звук телевизора еще громче.

— Вот ваш кофе! — сказала мама и поставила чашку с кофе перед бабушкой. Нельзя сказать, что она ненавидела свою свекровь, но и сильной дружбы между мамой и бабушкой не было. Они

находились в состоянии хронического перемирия.

Отец сделал жест рукой, чтобы установить тишину, и попросил жену подойти к столу. Они начали внимательно читать.

— Ой, а это интересно!

— Интересно? — спросила бабушка, чья глухота иногда совершенно неожиданно исчезала.

И пока ей рассказывали о детском фестивале, она постепенно все больше приглушала телевизор и все сильнее отворачивалась от экрана. В конце концов она оказалась к экрану спиной.

— Съезды! Симпозиумы! Конференции! — сказала она. — Уже до того законферировались, что без гроша остались! Так можно по миру пойти! Никаких денег не хватит!

Родители Розалинды не знали, что возразить на это. Доводы бабушки как всегда были просты и непроверяемы. Одно слово «законферировались» чего стоило. А Розалинда закричала:

— Бабушка, но я увижу Рому. Побываю за рубежом. Посмотрю на советских ребят.

— Ага! — сказала бабушка и покачала седой головой. — Вот как эти красные разрешают свои проблемы! Собирают детей со всего мира, чтобы сделать из них коммунистов! Очень умно, должна я сказать. Протестантская школа ни за что бы на это не пошла.

— Кто собирает детей? — с удивлением спросил папа.

— Как кто? Да эти красные, которые организуют конференцию.

— Мама, ты ничего не поняла, — сказал папа Розалинды. — Ее организуют не красные. Ее организует Организация Объединенных Наций.

— Ах, Соединенные Штаты! — сказала бабушка. — Тогда все в порядке.

Бабушкин стул начал скрипеть в обратном порядке — у нее снова пробудился интерес к телевизору. Слава богу!

В это время Розалинда изучала анкету. Первый вопрос был такой: «Сколько у тебя друзей?» На выбор предлагалось три ответа:

1. У меня много друзей.
2. У меня мало друзей, но все они настоящие друзья.
3. В наше время надо полагаться только на себя.

Папа увидел, что Розалинда никак не может решиться, какой ответ выбрать, и заглянул к ней через плечо.

— На твоём месте я бы выбрал первый ответ. Все дети в школе твои друзья. Все соседские дети тоже. Порою просто не знаешь, куда деваться от твоих друзей.

— Глупости! — сказала мама. — Не всякого можно назвать другом. Достаточно иметь немного друзей, но это должны быть верные друзья, на которых всегда можно положиться. У тебя есть три хорошие подружки и хватит. Это Элен, Симона и Аннет.

— На этих цыплят можно положиться?! — всем корпусом вместе со стулом развернулась бабушка. — Да они здороваются со мною через раз. В мои годы люди умели дружить, а сейчас нужно надеяться только на самого себя.

После совета папы Розалинда зачеркнула первый квадратик. После совета мамы — второй. А после суровых слов бабушки ей ничего не оставалось сделать, как зачеркнуть третий.

Теперь вся семья с интересом занялась заполнением анкеты.

— Так, что там дальше? — спросил папа.

— «Ты с надеждой смотришь в будущее?» — прочитала Розалинда. И сразу показала взрослым ответы. «Нет, потому что я боюсь войны». «Люди всегда находили выход из трудного положения». И «Я об этом никогда не думала».

— Выбери первый ответ, — сказала мама и повернулась к бабушке: — Они поймут, что она серьезная девочка, потому что ее беспокоит будущее.

— Они поймут, что у ребенка расстроена психика, — сказала бабушка и повернулась к Розалинде: — Зачеркни второй квадратик. Что люди всегда могут найти выход из трудного положения. Тогда им будет ясно, что ты — личность. Сильные личности всегда нужны.

Розалинда зачеркнула первый квадрат, как хотела мама. Вторым, как хотела бабушка, и посмотрела на папу.

— Дочка, ты всегда должна говорить правду, — посоветовал он.

И Розалинда поставила третий крестик.

Следующий вопрос анкеты был довольно странным и неожиданным: «Что ты сделаешь, если тебе пришлют один миллион гильденов из Организации Объединенных Наций?»

И предлагались варианты:

1. Организую детский фестиваль.
2. Положу деньги в банк.
3. Отдам деньги родителям.

Взволнованный папа провел мозолистой рукой по волосам:

— Что-то я ни разу в жизни не слышал, чтобы из ООН прислали кому-нибудь хотя бы гильден.

Его мама, бабушка Розалинды, встала со своего стула, сложив руки на груди. Это была ее любимая поза:

— Это просто какая-то чепуха! Сумма-то большая, а выбор они предлагают маленький. Я бы, например, организовала фонд помощи пожилым женщинам.

— А я бы, — сказала мама, — наняла продавцов. Чтобы они помогли мне до конца моей жизни. У меня стало бы больше свободного времени. А оставшиеся деньги я бы вернула в ООН. Пусть отдадут их бедным.

— Но здесь нет таких ответов! — возразила Розалинда. — Я не могу из этого выбирать.

Мама ласково обняла ее:

— Конечно, дорогая. Мы это знаем. Выбери первый ответ, он самый правильный.

— Нет, — упрямо сказала бабушка. — Хороший ребенок должен быть практичным. В Соединенных Штатах сидят не дураки. Они оценят деловую жилку. Положи деньги в банк.

— Что угодно, только не это! — сказал папа. Он недавно купил свою мастерскую и теперь выплачивал банку большие проценты. — Отдай деньги родителям, дочка.

И снова были перечеркнуты три квадратика вопреки всем «малтипалчойсовым», то есть анкетным, правилам.

Дальше следовал вопрос о телевидении:

«Какие телевизионные передачи тебе нравятся больше всего?»

1. Телевидение полезно, потому что оно дает много информации.
2. Я люблю смотреть мультфильмы и эстрадные представления.
3. Телевидение вредно для детей.»

— Практичные дети всегда смотрят телевизор! — с нажимом сказала бабушка. — Чтобы получить как можно больше знаний.

— Знаний им хватает в школе, — сказала мама. — Нормальные люди смотрят только мультфильмы и цирк. Только ненормальные сидят у телевизора по восемь часов в день.

Это был прямой выпад, и бабушка стала «наливаться».

— Знаешь что, — сказал папа, — выбери третий ответ. Так им больше понравится.

Он совсем забыл, что недавно призывал дочку говорить только правду.

А Розалинда не забыла и не стала подчеркивать квадратик номер три.

К этому времени бабушка окончательно «налилась» и «созрела» и готова была взорваться.

— Это я смотрю телевизор по восемь часов?! На что вы мне намекаете?

Она поставила руки на бока и стала наступать на маму.

— На то, что некоторые только и умеют делать, что смотреть телевизор и всех поучать.

Папа встал между ними со слабой надеждой предотвратить ссору.

Молча наблюдая за происходящим, Розалинда поняла, что телевизор вреден не только детям.

И пока мама, папа, телевизор и бабушка продолжали кричать, она забрала свою анкету и на цыпочках вышла из комнаты.

У нее осталось совсем немного незаполненных пунктов.

«Любишь ли ты ходить в школу?»

1. Да, потому что я хорошо учусь.
2. Не всегда, но школа приносит много пользы.
3. Играть на улице гораздо интереснее».

Розалинда задумалась. Или у того, кто составлял анкету, было мало мозгов в голове, или он просто ничего не знал о детях. Да, ей нравилось ходить в школу, когда она хорошо училась. Но это было не всегда. И иногда ей совсем не хотелось идти в школу, хотя школа приносит много пользы. И, несмотря на всю ее пользу, играть на улице гораздо интереснее.

Розалинда махнула рукой и зачеркнула все три квадратика. Пусть сами выбирают, какой ответ правильный.

Она уже дошла до последнего и самого трудного вопроса:

«Что ты умеешь делать своими руками?»

После этого следовал длинный ответ. Самый длинный из всей анкеты.

«Я умею делать предметы из дерева, вязать, шить на машинке, чинить спущенные шины, выращивать овощи и цветы, играть на разных музыкальных инструментах, работать красками и кистью, выпиливать лобзиком, гладить, готовить еду».

Внизу была сноска: «Ненужное зачеркнуть». Розалинда считала, что все это ненужное.

Например, она терпеть не могла вязание, и зачем самой шить одежду, думала она, когда ее можно купить в магазине. Делать предметы из дерева могут заводы. Почему она должна выращивать овощи или цветы? Она же не фермер. Зато спокойно с закрытыми глазами она могла чинить велосипедные шины. А велосипедные втулки она могла перебирать на ощупь, как японский робот, в полной темноте. Если твои родители имеют велосипедный магазин, эти навыки входят в тебя незаметно и навсегда. После работы папа смотреть не мог на велосипеды, и свой велосипед она чинила сама. Но, если все в будущем начнут все делать своими руками, ее папа стал бы никому не нужен.

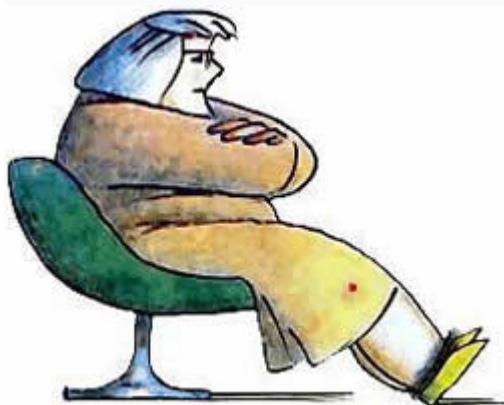
Розалинда водила карандашом над анкетой, не зная, что ей вычеркнуть, что оставить. И тут в комнату постучала бабушка:

— Розалинда, крошка, можно к тебе войти?

На этот раз бабушка не была похожа на себя. Ее толстые руки были опущены по бокам, и всем обликом она показывала, что чувствует себя виноватой.

— Как дела? — спросила она, показывая на анкету.

— Хорошо, — сказала Розалинда. Но по ней было видно, что ничего хорошего нет.

Бабушка надела очки и прочитала все, что она написала. Розалинда ожидала услышать от бабушки выговор, но, к ее удивлению, бабушка ее похвалила:

— В твоих ответах чувствуется инициатива. Это как раз то, что эти люди из Соединенных Штатов должны оценить.

— Но я не знаю, что мне выбрать в последнем вопросе, — сказала Розалинда. — Что зачеркнуть.

— Ничего не надо зачеркивать! — сказала бабушка. — В жизни надо уметь делать все. Вы теперь выбрасываете все сломанные вещи и немедленно покупаете новые. В мои годы все было по-другому. Мы все делали сами и сами все чинили. А теперь люди своими руками только деньги считают.

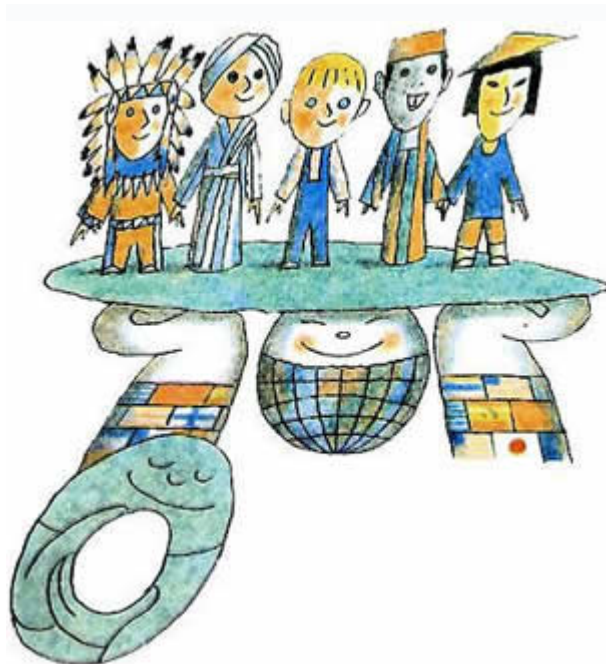
Розалинда была мокрая от волнения:

— Но я не умею красить, шить на машинке, выращивать овощи.

— Клянусь тебе! — сказала бабушка, сложив руки как на молитве. — Я научу тебя. Я всему тебя научу!

Ее лицо как всегда было полно решимости, с упрямыми морщинками у рта и умными глазами. На лице бабушки было еще что-то непривычное. Это была улыбка. Если они еще не стали друзьями, то стали товарищами по несчастью. Неожиданно, к своему полному удивлению, Розалинда поняла, что любит бабушку. На какое-то время, по крайней мере.

Глава десятая СООБЩЕНИЯ В ПРЕССЕ, ИЛИ ОБЗОР ПЕЧАТИ

Объявление в главной столичной газете «Жевена Ньюс»:

«Для проведения Всемирного детского праздника требуются работники: экскурсоводы, обслуживающий персонал, переводчики, специалисты по работе с детьми. Открываются языковые курсы. Приглашаются все желающие. Обучение бесплатное. Люди, прошедшие курсы, обеспечиваются работой в фестивальном комитете».

Под объявлением стояла подпись: заместитель заведующего сектором детей ООН Ичикава.

И был указан адрес, по которому можно было обращаться для устройства на работу.

Статья в специальном выпуске ЮНЕСКО, посвященном Году Хорошего Ребенка:

«Многие страны откликнулись на предложение провести Год Хорошего Ребенка. В том числе: Америка, Англия, Франция, СССР, Япония, Таджикистан, Белоруссия, Бельгия, Нидерланды, оба Китая, Иран, Ирак, Афганистан, Пакистан, Острова Фиджи, Зеленого мыса, Сейшельские и т. д. Каждая страна выбрала свой способ определения достоинства ребенка. В одних странах упор делается на деловитость, в других, таких как СССР, на общественную полезность, в третьих — странах третьего мира — на коллективизм.

Так или иначе, это будет большое событие в жизни молодого поколения, и ни один ребенок на всем земном шаре не останется в стороне.

Победители, или достойнейшие, съедутся на свой финальный праздник в Жевену. И здесь на спортивно-сервисных соревнованиях будет определено — дети каких стран идут самым правильным путем.

Победу командам и отдельным ребятам будет присуждать большое жюри, составленное из популярных деятелей детства — педагогов, детских врачей, детских писателей, спортсменов и тренеров.

Имеются сведения, что на финальный праздник приедет европейский принц Филлип и некоторое количество коронованных и некоронованных особ для участия в соревнованиях. Это еще выше поднимает престиж Года Хорошего Ребенка!»

Заметка в газете «Пионерская правда»:

«1990 год — ГОД ХОРОШЕГО РЕБЕНКА.

Юный друг! Знаешь ли ты, что такое ООН? Это Организация Объединенных Наций.

Разные страны прислали в эту организацию своих представителей, чтобы наблюдать за порядком в мире.

Порядок в мире им навести не удалось, но кое-что хорошее они сделали. Например, Организация Объединенных Наций объявила 1990 год Годом Хорошего Ребенка. Это значит, что в 1990 году все хорошие ребята будут подняты на щит. Их будут награждать подарками, угощать пирожными, приглашать в гости в разные страны мира. А лучшие представители хороших детей — самые замечательные дети — съедутся на Всемирный Праздник Хорошего Ребенка — ВПХР в страну Люкспумбург, в город Жевену.

Там будут проводиться соревнования по разным видам хозяйственного спорта: кто лучше умеет шить, вышивать, гладить брюки, делать предметы из дерева и пластмассы, кто лучше умеет работать в саду и в поле. На празднике будет много песен и музыкальных коллективов.

Но самый главный вопрос — кого считать хорошим ребенком. Каждая страна будет решать этот вопрос по-своему. Из одной страны поедут самые бедные ребята, из другой — самые талантливые, из третьей — самые работающие, из четвертой — самые высокопоставленные.

Какие ребята поедут от нас, пока еще неизвестно. Но скоро этот вопрос будет решен, и мы напишем об этом в газете.

Корреспондент Игорь Жувачкин».

Вторая заметка в «Пионерской правде»:

«КТО ПОЕДЕТ НА ВПХР.

Итак, ребята, в этом году будет Всемирный Праздник Хорошего Ребенка. Наша газета неоднократно (один раз) писала об этом. Кто же поедет на праздник?

Конечно, самые достойные ребята. Те, кто лучше всех учится, ведет общественную работу. Для поездки надо собрать не меньше пяти тонн макулатуры и пятидесяти тонн железного лома. И, безусловно, надо сдать нормы на значок ГТО (бег — 60 м за 13 сек, прыжок в длину 4,5 м, прыжок в высоту 1 м 20 см).

Родители должны дать ребятам хорошие рекомендации. То есть ребята должны помогать дома: мыть полы, ухаживать за младшими братьями и сестрами, ходить в магазины.

Ребята, больше тренируйтесь! Вас ждет ВПХР!

Корреспондент И. Жувачкин».

Заметка из голландской газеты «Утрехтские новости»:

«НОВОСТИ ИЗ ЖЕВЕНЫ.

Заметно ухудшилось качество образования в нашей стране в связи с тем, что урезается

государственный бюджет на культурные нужды.

В каждом классе возросло количество учеников и доходит сейчас до тридцати.

При таком количестве учащихся чрезвычайно трудно работать с учениками. Приходится большое количество упражнений давать на дом.

Меньше внимания уделяется каждому школьнику. Больше приходится надеяться на формальное анкетирование и „малтипал чойсы“.

Таким образом даже отбирались кандидаты на детский фестиваль — конференцию в Жевену. Наверное, это не самый правильный путь, по которому должно следовать Министерство нашего Образования.

На фото Министр высшего образования принимает делегацию учителей».

Глава одиннадцатая ПОЖИЛЫЕ СТУДЕНТЫ УСТРАИВАЮТСЯ НА РАБОТУ

Заметка в главной Жевенской газете была подписана фамилией Ичикава. Ичикава был заместителем госпожи Баракас... ах нет, Карабас.

Не прошло и двух дней, как к нему стали приходиться желающие работать на празднике. Господин Ичикава был японец. Он практически не умел отказывать. Когда ему хотелось отклонить кого-либо, он звонил госпоже Карабас. Сейчас был именно такой случай. Перед ним стоял мистер Кирпичиано со своим не первой молодости студенческим строительным отрядом.

«Ребята» и Кирпичиано чувствовали себя неуверенно, все время оглядывались по сторонам и держали руки за спиной, чтобы, не дай бог, чего-нибудь не украсть.

— Поймите, — говорил вежливый господин Ичикава, — это трудная работа. Дети будут вас спасать из воды, переводить через дорогу. Вы — учебные сотрудники. А если не спасут?!!

— Ради детей мы на все согласны! — патриотично заявлял Кирпичиано.

— Вы на все согласны ради детей? — спрашивал он у своих спутников-соратников.

— Конечно! А то как же! — неуверенно отвечали спутники.

— Но ведь могут быть травмы! — убеждал Ичикава.

— За травмы особая плата! — весело говорил Кирпичиано.

— Никакой особой платы! — возражал вежливый японец. — Все строго по договору. Я думаю, молодежи и то будет трудно.

— Возрастом попрекаете? — с ненастоящей слезой в голосе спрашивал Кирпичиано.

— Нет, нет! — испугался японец. — Просто видите, за вами стоит группа студентов. Мне кажется, такая работа больше для молодых.

— А мне кажется, что кое-кто притесняет кое-кого из-за многих лет честной работы на благо родной страны. И этот кое-кто — вы.

— Нет, нет! — еще больше испугался японец Ичикава. Он никак не хотел обижать старичков. Но и брать Кирпичиано с братией, по правде говоря, никак не хотел.

Он нажал кнопку селектора и соединился с кабинетом госпожи Карабас. Там шло, наверное, очень важное интернациональное совещание. Потому что из селектора посыпались обрывки разговора:

— ...В конце концов можно обратиться к китайским, итальянским или греческим организациям. Я имею в виду рестораны. Можно взять еду на дом. Я считаю, что образованные мужчины должны сами себе уметь готовить. А ты только жалуешься, что рубашки у тебя не индийские, костюм не английский, а брюки не выглажены. Другой бы гордился такой женой, как я. Все, ну буквально все просят меня разрешить сотни проблем.

Ичикава, услышав про сотни нерешенных проблем, хотел даже отключить селектор, но не успел:

— Я вас слушаю, — услышался строгий голос госпожи Карабас.

— Мисс Карабас, здесь пришли две группы желающих работать. Одна молодежная — это студенты, и одна постарше... значительно...

— Аспиранты! — подсказал в трубку Кирпичиано.

— Кому отдать предпочтение?

— Конечно, тем, кто постарше, — услышался ответ госпожи Карабас. — От молодежи сейчас деваться некуда.

— Я вас понял, — убитым голосом сказал Ичикава. — Зачисляем старших.

Довольные ветераны ушли, потирая руки. Один из них с огорчением обнаружил при этом в своих руках золотую авторучку Ичикавы.

Глава двенадцатая РОМА РОГОВ НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

Самое трудное для Ромы Рогова было хорошо учиться, несмотря на успехи в английском языке. Потому что надо было думать об этом с первого класса.

Возьмется Рома изучать проценты, оказывается, надо знать десятичные дроби. А это четвертый класс.

Учит он десятичные дроби, а надо знать простые, умножение их и деление, а это третий класс.

На уроках Рома сидел как приклеенный, не вертелся и все записывал. С этой учебой он совсем забросил любимую пожарную школу. Он уже не знал, что они там сегодня делают — тушат учебный пожар, вытаскивая учебную бабушку из учебного огня. Или бегают стометровку с полной выкладкой: брандспойт, противогаз, лестница и радиотелефон на спине.

Безусловно, пожарная школа была самым интересным местом в районе. И учителя грозились: «Вот не будете как следует учиться, пойдете в пожарные. Там ума не надо, математику знать ни к чему, географию тоже. Бегай себе с этажа на этаж. Там вместо истории огнетушитель изучают!»

Но школьников это не пугало. Они уважали пожарных. Их тянуло к зданию пожарной школы, где серьезные сильные люди изучали огнетушители, ездили на пожарных машинах, как будто это здание было намазано медом с первого до последнего этажа.

Всех школьников тянуло, кроме Ромы. Ему было не до огнетушителей. Все чаще его фамилию на уроках относили к группе отличников — Муравьев, Антонов, Приходов, а не к группе двоечников — Харитонов, Мицельский и Рожин Артур.

С другими пунктами, необходимыми для поездки в Жевену (общественная работа, сбор макулатуры и металлолома, нормы ГТО), было легче.

Стенная газета Ромы была лучшей в районе. Правда, трудно было собирать заметки с ребят. Здесь Рому выручала сестра Ольга. Высунув язык, она целыми днями писала:

«Скоро зима», «Седьмое ноября — день праздника трудящихся всех стран и народов», «Наши мамы — лучшие в мире».

И через стенную газету Рома стал ведущим общественником школы.

Макулатуру и металлолом ему помогали собирать те самые ребята, фамилии которых всегда произносили как одну: Мицельский-Харитонов-и-Рожин-Артур.

Только раньше впереди еще стояла фамилия Рогов. Теперь фамилия Рогов от этих фамилий отъединилась, но дружба ребят не распалась, а крепла. Мицельский-Харитонов-и-Рожин-Артур, как три мушкетера, ходили по этажам своего квартала и сладковежливыми голосами просили:

— Тетенька, у вас есть макулатура? Дайте нам, пожалуйста, побольше, нам для больного.

Потом они отправлялись за металлоломом по дворам. Они сообразили, что металлолома больше всего у гаражей, и забирали старые автомобильные крылья и карданные валы буквально прямо из рук автомобилистов-чинильщиков.

Какой-нибудь любитель-шофер еще не решил: выбросить ему старое крыло или оставить про запас. Он еще стоит и размышляет, глядя в небо. Он еще держит его за один конец. А за другой уже берутся Мицельский-Харитонов-и-Рожин-Артур. И сразу видно, что им крыло нужнее. А они еще и напирают:

— Стране нужно железо!

И автомобилист неуверенно разжимает пальцы.

Так они натаскали Рогову пятьдесят обязательных тонн.

И все яснее и яснее вырисовывался на фоне других учащихся образ передового прогрессивного школьника наших дней Романа Рогова.

Учится почти на одни пятерки. Не считая троек.

Поддерживает дружбу между народами в виде переписки с голландской школьницей на английском.

Ведет большую общественную работу — выпускает стенгазету размером один метр на четыре.

Собрал металлолома и макулатуры больше всех в районе.

Петр Сергеевич Окуньков и педсовет решили, что Рома Рогов вполне созрел для поездки за границу. Эту мысль они внушили председателю Совета Дружины Пионеров Игорю Антонову. А Игорь Антонов внушил эту мысль самому Совету.

Другие мальчики в своей переписке с Голландией увяли где-то на переводе второй половины

первого письма или на написании первой половины второго.

Совет Дружины вызвал Рому на ковер и торжественно поздравил. Сам Игорь Антонов протянул ему руку и сказал:

— Ты, Роман, молодец.

А его заместитель Витя Приходов, хотя и видел Рому каждый день в классе, торжественно, как в Кремле, произнес:

— Уважаемый Роман Рогов, мы все в тебя верим. И верим, что ты оправдаешь звание советского ученика. Что на передовом фронте идеологической борьбы ты будешь лучшим представителем лучшей советской молодежи во всем мире!

И только по дороге домой Рома понял, что он добился своего. Что он едет в страну Люкспумбург, в город Жевену! На детский праздник — фестиваль.

Он шел по городу, и ему стало казаться, что большие дома на улице расплываются в тумане, растворяются в воздухе... И вокруг него появляются луга и горы, водопады и курортные места. То есть типичные пейзажи средней части Европы. Где-то он уже видел их. Но где? Он же никуда не выезжал. Ах, да. Он видел их на шикарных подарочных импортных календарях на год.

Роману осталось только пройти комиссию РУНО.

Глава тринадцатая ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «УМЕЛЫЕ РУКИ», ИЛИ ХОРОШИЙ ХАРАКТЕР ПЛОХОГО «ЧЛЕНА ЖЮРИ»

Сотни заполненных анкет «малтипал чойс» прибыли в Гаагу. Гаага — это город, где находятся резиденция королевы и все-все правительство. В этот раз правительство анкетами не занималось, ими занимались студенты.

Какой же голландский ребенок выбрал из всех ответов самые правильные? Читать все анкеты — работа монотонная и кропотливая. Поэтому студенты не читали. Они использовали шаблон — листок бумаги с вырезанными квадратиками в тех местах, где были поставлены правильные

ответы.

Приложишь такой листок к контрольной анкете и считай сколько крестиков попало в окошки. Девять крестиков в окошках — девять хороших ответов, шесть крестиков — шесть, два окошка заполнено, значит два правильных ответа дал кандидат-школьник.

К концу дня труженики студенты установили, что у шестидесяти перспективных участников было по девять крестиков.

Но Голландия — маленькая страна с большой дырой в бюджете. Она не может себе позволить отправить в Жевену делегацию из шестидесяти человек. И профессор, возглавляющий комиссию из студентов, сказал:

— Давайте посмотрим, что эти шестидесяти... шестеро... десятков... Что эти шестьдесят умниц умеют делать своими руками. Что там они вычеркнули.

Студенты вытащили несколько анкет и стали рассматривать, кто из ребят что умеет делать: «...вязать, шить на машинке, чинить спущенные шины, выращивать овощи...» и т. д.

— Ой! — сказал один студент. — Мне попался какой-то суперребенок. Он умеет делать все! Только анкету не умеет заполнять. Ее фамилия Розалинда Вилминг. Ладно, пропускаем ее.

Как и почему Розалинда прошла этот тур — было для нее загадкой. Узнав об этой новости, Эвелин позеленела от зависти. Она спросила:

— Какие ответы ты зачеркнула?

— Все, — застенчиво ответила Розалинда. — По три ответа на вопрос.

— Это же нечестно! — сказала Эвелин. — Надо было зачеркивать только один. Как я. Только один, который ты считаешь правильным.

— А я все считаю правильными! — сказала Розалинда.

— А что ты зачеркнула в пункте десять?

— Ничего.

— Как ничего?! Ты все умеешь делать?! Да у тебя на лице написано, что ты просто хвастунья! — закричала Эвелин. — Я еще поверю, что ты можешь чинить шины. Ну и чини, потому что это грязная работа, как раз для тебя! А про все остальное ты врешь!

В доказательство того, какая это грязная работа, она высунула язык и отвернулась.

Розалинда восприняла это как оскорбление в адрес своего отца.

— Говнюшка! — выругалась она.

Как раз в это время подошел господин Бош. Его коротко стриженные волосы ежиком плескались на ветру, дувшем со двора школы.

— Ты хороший ребенок? — спросил он.

— Нет! — ответила Розалинда. Только сейчас она по-настоящему начала понимать, как трудно быть хорошим ребенком.

Еще неделю назад она написала Роме радостное письмо, в котором уверяла, что приедет на фестиваль. Сейчас, когда она ежедневно тренировалась с бабушкой в вязанье, шитье, плотничанье, готовке и окраске, настроение у нее было хуже некуда.

Гвозди гнулись, краска проливалась, петли падали с вязальных спиц, а сами спицы царапались как

ненормальные.

Только пироги у нее получались хорошие, хотя вкус имели совсем не такой, какой предполагался в рецептах.

Через два дня должен был состояться конкурс «Умелые руки». Как писали о нем газеты:

«...заключительный тур, во время которого из шестидесяти хороших детей выберут шесть самых хороших».

Бедная Розалинда теперь не очень спешила домой после школы. В дверях ее обычно ждала бабушка в фартуке с новым заданием. Что они будут делать сегодня? Может быть, сажать фрукты и овощи. Но где? На подоконнике, в горшках, в блюдцах, в тарелках, в розетках из-под варенья и в старых тапочках? У ее бабушки хватило бы на все это энергии. К тому же она была более строгим и суровым учителем, чем все учителя, которых до этого знала Розалинда.

У бабушки был небольшой дом, в каких обычно живут пожилые люди, с маленьким участком земли размером четыре на пять метров, где она выращивала цветы, помидоры и красную капусту.

Растения стояли стройными рядами, как солдаты, и невозможно было найти между ними ни одного сорняка. Это был не сад, а настоящий натюрморт. Вот, наверное, откуда бабушка так много знала о растениях.

Сейчас Розалинда неохотно вытащила ключ из кармана. А что, если она проникнет в комнату тихонько, как мышка. Или скажет, что ей задали бешеное количество уроков? Или объявит, что она тяжело больна, а потом убежит.

И тут она услышала звуки гитары. Кто же это играет? Неужели бабушка? Бабушка и гитара! — трудно было представить себе что-нибудь более несовместимое.

— Розалинда! — пропела бабушка под аккомпанемент. — Заходи-ка!

— Бабушка, у тебя что, моя гитара?

— Да, конечно! — пропела бабушка в ответ.

— Почему?

— Розы, разве ты забыла, что тебе нужно будет играть на музыкальном инструменте? Ты умеешь?

— Нет, — сказала Розалинда. На самом деле она знала две песенки. Она сама их придумала и могла петь с самыми простыми аккордами. Это был ее секрет.

— Я сейчас тебя научу одной песне. Это старая классическая песня.

Она положила пальцы на гитарные струны, поискала удобную позу (в этот раз она сидела не на своем вертящемся стуле, а на коротком диванчике в гостиной). И запела:

Есть такой на свете город, да,

Называется он Веной.

И служил в одной казарме, да,

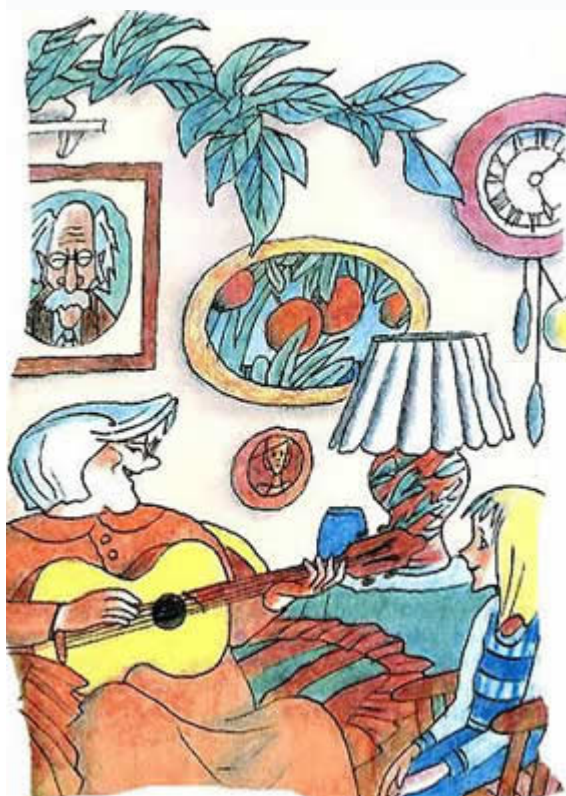
Там солдат обыкновенный.

Он был красивый парень, да,

Но был ужасно прост.

Из-за своей подружки Мейн, да,

Он раз покинул пост.
 Но на пост пришли гвардейцы, да,
 И его ждала засада.
 И теперь на эшафоте, да,
 Ему жизнь окончить надо.
 Приказано в казарме, да,
 Солдата запереть.
 Да, он красивый парень, да,
 Но должен умереть.
 И пошла его подружка, да,
 В королевскую палату,
 Королю упала в ноги, да,
 Просит милости солдату.
 «Он вовсе не преступник, да,
 Он просто мой жених.

И, если это нужно, да,
 Убейте нас двоих».
 И сказал король: «Ну что же, да,
 Мы устроим испытанье.

Коль решишь мои загадки, да,
Отменю я наказание.
В твоих руках спасенье, да,
Солдата твоего.

Посмотрим, как сумеешь, да,
Ты выручить его».

«Что такое, объясни мне, да,
Есть король, но нет владенья?

Что такое, объясни мне, да,
Есть вода, но нет теченья?»

«Король, но без владений, да,
Есть карточный король.

Вода, но без теченья,
То слезы — моя боль.»

«Что за ключ, ты объясни мне, да,
Все затворы отворяет?

Что без всякого оружия, да,
Самых сильных покоряет?»

«Вам золото любые, да,
Затворы отворит.

А любящее сердце, да,
Любого покорит.»

Тут король в ладоши хлопнул, да:
«Эй, помиловать солдата!

Он виновен предо мною, да,
Но она не виновата.

Женить их поскорее, да,
И тут же доложить.

А кто жену имеет,
Не должен мне служить!»

Бабушка кончила петь и, смущенная, отложила гитару.

— Эта песня называется «Маленький солдат». Это не настоящая классика. Девочки из моего класса обычно пели эту песню, чтобы дразнить мальчиков.

И наступило молчание. Розалинда была смущена не меньше бабушки. Она попыталась представить

себе бабушку молодой девочкой. Это было трудно: столько нужно было снять с нее веснушек и лишнего веса. Розалинда села на вертящийся стул вместо бабушки и с грустью посмотрела на свои руки. Три пальца заклеены пластырем, ногти поломаны.

— Ничего не выйдет из этого конкурса, бабушка. Я ведь только велосипеды могу чинить, шины всякие.

— А ведь ты умеешь играть на гитаре, — сказала бабушка, и глаза ее заблестели. — Я иногда слушала. И пирог ты в последний раз испекла хороший. Осталось вязание — так это пустяки. Главное, чтоб было желание.

— Ты поедешь со мной на конкурс? — спросила Розалинда.

— Конечно, — сказала бабушка. — Это я сказала тебе ничего не вычеркивать из анкеты. Теперь я чувствую себя ответственной.

Из большого вертящегося стула Розалинда посмотрела на бабушку, и вдруг вместо старой женщины с испанской гитарой перед ней оказалась давнишняя девочка, которая просто почему-то стала толстой и пожилой.

— Бабушка, а когда ты была девочкой, у тебя тоже было много веснушек?

— Нет, очень мало было, — ответила бабушка.

В день конкурса Розалинда встала раньше чем обычно. Она плохо спала и не знала, что надеть: джинсы или вельветовые брюки.

— Поторопись, — сказала мама, — скоро за тобой придет бабушка. Я так рада, что она едет с тобой. Мне просто необходимо сегодня быть в магазине.

Не успела она закончить, как в дверь позвонили. Это была бабушка.

— Доброе утро. Проснулись уже, мои крошки!

От бабушки пахло морозящим дождем, и она казалась в два раза более энергичной, чем обычно. Она посмотрела на Розалинду так, будто она заполняла анкету «малтипал чойс» под названием «Как выглядит моя внучка:

1. Неряшливо.
2. Прилично.
3. Так себе».

Бабушка решила, что «так себе».

— Знаешь что, — сказала она девочке, — надень-ка ты свои самые лучшие брюки.

Розалинда не стала спорить. Пошла переоделась и разрешила бабушке заплести косичку. Потом они вместе выбрали рубашку. Потом они упаковали гитару и тронулись.

— Успеха тебе, Роза! — крикнули родители ей вслед.

А Вильям, сонный и дохленький, поднял большой палец вверх:

— Давай держись!

В автобусе и поезде Розалинда не сказала ни слова. Она нервно жевала косичку и думать-то ни о чем другом не могла, как о пролитой краске, погнутых гвоздях, о пластырях и кривоватом пироге с кисловатой начинкой.

Бабушка, сидевшая напротив, была одета в строгое серое платье на пуговицах, с блестящей булавкой на груди.

— Все будет хорошо! — повторяла она, покачиваясь с поездом.

— Все будет хорошо! Все будет хорошо! — подтверждал поезд.

Розалинда смотрела в окно. С левой стороны она видела длинные полосы травы, разделенные ровными прямыми траншеями с водой. На траве паслись коровы. С правой стороны были те же длинные полосы травы, разделенные ровными траншеями. И здесь тоже паслись коровы. Они пережевывали зеленый покров сосредоточенно и всерьез. Ведь это было единственное дело, которое они должны были уметь делать хорошо.

В Утрехте они взяли такси и поехали к зданию, где должен был проходить конкурс. Утрехт был выбран национальным оргкомитетом потому, что этот город находился в самом центре Голландии, к тому же там был железнодорожный вокзал.

Стены дома для конкурса были исписаны особыми лозунгами — «графити». Кое-кто даже считает эти лозунги искусством. В тоннелях, парадных, на фасадах домов эти лозунги встречаются сплошь и рядом.

— Мы сделаем вид, что не знаем друг друга, — сказала бабушка.

— Почему?

— Скажешь, что приехала одна. На них это произведет хорошее впечатление.

Волоча гитару за собой, Розалинда вошла в помещение. Там было много лучших представителей прогрессивной голландской молодежи от 10 до 12 лет и много их пап и мам. Она растерянно смотрела по сторонам. К ней подошел молодой человек:

— Здравствуй. Как тебя зовут, девочка?

Розалинда назвала себя. Он поискал в списке и дал ей этикетку с номером 11.

— Прикрепи это к своей рубашке. Скоро всех позовут наверх. Там найдешь комнату номер 11. У каждого номера своя комната и свое задание. А ты совсем одна?

Розалинда проглотила комок в горле:

— Наверное, одна.

Молодой человек некоторое время смотрел на нее, подняв брови, потом исчез в толпе.

Зазвенел звонок. Родители стали хлопать детей по плечу, целовать. Отовсюду слышалось:

— Успеха тебе.

— Нос кверху!

— Постарайся все сделать хорошо. Не сдавайся!

Учитель господин Бош сказал Розалинде вчера, что весь класс будет переживать за нее и будет крутить в честь нее большими пальцами сцепленных рук. Но весь класс и все пальцы были далеко, а ей они были нужны здесь. Полная жалости к себе Розалинда пошла в потоке детей наверх по лестнице.

— Ты давно на гитаре играешь? — спросил ее худощавый мальчик с глубокими коричневыми глазами, мальчик под номером 60.

— Давно, — неуверенно ответила Розалинда. — Три дня уже.

— А я играю на барабане. Мне обычно папа не разрешает стучать. Но из-за конкурса он мне разрешил. Я стучал каждый день.

Розалинда подумала, что этот мальчик, наверное, похож на Рому. Хотя Рома все еще был мальчиком, сделанным из бумаги.

— Ты умеешь плавать и ловить рыбу?

— Нет. Но я умею готовить и делать деревянные полки.

На втором этаже был длинный коридор с комнатами. Одни ребята входили в них, как борцы или воины, другие — неуверенно, на слабых ногах, как Розалинда. Жюри должно было решить, кого же из них считать Хорошим Ребенком.

В каждой комнате были плита для приготовления пищи, коробка для шитья, велосипед со спущенными шинами, некрашеная скамейка, длинный прямоугольный глиняный ящик и пакет с ростками и землей и находился один взрослый.

Розалинду встретила женщина — член жюри и объяснила ей, что делать:

— Вот инструкция. Тут список заданий. Сама решишь, с чего начинать и что делать потом. А я иногда буду заходить к тебе. Желаю успеха!

Розалинда осталась одна. Комната выглядела как вагон для перевозки мебели или как барахольский рынок.

В панике Розалинда начала с ремонта велосипеда. Потом она схватилась за кастрюлю для похлебки, потом решила заняться самым сложным — скамейкой... Нет, не так! Сначала почистим картошку... Или покрасим велосипед... Или... Это ростки или салат? Может, покрасить надо не скамейку, а кастрюлю? А зачем иголки и нитки? Не для того же, чтобы штопать велосипедные шины. И что надо сделать сначала: помыть руки, а потом браться за картошку или сначала помыть картошку, а потом брать ее в руки? Все смешалось в голове Розалинды.

Пока ребята варили, красили, сколачивали скамейки, члены жюри прохаживались по коридору, тихо разговаривали, серьезно молчали и иногда заглядывали в рабочие комнаты к детям посмотреть, все ли в порядке, не поранил ли какой-нибудь чемпион палец или руку.

Самым впечатляющим членом жюри была пожилая женщина, которая, несмотря на свою грузную фигуру, ходила по коридору с прямой спиной и высоко поднятой головой, сверкая во все стороны блестящей булавкой на груди.

Она вошла в комнату 30, где мальчик в очках штопал чулок, и сказала:

— Распори и сделай еще раз.

В комнате под номером 44 она не очень лестно отозвалась о покраске мебели ребенком с таким же номером. В комнате номер 8 она посоветовала поменьше солить омлеты.

Розалинда сражалась с десятком оторванных пуговиц на служебном плаще, когда увидела эту строгую женщину — свою бабушку. От неожиданности она чуть не вскрикнула, но сдержалась.

— Что ты здесь делаешь?

— Ш-ш-ш-ш-ш! Я пришла тебе помочь, глупышка.

С быстротой молнии она принялась чистить картошку, штопать носки и сажать ростки.

— Но это же нечестно! — сказала перемазанная продуктами Розалинда.

— Может быть, — подняла от картошки голову бабушка. — Но Соединенным Штатам не понравится,

если на праздник приедут дети не из хороших семей. Пусть даже они умеют делать многое. Хороший характер в мире больше ценится, чем хорошие руки.

После этих слов бабушка скрылась за дверь. Потому что она и так провела слишком много времени в одной комнате.

Розалинда высунулась за ней в коридор:

— Бабушка, помоги мальчику под номером 60. Он барабанщик.

— Никаких барабанщиков! — ответила строгая женщина из жюри. И тут же направилась к комнате номер 60 помогать указанному внучкой конкурсанту.

К обеденному времени члены жюри начали проверять трудовые успехи экзаменуемых, пробуя блюда, приготовленные ими.

Члены жюри были из разных городов и не знали друг друга. И они не заметили, как исчезла краса и гордость жюри — пожилая большая женщина с прямой спиной и сверкающей булавкой на груди.

После долгих совещаний и переговоров родителей и детей пригласили в зал на первом этаже, и там было объявлено:

— Наиболее вероятными победителями станут номера 18, 40, 3, 60, 30 и 11. Мы приглашаем этих ребят исполнить что-нибудь на музыкальных инструментах.

Аплодисменты в зале постепенно умолкли. Стало тихо. На сцену вышел номер 18 — девочка с флейтой. Она немного попищала что-то очень правильное и очень знакомое. Поклонилась во все стороны, не выпуская флейту изо рта, в том числе и в сторону занавеса, и радостно сбежала со сцены.

Мальчик под номером 40 спросил, есть ли в зале пианино. Когда члены жюри сказали, что нет, он торжественно заявил, что мог им сыграть с листа Листа и Моцарта.

Номер третий играл народный танец на губной гармошке. Играл очень старательно и танцевал при этом. Причем у него ноги немного запаздывали за музыкой, как в плохо озвученном фильме, где звук отстает. Но он очень старался, и видно было, что в нормальных домашних условиях у него все получится.

Потом вышел номер 60. Он объявил, что играет на барабане.

— Я не мог принести барабан, — сказал он. — Но я попробую что-нибудь сделать.

Как фокусник, он достал две палочки и начал стучать ими по сцене, по микрофону и по стенам зала, пока зал не начал с энтузиазмом хлопать в ладоши в ритм его ритму. Чувствовалось в каждом жесте, что мальчик с номером 60 — уникальный мальчик с золотыми руками.

Номер 30 — девочка — сказала, что она забыла скрипку дома и призналась, что играет на ней не очень хорошо. Ее искренность понравилась комиссии, пожалуй, больше, чем хорошая игра на скрипке.

Как хотела Розалинда в эту минуту забыть свою гитару дома. Но гитара была здесь, и члены жюри с нетерпением ждали выхода девочки под номером 11 на сцену. Розалинда, как убитая, вытащила гитару из чехла и стала тихо-тихо петь. Так тихо, что ее почти не было слышно. Однако сердца членов жюри растаяли из-за ее чистого голоса и очень простой и трогательной песенки.

В течение всего этого времени по противоположной экзаменационному зданию стороне улицы солдатским шагом прогуливалась пожилая полная женщина.

Женщина не просто гуляла, иногда она изучала граффити на стенах.

Лозунг «Иностранцы, убирайтесь вон!», кажется, ей не очень понравился. А лозунг «Если нам немного повезет, скорее всего мы сможем окончательно уничтожить цивилизацию!» она прочитала дважды или трижды. Потому что он был с первого раза неясным и запутанным.

Тут потоки людей стали выходить из экзаменационного здания, и женщина быстро скользнула в открытое парадное. Из него она внимательно всматривалась в толпу и, увидев свою внучку, улыбнулась:

— Выглядит счастливой!

Как она и ожидала, ее внучка прошла этот конкурс. Розалинда должна была пройти.

Как хорошо, что у нее остались старые связи! Как хорошо, что ей удалось найти одну знакомую, которая готовила конкурсные задания. Как хорошо, что она подготовила внучку именно к этим конкурсным работам.

Глава четырнадцатая КАТАСТРОФА

И вот Рома Рогов под весело-завистливые взгляды сестры собирается идти на собеседование в выездную комиссию РУНО.

Рома начистил ботинки так, что в них можно было смотреться как в самовар или как в елочный шарик. Глядя в них, можно было причесываться. Надел лучшую рубашку со всеми пуговицами и повязал пионерский галстук.

— Сходи в магазин за хлебом! — строго приказал он Ольге. — И подмети пол.

— Раскомандовался! — ответила Ольга. — Ты — лучший ребенок, вот ты и подметай с утра до вечера. Она помолчала, потом, видно передумав, сказала:

— Ладно, иди, подмету.

Когда Рома уже взялся за дверную ручку, его задержала Елизавета Николаевна.

— Рома, ты когда-нибудь проходил выездную комиссию?

— А что это такое?

— Тебе будут задавать разные вопросы.

— Какие? — спросил Рома.

— Какие отношения сейчас между белыми и черными в Африке. В каких странах Южной Америки сейчас революция. В чем неправ президент Америки Рейган?

— А в чем он неправ?

— Во всем.

— А в каких странах Южной Америки сейчас революция?

— Во всех понемногу. Там всегда революции, — ответила Елизавета Николаевна.

— Почему меня будут об этом спрашивать? — удивился Рома.

— Как же, ты выезжаешь за рубеж. Должен произвести на иностранцев хорошее впечатление своими знаниями. Они будут видеть, что советского мальчика глубоко интересуют судьбы мира.

— А если я не отвечу на вопрос?

— Значит поедет другой мальчик. Или другая девочка. Желающих поехать много, а мест в делегации мало.

Сообщение Елизаветы Николаевны несколько насторожило Рому, но не настолько, чтобы запугать. Он твердыми шагами пошел навстречу судьбе, которая должна была предстать перед ним в виде неизвестной комиссии РУНО.

В маленьком переулке имени тов. Подсвечникова стоит двухэтажный особняк. Именно из него идет свет учебного разума на весь район. Именно отсюда разлетаются по школам диктанты и контрольные; строгие, но неконкретные приказы и призывы: расширить, повесить и развернуть. (Расширить обычно надо работу, повесить — успеваемость, а развернуть, как правило, борьбу.)

Около особняка жужжала группа взволнованных школьников. Это были друзья кандидатов на выезд. Сами кандидаты были внутри особняка. Они были очень аккуратно одеты и очень серьезные.

Время от времени открывалась большая деревянная дверь комиссии и выходил очередной экзаменовавшийся. Все бросались к нему:

— Ну что? Ну как? Что спрашивали?

— Все спрашивали, — отвечал очередной мальчик. — Про положение в Африке, про то, в какой стране больше всего развит неофашизм.

— А почему?

— Они говорят, что советский мальчик, выезжающий за рубеж, все должен знать про положение в мире, — объяснил экзаменующийся. — Мы — самая передовая страна на Земле и должны думать не только о себе, но и обо всех других рабочих людях планеты.

Вопросы ребятам задавали самые разные. Не было никакой системы. Все это напоминало кроссворд в газете «Вечерняя Москва»: «Остров в Тихом океане, недавно получивший независимость. Пять букв по горизонтали» или «Один из пятидесяти языков современной Индии. Восемнадцать букв по вертикали».

Поэтому Рома не стал мучиться, искать систему в вопросах, а просто сел и стал ждать, когда придет его очередь.

Наконец высунулась девушка-секретарша и сказала:

— Рогов!

Рома вошел в комнату на резиновых ногах. Это был «красный уголок», такой же, как у них в школе.

В углу у окна на длинном столе лежала наполовину законченная стенгазета с названием «Народное образование». Рома ухитрился даже прочесть главный заголовок «Перестройка набирает силу».

На противоположной стене висело развернутое знамя и стояла прислоненная к стене Доска Почета с фотографиями всех лучших работников РУНО.

А сами эти лучшие работники сидели посередине комнаты за другим столом. Несколько пожилых женщин и один мужчина в помятом костюме и галстук.

— Проходи сюда, садись.

Рома сел на одинокий стул против комиссии.

— Ты хочешь поехать на фестиваль в Жевену?

— Да.

— А ты знаешь, какое положение сейчас в Южной Африке?

— Знаю, — сказал Рома.

— Какое?

— Сложное. Очень.

— Я бы даже сказала взрывоопасное, — сказала женщина за столом. — Ты согласен со мной? Потому что белые там угнетают темнокожее население.

— Согласен, — согласился Рома.

— А какие у тебя жилищные условия? — продолжала эта же молодая женщина.

— Хорошие, — ответил Рома. — У нас две комнаты и одна соседка. Елизавета Николаевна.

— А сколько у нас детей — членов пионерской организации?

— Не знаю, — сказал Рома.

— Стыдно, — заметила эта же молодая женщина. Почему-то Рома ей явно не нравился. — Стыдно не знать, сколько у тебя товарищей-пионеров.

— У меня три товарища, — сказал Рома. — Мы вместе с ними макулатуру собирали.

— Не спорь с нами, — сказал председатель. — Если мы говорим, что тебе должно быть стыдно, то тебе должно быть стыдно.

— И запомни, пожалуйста, — снова вмешалась молодая, — желающих поехать много, а мест нет. Поедут далеко не все.

— Следующий! — громко позвал председатель, и Рома понял, что надо уходить и ждать в коридоре решения комиссии.

На смену Роме в комнату вошел улыбчивый рыжеватый блондинчик.

— Здравствуйте, — сказал он комиссии и поклонился. — Я — Леша Измайлов.

Комиссия приступила к допросу.

Через некоторое время рыжеватый мальчик вышел. Видно допрос ему дался легко. Потому что он улыбался такой же легкой улыбкой, с какой вошел в зал.

— Ну, о чем тебя спрашивали? — набросились на него ребята.

— О жилищных условиях.

— И что ты им сказал?

— Что у нас дома шесть комнат на четверых.

Ребята даже ахнули.

— А на самом деле сколько?

— Две.

— Значит, ты соврал? — допытывались ребята.

— Конечно. Им так больше понравится.

— Но это же неправда? — воскликнул Рома.

— Мне и не нужна правда, — ответил мальчик. — Мне надо поехать. Мой папа говорит — ищешь правду, теряешь дружбу.

— А еще что спросили?

— Что нашим ребятам дороже всего?

— И что ты сказал? Родители? Дед Мороз?

— Руководители партии и правительства.

— Ну-ка, отойдите, ребята, — сказал Рома. — Я сейчас ему по морде дам.

Он размахнулся и треснул блондинчика по башке. Блондинчик был заискивающий перед начальством, но не трус. Он в ответ съездил Роме по зубам. И началась настоящая драка с синяками, с отрыванием карманов, с кровью из носа.

Из кабинета выскочила молодая комиссиянная женщина и вцепилась в ребят. Она оторвала их одного от другого и потащила Рому в «красный уголок».

Она швырнула Рому на стул и спросила:

— Ты из какой школы?

— Из пятьдесят шестой.

Женщина набрала по телефону номер пятьдесят шестой школы и попросила директора:

— Петр Сергеевич, кого вы к нам присылаете? Мало того, что у него ужасные жилищные условия, мало того, что он без отца. Он еще драку устроил. Самого лучшего мальчика побил.

Петр Сергеевич ужасно разозлился, но не на Рому — на нее.

Он стал говорить, что Рома должен обязательно поехать. Что мальчик преобразился, сам себя за волосы вытащил из хулиганства в отличники, что этот ребенок дорогого стоит.

— Вы об одном ребенке думаете, — ответила молодая женщина, — а мы обо всей стране. Такие ребята страну позорят.

Она бросила трубку. И Рома с треском был выставлен на улицу.

Это была полная катастрофа...

Когда Рома подошел к дому, ему пришлось перенести еще один удар. В почтовом ящике лежала открытка. Из Голландии.

Текст был такой:

«Дорогой Рома! Моя подруга Эвелин получила письмо от твоего товарища Игоря Антонова. Он пишет, что ты прошел все конкурсы и что школа реколлендует тебя в Жевену.

Я тоже прошла все конкурсы благодаря моей бабушке. Хотя можно сказать, что это она прошла все конкурсы. Не знаю, почему она мне так помогает, наверное потому, что она любит меня.

Так что мы вместе будем на празднике. Вместе с тобой, а не с ней.

До встречи в Жевене.

P. S. Почему ты не отвечал на мои письма?

Розалинда.»

Глава пятнадцатая ЖЕВЕНСКИЙ КАПКАН ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЯ

Кирпичиано и его пожилые мальчики не дремали. Они разрабатывали план за планом. Разрабатывали и отбрасывали как негодные.

Трудно в наше время пожилым преступникам. Во-первых, много стало полиции, и на службе полиции вся наука. Эксперты, и приборы, и Интерпол. В нынешние полицейские без кандидатской диссертации не берут. Сегодняшние инспектора по одному забытому окурку могут определить, сколько человек было в банде, какого они роста, где живут и в какой банк собираются положить украденные деньги.

Во-вторых, наших пожилых ребят постоянно теснила молодежь. Многие преступники тоже были с высшим образованием, со знанием нескольких языков. И, самое главное, с большими связями в той же полиции.

В-третьих, просто возраст. Уже не спрыгнешь с третьего этажа в проезжающий мимо автомобиль, а поедешь вниз на лифте. А пока дождешься лифта, пока он проскрипит по всем этажам, уже сработает сигнализация, и тебя внизу ждут обаятельные высокообразованные полицейские с электронными наручниками.

Поэтому так тщательно разрабатывали кампанию по обогащению на детском празднике старый Кирпичиано и его потрепанные друзья.

Наконец, они порешили вот на чем.

Как только на фестивале определится победитель — краса и гордость всех стран и народов, его торжественно на старинном автомобиле повезет по городу группа энтузиастов старины.

Эта группа завезет его на старую ферму и засунет в подвал. А потом предъявит счет ООН или другим руководителям фестиваля. Вот и появится тот самый долгожданный миллион, который до сих пор фигурировал только в анкетах на сообразительность: «Что ты сделаешь, если ООН пришлет тебе один миллион гульденов?» («Организую детский праздник», «Положу деньги в банк», «Отдам деньги родителям»). Никаким родителям Кирпичиано и его приятели деньги отдавать не собирались. И в банк класть не думали. При такой повышенной молодежной преступности это опасно. А вот подумать о счастливой старости они серьезно хотели. Какой-нибудь небольшой уютный притончик для престарелых. С выпивкой, картами, с другими самыми несложными развлечениями... ничего острого, никакой «клубники».

Как только идея пришла в их престарелые головы, они немедленно стали реализовывать ее.

Туз и Сонька — Золотая Ручка начали ездить по пригородам, присматривая недорогую тихую «дачу» на лето.

— Сдаете? — спрашивали они у хозяев.

— Сдаем, — отвечали те.

— А дешевле? — немедленно спрашивала Сонька.

Когда цена была подходящей, наши дачники задавали другие вопросы. Но какие-то не дачные. Не такие, как: «Далеко ли здесь речка?», «Много ли бывает грибов?» Они спрашивали: «А далеко ли полицейский участок?», «А не летают ли над территорией надзирающие вертолеты?», «А не бывает ли здесь по ночам проверки документов?»...

И вот дача (хаза) была найдена.

Это был отличный маленький домик на две комнаты и кухню. А при нем отличный пятиметровой высоты сарай для сельскохозяйственных машин. Стены были деревянные, гладкие. И только под потолком были маленькие квадратные окошки.

В этом сарае запросто могли «отдыхать» победители всех видов соревнований: по оказанию первой медицинской помощи, пению, вышиванию, подметанию полов и так далее. Причем не одни, а в составе своих национальных команд. Места всем хватит! Дело оставалось за малым! Кто-то им будет.

За фермой должен был присматривать гангстер с такой сельскохозяйственной кличкой — Картошка.

— Скажите, — спросил он у владельцев фермы, — а где наш руководитель может держать свою машину?

— Где хочет, там пусть и держит, — ответили владельцы. — Может перед домом. Может в сарае, Если, конечно, сможет выкатить оттуда трактор.

— Наш руководитель все может! — гордо произнес Картошка. — Вы его еще плохо знаете.

Это была чистая правда. Если бы владельцы фермы знали Кирпичиано хорошо, они никогда бы не сдали ему свою ферму.

Глава шестнадцатая ЛИМОНАДНЫЙ АГЕНТ

В школе дети пели ей песню «Долгих лет тебе жизни». Это знаменитая голландская песня, которую поют обычно в честь победителя или именинника. На доске крупными буквами было написано ее имя, дома все обнимали и целовали ее, дарили ей подарки.

Пришла корреспондентка местной газеты «Гааг курант», чтобы взять интервью.

— Сколько тебе лет, Розалинда?

— Одиннадцать с половиной, почти двенадцать.

— Напишем одиннадцать, согласна? Скажи, пожалуйста, что ты чувствуешь, будучи одной из лучших голландских девочек?

— Ничего.

— Ты должна чувствовать себя счастливой. Согласна?

— Согласна.

— Так давай, чувствуй.

— Не получается.

— Тебе кто-нибудь помогал готовиться к конкурсу?

— Бабушка.

Корреспондентка сразу переключилась на бабушку, и дело пошло веселее. Уж бабушка знала, что надо говорить и что надо чувствовать по любому вопросу и поводу.

Интервью было опубликовано в газете, и вырезки интервью висели у Розалинды дома и в школе.

На улице, в магазине Розалинда чувствовала на себе любопытные взгляды. Еще бы! Даже ее друзья стали вести себя по-другому. Теперь она была одним из шести знаменитых лучших детей страны.

Только Тобиас — соседский пес — был единственным, кто не придавал этому событию никакого толка. Он оставался таким же преданным и непослушным. Вот почему Розалинда все чаще брала его на прогулку. И ходили они не только в парк, но далеко в полдер, где Тобиас носился с высунутым языком по всем лугам и лужам между стеклянными теплицами.

Однажды Розалинда видела целый фильм об этих теплицах под названием «Стеклянный город». Ей очень понравилось название. Действительно, это был город из стеклянных строений, живой, полный зелени. В нем были стеклянные улицы и площади.

Но город этот принадлежал частным лицам — фермерам, и всем остальным вход в него был запрещен.

Однажды один злой фермер прогнал оттуда Розалинду с Тобиасом:

— Нечего вам тут делать!

— Ну и пусть! — сказала тогда Розалинда. — Мы пойдем с Тобиасом через канавы прыгать.

Это была такая специальная игра для детей — кто перепрыгнет, а кто свалится. И собаке играть в нее было легче, потому что у нее больше ног.

Игра была хороша еще тем, что значительно сокращала дорогу к дому. Не приходилось обходить длиннющие канавы, идущие совсем в другую сторону.

Они перепрыгнули первую канаву. Удачно преодолели еще две.

— Молодец, Тобиас! — сказала Розалинда. Но следующая канава оказалась им не по зубам.

Сначала в воду по уши свалился Тобиас, затем по колено вляпалась Розалинда. Они постарались выбраться на берег. Но край канавы был глинистый и скользкий. Они, конечно, выбрались, но с большими потерями. То есть все в глине.

Когда после прогулки они пришли домой вместе, грязные и уставшие, то увидели, что в комнате сидел человек, который ждал Розалинду.

Мама, посмотрев на Розалинду, чуть не упала в обморок:

— На кого ты похожа! Ты вся в грязи, почище собаки! Тебя уже более получаса ждут здесь по вопросу фестиваля, а ты с собакой валяешься в глине.

— Мы не валялись, мы упали! — объяснила Розалинда.

Но маму это не успокоило, и она продолжала ругать Розалинду.

— Ну, почему все меня воспитывают? — подумала Розалинда. — Такое может случиться и с ХОРОШИМ ребенком.

Она отправила собаку домой:

— Иди к себе, Тобиас. Тебя ждут.

Но хозяину в таком виде Тобиас не был нужен.

— Ты сначала соскреби с него глину! — сказал он Розалинде. — Ты брала Тобиаса не таким. Его же нельзя в дом пускать. Я таким пса не возьму.

Розалинда вернулась с Тобиасом к себе. Человек, который ее ждал, с некоторым беспокойством смотрел на них с собакой. Он был элегантным, с шарфом вместо галстука, а собака отряхивалась, разбрасывая во все стороны мелкие комки глины. Человек осторожно посторонился.

— Тобиас! — одернула собаку Розалинда. Она объяснила незнакомцу:

— Мы соскользнули с края канавы...

— Ты Розалинда? — спросил он.

— Да.

— Меня зовут Вибо Ван де Блинде. Как ты относишься к фруктовому лимонаду? К «Фрешелю»?

Розалинда ожидала любые, самые трудные вопросы, но не такой.

— Нормально отношусь. Он такой, в железных баночках.

Гость постелил газету на стул и предложил Розалинде сесть.

— Понимаешь, праздник в Жевене будет стоить очень дорого многим правительствам. Подумай сама: билеты на самолет, номера в гостиницах, еда, которая постоянно дорожает, сопровождающие педагоги, экскурсии по городу. Не каждое государство может потянуть такое. И было принято решение обратиться к крупным компаниям за финансовой помощью. Ведь обидно, если какая-то страна из-за финансовых затруднений не сможет послать на праздник хороших детей. Понимаешь?

Морщины, появившиеся на лбу Розалинды, совершенно ясно показали, что она ровным счетом ничего не понимает.

Ван де Блинде чуть-чуть раздражился.

— Ты никогда не слышала о спонсорах? Владельцах, например, обувных фабрик, финансирующих теннисные турниры?

Прибавившиеся на лбу Розалинды морщины подсказали, что и о спонсорах она ничего не слышала.

— А мы решили финансировать вас!

Быстрым движением он вытащил из сумки яркий спортивный костюм и показал Розалинде. Костюм был великолепной лимонадной расцветки напитка «Фрешель» с названием фирмы, вышитым шелковыми нитками на груди и на спине.

— Ну, как тебе?

В голове у Розалинды при виде костюма стало что-то проясняться.

— Может, это не твой размер. Но это образец. Теперь ты, надеюсь, поняла, что мы тебе предлагаем.

Теперь Розалинда поняла.

— У твоих сопровождающих будут такие же костюмы.

— Мне нравится! — честно призналась Розалинда, осторожно поглаживая материал грязными пальцами.

В этот момент вошла ее мама.

— Господин Блинде, извините, что я ушла. Но я не могу оставлять магазин без присмотра ни на минуту.

Тут она увидела перечумазанную собаку, крошки глины на мебели и свою дочь, сидящую на газете все еще в неумытом виде и глядящую чистый ярко-желтый спортивный костюм.

— Роза! Ты заставляешь меня краснеть! Ты до сих пор не переоделась. Что здесь делает собака?

— Дети есть дети! — примирительно сказал Блинде.

Ему принесли кофе, и он снова начал разговор о недостатке денег у правительства, о фруктовом лимонаде «Фрешель», о празднике в Жевене.

— Значит, дети не будут вылезать из ваших костюмов?

— Нет, не так, мадам. Они их будут надевать на торжественных церемониях — при открытии и закрытии. И тогда, когда надо показать, что команда — единое целое.

— Да, да, — произнесла мама Розалинды с некоторым сомнением и обратилась к дочери:

— Пойди прими душ, переоденься и, разумеется, заведи с собой собаку.

— Куда? — спросила Розалинда. — С собой в душ?

Мама не ответила, она оживленно беседовала с лимонадным господином Вибо Ван де Блинде, одновременно протирая испачканную мебель.

— Комнату душем не окатишь, — подумала Розалинда, — а собаку можно.

Она стала заманивать Тобиаса в ванную. Потом залезла под душ и затащила туда же собаку. От упругой струи Тобиас завизжал и стал отряхивать воду с глиной во все стороны. Получилась просто пороссячья туча. Но вода все лилась и лилась и все смывала.

В первый раз за прошедшее время Розалинда почувствовала себя счастливой. Оказалось, не так уж приятно быть победителем конкурса, в котором на самом деле одержала победу бабушка. Не так уж приятно было переписываться с мальчиком, от которого приходит одно письмо в два месяца и все.

Ее одноклассница Эвелин уже получила второе письмо от одноклассника Ромы Игоря Антонова. В нем было несколько строчек о Роме: что Рома сделал все, чтобы приехать на фестиваль, и у него вроде бы все будет в порядке.

Это была приятная новость, но разве он не мог сам об этом написать.

Под душем с Тобиасом Розалинда скинула с себя тяжелый груз, лимонадная одежда подбадривала ее, и, казалось, вода смыла грязь и все ее печали.

С Ромой все будет в порядке, с ней все будет в порядке и на фестивале все будет в порядке. Нужно быть более уверенной в себе. Бабушка ни за что бы не стала ей помогать, если бы она уж совсем ни на что не годилась.

О финансировании поездки голландских детей в Жевену фирмой «Фрешель» передавали в последних новостях. Многие с одобрением отнеслись к поступку владельца фабрики, но некоторые, а если говорить точнее, то бабушка, говорили, что это позор.

Она возмущалась не из-за самого факта финансирования, это как раз, по ее мнению, было хорошим делом, а из-за лимонада.

— Ты только подумай — что они туда добавляют! Консерванты и всякие краски. А потом они заявляют, что любят детей не меньше лимонада.

— А мне нравится костюм, который они принесли, — сказала Розалинда.

— Ты еще в таких вещах ничего не понимаешь! — сказала бабушка.

Как раз в таких вещах Розалинда понимала. Более того, эта вещь понравилась и Вильяму. Костюм, присланный по почте, был Розалинде в самый раз, и Вильям успокоился только тогда, когда мама обещала выстирать костюм после фестиваля в очень горячей воде, чтобы он сел до его размера.

Мама и Розалинда поехали в город за покупками. Они заходили то в один магазин, то в другой.

— Что же нам купить? — спрашивала мама, стоя около рамы с одеждой, выставленной на улицу. Она была счастлива, что выбралась из дома и освободила себя от работы.

Она с некоторым раздражением смотрела на других женщин, которые только и делали, что рассматривали и примеряли одежду и пили кофе.

— Видишь, — говорила она Розалинде, — эти женщины не работают, а только тратят деньги. Я надеюсь, Роза, ты будешь другой, когда ты вырастешь. Ты будешь эмансипированной.

Розалинда, конечно, немедленно согласилась. Хотя ей показалось, что мама сама была бы не прочь только выбирать одежду и пить кофе. Любому надоест постоянно изо дня в день только чистить, смазывать и продавать велосипеды.

И вот мама неторопливо ходила по магазинам и наконец купила розовую блузку для себя, три маленькие машинки для Вильяма (чтобы он не рыдал) и будильник и босоножки цвета «Фрешель» для Розалинды.

— Дожили! — сказала на это бабушка. — Как глупо. Даже при покупке шлепанцев ими руководит лимонад!

Глава семнадцатая ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ТАМОЖНИ

Автобус с ребятами из советской команды подъехал к аэропорту «Шереметьево-2». Это международный аэропорт.

Веселые ребята в просторных джинсовых куртках с треугольными яркими ситцевыми врезами высыпали на жаркий асфальт как солнечные блички.

— Ребята! — сказал младший вожатый Игорь Иванович. — Все следуйте за мной. Будем сдавать багаж.

— Дети! — сказала старшая пионервожатая товарищ Федулова. — Никуда не следуйте. Встаньте немедленно в шеренгу по одному.

Ребята не знали, как поступить. Половина стала выстраиваться, половина сразу побежала за Игорем Ивановичем. Игорь Иванович был тот знаменитый корреспондент Жувачкин, который писал заметки о Года Хорошего Ребенка в «Пионерской правде». Товарищ Федулова была представителем ЦСПО при ВЛКСМ. То есть представителем Центрального Совета Пионерской Организации при Всесоюзном Ленинском Коммунистическом Союзе Молодежи.

Вторая половина ребят, не выдержав построения в шеренгу, постепенно растаяла и утекла вслед Игорю Ивановичу. За ними утекла и товарищ Федулова. Ей одной было совсем уж глупо строиться в шеренгу по одному.

В аэровокзале ребята — их было человек двадцать — сгрудились вокруг вожатых. Товарищ Федулова пересчитала их и поставила в очередь на регистрацию и прием багажа.

Пока она этим занималась, к Игорю Ивановичу подошел мальчик не из делегации. Он был в белой рубашке с короткими рукавами и с короткой челкой. Это был Рома Рогов.

— Здравствуйте, — сказал он. — Можно я передам с вами подарок?

— Подарок? — удивился Игорь Иванович. — Кому?

— Одной голландской девочке. Я с ней переписываюсь.

— Она приедет в Жевену?

— Да. Она прошла все конкурсы. Ее зовут Розалинда Вилминг.

— Что это? — спросил Игорь Иванович, показывая на коробку.

— Это икона.

— Икона? — удивился вожатый.

— Да. Это Сергей Радонежский. Я нарисовал для ее бабушки. Она очень религиозная.

— Сам нарисовал? — спросил Игорь Иванович.

— Да, конечно, сам, — подтвердил Рома. — Там еще письмо есть.

— Ладно, — согласился Игорь Иванович. — Давай сюда. Только не уходи никуда, пока мы не улетим. Мало ли что может быть на таможне.

Никак не ожидал пионер Рома Рогов, что он когда-либо будет рисовать иконы.

А все получилось очень просто. Они с Елизаветой Николаевной решили, что надо обязательно послать подарок в Голландию. И не столько Розалинде, сколько ее достойной бабушке. Лучше всего подарок сделать своими руками. Это и подарок и рекомендательное письмо о себе самом. А что может быть лучшим подарком для религиозной бабушки от юного художника с народным уклоном. Конечно, икона.

А кого рисовать? Безусловно, Сергия Радонежского. Поскольку он не совсем святой, не столько святой, сколько герой. Почти герой Советского Союза.

Если бы не он, вряд ли бы Россия выиграла самую главную битву за всю свою историю — битву на Куликовом поле.

По его призыву Россия подняла голову и прогнала жестоких татар, которые захватили полмира от Китая до Болгарии.

И вот Рома стал ходить по дворам и свалкам и стал искать. Он нашел крышку от очень старого старинного сундука. Средняя доска и послужила основой для иконы. А за образец лика Рома взял тот самый иконописный фотопортрет Сергия, который он купил в религиозном ларьке в городе Загорске.

Рома потратил на эту работу столько времени, сколько потребовалось бы на оформление пяти стенных газет. Но после того, как его не пустили на фестиваль в Жевену, он резко потерял интерес к стенгазетам, макулатурам, пионерским сборам и другим видам социальной активности.

В это время голос по радио пригласил пассажиров, улетающих в Жевену, пройти в зал для отлета. Рома увидел того мальчишку, с которым подрался в комиссии. На нем была цветастая джинсово-ситцевая куртка с погончиками. И как маленькое желтое солнце на кармане спереди сверкал герб СССР. На его рыжей башке была надета красно-синяя панамка ведерком. Такая же, как на всех других ребятах. Все это сильно дисциплинировало их и меняло облик в лучшую сторону. Поэтому Рома не сразу узнал этого противного мальчишку.

— Зря я с ним подрался! — подумал Рома. — Может быть, сейчас в Жевену ехал я, а он бы сидел дома и врал бы что-нибудь по телефону.

Таможенники быстро пропускали рюкзаки и чемоданы ребят через свои рассматривательные машины. На экране то и дело возникали зубные щетки, шпроты в масле, фотоаппараты, сгущенка и матрешки.

— Меха и бриллианты есть? — нехотя спрашивали таможенники.

Ребята вздрагивали, мысленным взором окидывали свои рюкзаки и торопливо говорили:

— Нет.

— А подкладка — это меха?

— Золото, драгоценности, предметы роскоши?

Как ни странно, ничего такого никто при себе не имел.

— Проходите.

Последним шел Игорь Иванович. Молодой дотошный таможенник в хорошо выглаженной форме обратил внимание на картонную коробку.

— Что там?

— Икона.

— Покажите.

Игорь Иванович снял резинку и открыл коробку.

— Это вывозить нельзя, — строго сказал таможенник. — Это предмет старины. Верните предмет сопровождающим.

— Это не предмет старины! — вмешался Рома Рогов. — Это я нарисовал.

— Товарищ провожающий, — отодвинул его рукой таможенник, — не мешайте отъезжающим. Заберите предмет и уходите.

— Я не буду забирать! — сказал Рома. — Это я нарисовал.

Произошло некоторое замешательство. Таможенник включил переговорное устройство, которое висело у каждого таможенника на плече:

— Товарищ заместитель начальника таможни! — суровым служебным голосом произнес он в устройство. — Здесь инцидент!

— Сейчас иду! — точно таким же голосом ответило устройство.

Через несколько минут появился «товарищ заместитель начальника таможни». Он имел какую-то совсем не таможенную внешность. Скорее был похож на добродушного кудрявого заведующего диетической столовой.

— В чем дело? — спросил он молодого таможенника.

— Товарищи утверждают, что это не предмет старины, а современное изделие. Что его изготовил этот подросток в подарок для религиозной западной бабушки.

«Заведующий столовой» взял в руки икону и внимательно осмотрел.

— Для предмета старины она, пожалуй, нововата. А с другой стороны, если предмет старины натереть луком, он будет так же сверкать. Будет таким же новым. Особенно, если пропитать подсолнечным маслом.

Все понюхали икону: луком не пахло, подсолнечным маслом тоже. Растерянность охватила персонал таможни.

— Вот что, — неожиданно сказал заместитель начальника, — до отлета самолета остается два часа. Мы посадим вашего художника у нас в «красном уголке». Там есть краски, кисти, все, что хочешь. Если нарисует такую же, пропустим. Если не сумеет, значит не сам рисовал.

— Ладно, — сказал Рома, хотя он немного испугался.

Его отвели в «красный уголок», такой же, как у них в школе. Там действительно лежали краски, бумага, кисти, куски материи: пиши любой лозунг, оформляй любой плакат, изображай любую разрешительную или запрещающую табличку.

— Рисуй! — сказали Роме строгие таможенники.

И ушли, а на чем рисовать не сказали. Ведь не будешь рисовать икону на бумаге. И Сергия Радонежского забрали с собой, как же лик изображать — по памяти?

Рома даже растерялся, но его очень обрадовали краски. Такую красивую коробку он никогда в руках не держал. Все-все цвета были в этой коробке. И лаки, и золото в тюбиках, и серебро. Наверное, краски конфисковали у какого-нибудь лакокрасочного спекулянта. Краски заставили Рому собраться с силами и думать.

Перед ним на стене висел портрет Главного Таможенного Генерала и некоторых его помощников. Генерал был очень строгий.

— Вот тебе и лик, — подумал Рома.

А на чем рисовать? Рома обошел комнату. Он хотел снять с петель форточку, потому что она имела иконообразный вид. Форточка никак не снималась, а рисовать на ней, стоя на окне, было слишком

трудно.

Потом Рома увидел книжный шкаф сдвигающимися стеклами. Покрутился около шкафа. Можно бы было рисовать лик генерала на стекле. Но Роман испугался, что он перепачкает весь шкаф, все книги в нем и ковер на полу.

Остался последний предмет — сейф под генеральским портретом. В сейфе торчали ключи.

Рома повернул их, раздалась музыка из «Лебединого озера», и дверца открылась. В сейфе ничего не было, кроме четвертинки с каким-то растворителем, но дверца изнутри была идеальна.

Середина ее была вдавлена, как бывает на самых старых иконах, и пропорции дверцы были поистине золотыми.

Рома быстро взял краски и загрунтовал дверцу. Чтобы краска не попадала на пол, он подстелил газеты. Их в «красном уголке» лежало великое множество.

Краски были великолепными. Быстро сохли, а высохнув, сияли солнцем. Скорее всего их привозили для реставрационно-музейных работ. Но везли их с каким-то серьезным нарушением закона, поэтому они и приземлились в «красном уголке».

Не прошло и полутора часов, как на внутренней стороне дверцы засиял всеми цветами радуги новый святой — Иван Таможенский, генерал, праведник.

Генерал был в меру постный, в меру улыбчивый, в меру добрый. Над его головой сверкал нимб, придающий ему начальственную чистоту. На руках вместо младенца он держал свод таможенных законов и правил. Этот свод Рома рисовал с подлинника, стоявшего в шкафу. Погоны его напоминали кресты на плечах Николая Чудотворца. В общем, все было по канонам.

Только Рома поставил последнюю точку — орден на груди генерала, как вошел заместитель начальника таможни с молодым таможенником, заварившим всю эту кашу, и с кем-то еще, кажется, с Игорем Ивановичем.

— Как наши дела, товарищ Суриков-Репин? — добродушно спросил заместитель начальника, оглядывая комнату в поисках иконы.

Рома молча протянул ему ключи от сейфа.

Заместитель вставил их в скважину, повернул и стал открывать дверцу. Послышалась музыка танца маленьких лебедей, и из глубины сейфа на свет торжественно выехал новый святой.

— Караул! — тихо сказал заместитель начальника.

Потом он быстро скомандовал молодому таможеннику:

— Смирно! Кругом! Шагом марш! Возвращайтесь немедленно на свой пост. Сейчас не время для досуга.

Молодой таможенник повернулся и вышел служебным шагом. Тогда заместитель похлопал Рому по плечу и сказал:

— Молодец, молодое дарование! Теперь я вижу, что ты сам работал. Пусть твой подарок следует куда следует.

Он нажал кнопку на своем переговорном устройстве:

— Товарищи на третьей стойке, пропустите в Жевену Сергия Радонежского. Мальчик рисовал его сам.

— А это, — сказал он Игорю Ивановичу, показывая на сейф, — я буду демонстрировать только близким друзьям и то по большим праздникам... Все, торопитесь на посадку. Через двадцать минут вылет.

Глава восемнадцатая СТОЛПОТВОРЕНИЕ НА ГОЛЛАНДСКОЙ ГРАНИЦЕ

И вот настал день, когда бабушка, мама и Вильям привезли Розалинду в Утрехт.

Было сыро, дул сильный ветер. Здесь, в этом большом городе в центре Голландии их должен был ждать маленький автобус. На этом автобусе голландская делегация уезжала в Жевену.

Розалинда надеялась, что папа тоже поедет ее провожать. Ей так хотелось этого. Но некому было остаться в магазине. Конечно, это могла сделать бабушка. Но она сказала:

— Я ничего не понимаю в этих велосипедо-мотоциклах с толстыми шинами! — Когда ей было нужно, она ничего не понимала, хотя обычно понимала все.

Когда они подъезжали к Утрехту, бабушка показала ей Дом — самую высокую башню в Голландии. Она была не так уж высока, этажей в десять. Но выше нее в Голландии ничего не построено.

Голландскую делегацию нашли быстро. Она стояла в назначенном месте напротив железнодорожного вокзала и была очень заметной. Потому что все ребята и руководители были одеты в одинаковые лимонно-желтые костюмы.

— Вы только посмотрите на них! — ехидно сказала бабушка Розалинды. — Семь голландских бананов собираются пуститься в дальнюю дорогу.

Вильям засмеялся, а мама вздохнула, не сказав ни слова. Розалинда с грустью посмотрела на свои голубые брюки и подумала, что она зря согласилась с бабушкой убрать костюм в чемодан для большей сохранности.

В делегации было двое взрослых — девушка и молодой человек, очень заинтересованные друг другом, и пять беспокойных ребят, скакавших во все стороны по вокзальной площади.

— Розы, иди сюда! — сказала мама. Она стояла рядом с руководителями делегации и хотела

представить им свою дочь.

— Меня зовут Эмма!

— А меня — Аренд!

Они дружелюбно кивнули Розалинде, чтобы она не смущалась.

— Мы хотели объехать всех детей задолго до отъезда, — сказала Эмма. — Но ничего не вышло из-за эпидемии гриппа.

— Мы даже друг друга заразили! — сказал Аренд.

— Прошу всех встать рядом! — закричал отец одного из отъезжающих ребят. — Делаю общую фотографию.

Делегация построилась в два ряда: спереди маленькие, сзади высокие.

— А где твой костюм? — спросил Аренд.

— В чемодане, — ответила Розалинда. — Экономится.

Несколько корреспондентов приехали на станцию, и замелькали молнии, как перед дождем. В этих вспышках Розалинда видела сияющие лица родителей, братьев и сестер, бабушек, дедушек, друзей.

Времени до отправки автобуса оставалось все меньше: последние, самые крепкие поцелуи, последние, самые важные советы.

— Не пей много этой гадости, — попросила бабушка, намекая на «Фрешель».

— Чтобы приехала живая и здоровая! — погрозила мама Розалинде пальцем. — Береги себя!

— Береги костюм! — закричал Вильям.

Ребята вошли в автобус, который тоже был желтый. Автобус тронулся, и Розалинда стала махать рукой своим родным. Она махала, пока их было видно.

Наконец у нее появилась возможность рассмотреть своих спутников. Это были ребята, с которыми она сдавала экзамен. Но она узнала только одного — барабанщика, выступавшего под номером 60. Они сидели с ним рядом.

— Правда, здорово? — спросил мальчик.

У него были блестящие темные глаза, и он в своем костюме был похож на золотого петушка:

— А где твой костюм?

— В чемодане. Моя бабушка говорит, что «Фрешель» — химия, а вы все похожи на бананы.

Мальчик скорчил гримасу:

— Костюм просто блеск. У твоей бабушки не все дома, что ли?

Розалинда хотела согласиться с ним. Но потом подумала, что попала сюда только благодаря бабушке. Она хотела рассказать о своей бабушке, как она помогла ей сдать экзамен. Но не знала — можно ли доверять этому мальчику.

— Этот последний экзамен, — начала она неуверенно, — был очень трудный. Ну... когда нам надо было паять, чинить... Правда?

— Почему? Совсем не трудный. Мне было легко.

— У тебя был шестидесятый номер?

— Да.

— И кто-то из жюри приходил тебе помогать?

— Верно, — сказал мальчик и засмеялся. — Одна женщина хотела помочь мне чистить картошку. Только я делал это быстрее ее.

— Почему?

— Я дома часто чищу картошку. Я все умею: готовить, шить, чинить электричество. И этот конкурс не был для меня трудным.

Розалинда посмотрела на него с удивлением.

— Понимаешь, — сказал мальчик, и улыбка ушла с его лица, — мы живем только с папой и сестренкой. Так что в доме всегда находится работа.

— А где твоя мама? — тихо спросила Розалинда.

— Умерла. Мой папа жениться не хочет. Он любил маму. Нам хорошо втроем. Сестренка еще маленькая, ей только девять. Я за ней присматриваю.

— А кто сейчас с твоей сестренкой?

— Сейчас она у тети.

После того, что сообщил ей мальчик, Розалинде стало как-то неловко. Она не знала, о чем говорить. Мальчик сам спросил:

— Тебя как зовут?

— Розалинда.

— Ого, какое длинное имя!

— Дома меня зовут Роза... или Робби.

— А меня Ханс, — представился мальчик. Он тоже засмутился и провел рукой по своим жестким и черным волосам, которые торчали во все стороны:

— А правда, здорово?

— Что?

— Все... И что мы едем в Жевену.

— Здорово! — согласилась Розалинда, Роза-Робби.

К востоку от Утрехта пейзаж начал меняться. Вместо пастбищ, воды и деревень Розалинда теперь видела только леса и поля.

Шоссе было переполнено. Со всех сторон автобус «Фрешель» окружали частные машины.

А вокруг Голландия казалась почти пустынной: меньше деревень, меньше больших городов, больше свободного пространства.

Как хорошо было бы, если бы ее родители открыли велосипедный магазин именно здесь. Сколько хочешь катайся на велосипеде!

Они подъехали к пограничному пункту, который состоял из нескольких зданий, расположенных в стороне от шоссе. Приближаясь к нему, машины на несколько секунд замедляли скорость и

скапливались.

У границы стоял служащий, который махал рукой, чтобы машины проезжали быстрее и не было пробки. Автобус фирмы «Фрешель» тоже пошел быстрее.

И вот они в Германии. Ничто не изменилось. Та же дорога, те же металлические ограждения, те же на зеленые квадраты разрезанные поля, плоские как монета. Никаких гор не появилось. Только дорожные указатели поменяли язык. И по этому главному признаку дети поняли, что они уже за границей.

— Никаких дорожных пробок! — сказал Аренд, складывая паспорта в небольшую сумку для документов. — А по пятницам здесь что творится. Почему-то во время выходных все люди хотят оказаться в одном и том же месте в один и тот же час.

— А мы никогда не попадаем в пробки! — высокомерно сказал один мальчик. — Мы всегда летаем самолетом. Мы почти каждый год ездим на Канарские острова. Потому что моя мама любит солнце.

— А мы ездим в Испанию, — сказал другой мальчик. — На каникулы.

Кто-то хихикнул. Это был Ханс.

— А я проведу свои каникулы в Жевене, — сказал он.

Глава девятнадцатая ГОЛЛАНДСКИЕ ПОБЕДИТЕЛИ ПРИБЫВАЮТ В ЖЕВЕНУ

По случаю Года Хорошего Ребенка Жевена была переполнена развевающимися знаменами, лентами, детьми и силами безопасности. Они вели строгое наблюдение за гостиницами, в которых жили дети.

Конечно, дети были хорошими. Но некоторые из них прибыли из регионов, находящихся в состоянии войны. И для некоторых взрослых Жевена была не местом примирения, а местом, где можно было продолжать военные действия и диверсии. Поэтому и была организована усиленная охрана.

Голландская команда расположилась в отеле «Вильгельм Тель». Это было шестнадцатизэтажное здание, построенное в виде полукруга.

Эмма и Аренд никому не разрешали выходить на балкон, а это было самое замечательное место. Отсюда открывался прекрасный вид на ярко украшенный город с его розовыми и зелеными оштукатуренными зданиями в стиле Ренессанса, широкими авеню и крупнодеревными парками.

Сначала Эмма и Аренд не возражали против балконов. Но после того, как один мальчик перевесился через балконные перила будто постельное белье, Эмма и Аренд заперли балконные двери. Еще бы! Они жили на двенадцатом этаже, отсюда легко было упасть и разбиться всмятку. И никакая полиция не спасет, хоть выстрой их всех с растянутым в руках батутом.

А Дидерику нравилось, что было много полиции:

— Короли, папы и президенты всегда имеют надежную охрану.

Дидерик был тем самым мальчиком, который заявил, что умеет играть на пианино, но играть не стал, потому что пианино ему не принесли. У него была благородная прическа, благородное лицо, благородное произношение.

Дидерик Розалинде не нравился. Может быть потому, что у нее по какой-то необъяснимой причине всегда было что-то не то с внешностью. (Дырки, родинки, оторванные пуговицы.) Ханс — барабанщик под номером 60 — был куда лучше. И третий мальчик был ничего себе. Из девочек ей больше всего нравилась Симона — та самая, которая на конкурсе умельцев что-то жалобное пищала на флейте.

Несмотря на жалобное пицание, она была шалуньей, и чувствовалось, что Эмме и Аренду с ней

придется нелегко.

Странно, но Розалинда ощущала себя одинокой. Это среди такой суеты и сотен самых веселых детей!

По коридорам гостиницы носились мальчики и девочки всех цветов и размеров: коричневые, черные, белые..., с широкими и узкими носами..., с толстыми и тонкими губами..., с раскосыми и круглыми, как сковородки, глазами..., с прямыми, волнистыми и совсем каракулевыми волосами.

Шум, который они все вместе производили, напоминал вавилонское столпотворение — так много было разных звуков, криков, стуков, грохота, падений.

И Розалинде все это должно было бы нравиться, если бы она каждую секунду не думала о Роме. Где же он? Где проживает советская делегация?

Как ей сообщила Эмма, русские проживали вместе с китайцами и американцами в гостинице «Амбасадор» в шести кварталах от них. Только Эмма не знала, прибыли они или еще нет.

— Хочешь, я помогу тебе найти русских, — предложил Ханс, которому Розалинда в дороге рассказала о переписке с русским мальчиком.

— А как мы сможем отсюда убежать?

Эмма и Аренд не спускали с ребят глаз. В то же самое время они ласково смотрели друг на друга.

— Они влюблены! — с видом знатока сказал Ханс, намекая на то, что с этим связан их путь к свободе.

Наверное, он был прав, потому что Розалинда вспомнила, что их руководители одновременно заболели гриппом. Значит, они дружили еще до того времени, как возглавили голландскую команду. А раз так, неизбежно наступит такой момент, когда они перестанут наблюдать за детьми и в конце концов совсем о них забудут.

Вот тогда-то Дидерик опять простынею повиснет на балконных перилах, Вероника пойдет искать одного своего темнокожего знакомого мальчишку, Симона станет кататься в лифте сколько влезет, Антон сможет облазить всю гостиницу. А Розалинда и Ханс смогут выбраться из нее.

К концу дня такая возможность появилась. Эмма и Аренд увлеченно разговаривали друг с другом, совершенно не обращая никакого внимания на ребят.

— Пошли, — позвал Ханс Розалинду шепотом.

Розалинда выскользнула из комнаты, Симона и Антон улизнули следом.

— Куда вы идете? — спросил Антон у Розалинды и Ханса.

Розалинда увидела, что вокруг нее сгруппировалось трое детей. Она вовсе не хотела искать Рому в сопровождении чуть ли не всей голландской делегации.

— Нам нужно в город, — сказал Ханс. — Вы могли бы нам помочь, если бы отвлекли внимание швейцара. А то он нас без взрослых не выпустит.

— А что вы собираетесь делать в городе? — спросил настырный Антон.

Розалинда и Ханс молчали.

— Да пусть они идут! — сказала Симона. — Давай поможем им. Вот будет весело.

Они спустились в вестибюль вчетвером. И тут Симона сделала неожиданное. Она положила пальцы в уголки рта и пронзительно засвистела. Так, что Антон даже заткнул уши от сильного звука.

Появился швейцар. Он осматривал вестибюль. И пока он заглядывал в лица элегантных взрослых, пытаясь обнаружить источник этого страшного шума, Ханс и Розалинда выскочили на улицу.

В первый раз в жизни шли они по незнакомому городу без мамы и без папы. В этот момент Жевена была для них самым незнакомым городом в мире.

На стенах и заборах города висели большие плакаты на тему «Год Хорошего Ребенка». Часто на них был помещен портрет очень серьезной и значительной женщины. Плакаты перемежались рекламой.

«МЫ ДОЛЖНЫ ВЫЯВИТЬ ВСЕХ ЛУЧШИХ ДЕТЕЙ!», «ПИВО „ХЕНК“ — ВАМ ВСЕГДА ПОМОЖЕТ!». Потом реклама рассказывала, что такие-то пеленки самые удобные в употреблении. А такие-то помидоры детям полезнее всего. На одной стене висел самодеятельный лозунг:

«НЕ НАДО НОВЫХ БОМБ, ДАВАЙТЕ ИСПОЛЬЗУЕМ СНАЧАЛА СТАРЫЕ!»

Но в основном тематика была лучше — ребенковская.

— Давай кого-нибудь спросим, где гостиница «Амбасадор».

— А как? — сказал Ханс. — Я не умею говорить ни по-немецки, ни по-французски.

— По-английски, — сказала Розалинда и сходу остановила одного прохожего.

Им повезло. Он знал эту гостиницу. И через десять минут дети стояли перед входом в суперсовременное здание.

— Я дальше не пойду, — сказал Ханс. — Я подожду здесь. Ведь это твой друг.

Розалинда не знала, что сказать. Она его понимала. И одна пошла к раздвижной стеклянной двери входа. Дверь разъехалась. Человек в сине-генеральской швейцарской форме посмотрел на нее вопросительно.

— Русские приехали? — спросила Розалинда заикаясь.

Швейцар осмотрел ее с головы до ног и понял, что опасности от нее никакой нет и вреда скорее всего не будет.

— Да. Только что приехали. — Он указал на группу ребят в джинсово-ситцевых куртках с рюкзаками и чемоданами, постепенно пробирающуюся в лифты.

Розалинда неуверенно направилась к ним. Но она не знала, как ОН выглядит. К кому подойти?

В сутолоке спящих детей, как пирс в волнистом море, стояла женщина с оголенными крепкими полными руками, наполненная решимостью с ног до головы. Чем-то она напоминала бабушку Розалинды в молодости. Может быть поэтому Розалинда выбрала ее.

— Мадам, я пришла встретиться с Ромой Роговым.

— Что? Что? — женщина с раздражением посмотрела на подошедшую к ней девочку.

— Мне нужен Рома Рогов, — с трудом сказала Розалинда.

— Кто ты? Из какой страны?

— Из Голландии. Я Розалинда.

— Какую организацию ты представляешь?

Ответа на такой вопрос у Розалинды не было. А женщина настаивала на получении ответа:

— Какую организацию ты представляешь?

Розалинда растерянно сказала:

— Отель «Вильгельм Тель». Я ищу Рому Рогова.

— А есть у тебя письмо или копия?

— Какое письмо? — вытаращила глаза Розалинда.

— От твоей организации, — ответила, женщина несколько раздраженная бестолковостью пришедшей девочки.

Вместо письма Розалинда снова спросила:

— Рома Рогов здесь?

— Я не знаю никакого Ромы Рогова! — женщина взяла чемодан и направилась к лифту.

— Мадам! — позвала ее Розалинда.

Женщина обернулась. На ее лице было написано раздражение.

— Меня зовут Федулова. Товарищ Федулова из советской делегации. Не мадам.

Розалинда была готова расплакаться.

— Здесь должен быть мальчик Рома. Он — член делегации. Он живет в Москве. Я с ним переписываюсь. Он должен быть здесь. Он больше всех металлолома собрал.

— Успокойся, не нервничай! — сказала мадам-товарищ Федулова. — Оставь ему записку. У тебя есть карандаш и бумага?

В панике Розалинда побежала к швейцару, чтобы попросить бумагу и ручку. Как курица лапой она написала свое имя и название гостиницы, где остановилась голландская команда.

Товарищ Федулова нетерпеливо постукивала рядом ногой. И чем-то была недовольна. Наверное, она хотела получить эту записку как любой деловой документ в трех или четырех экземплярах.

Она взяла записку и, войдя в лифт, встала в молчаливый круг голубых джинсовых детей. Лифт закрылся, и она уехала.

Розалинда отдала швейцару ручку и вышла из отеля как во сне.

— Ну что? — спросил Ханс, поджидавший ее на улице.

Она шмыгнула носом и проглотила стоявший в горле комок.

— Его там не было?

— Пойдем, — сказала ему Розалинда.

Только через несколько минут она смогла рассказать ему о чудовищной женщине, которая разговаривала с ней так, будто вместо зубов во рту у нее был вставлен пулемет.

— Забудь о ней, — посоветовал Ханс. — Такие люди везде есть. А может, она очумела с дороги и все имена у нее из головы высыпались.

Потом он еще предположил:

— А может, она просто пересчитывает детей, а имена вообще не знает. Страна у них большая, делегация тоже. Ты должна ее понимать.

И хотя он просто успокаивал Розалинду, ей стало легче.

— Наверно, ты прав, — сказала она. И про себя твердо решила, что придет сюда еще раз и разыщет Рому.

В отеле им сильно влетело от Эммы и Аренда:

— Если с вами что-нибудь случится, мы за вас отвечаем. Тем более, что завтра начинаются соревнования. А ну, марш в ресторан!

Вся голландская команда шла в ресторан без всякого энтузиазма. И не в любимых желтых костюмах.

Их надо было сохранить для церемонии открытия.

В отеле было три ресторана. Все они были переполнены детьми. Голландская делегация сидела напротив финской. Справа и слева от них за соседними столами сидели марокканская и итальянская делегации.

В меню были спагетти со свиным или говяжьим фаршем. Или совсем без фарша — в зависимости от религии команды.

Итальянцы без труда накручивали длинные веревки спагетти на вилки. Макаронские... то есть марокканские ребята делали из них кашу. Голландцы ели их с помощью ножа и вилки, разрезая на кусочки.

Госпожа Карабас — начальница фестиваля — решила, что на каждый обед будет национальное блюдо.

— Поедание национальной кухни объединит детей. Гамбургеры, пицца, яичница с беконом, суп из бычьих хвостов — вызовут братство всех детей.

И ребята ждали гамбургеры... пиццы... борщи... шпикачки и прочие вкусные вещи. Никто не мог пожаловаться на однообразие блюд. Только голландские дети были обречены пить все время одно и то же — напиток цвета их костюмов под названием «Фрешель». Они знали, что на фестивале должны присутствовать представители фирмы, которые внимательно будут смотреть за всем происходящим.

Глава двадцатая ОТКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ

Центральный Жевенский стадион был заполнен ребятами до самого края. Отдельными островками среди них сидели взрослые.

Из репродукторов лилась музыка. Полоскались сотни разноцветных флагов. То и дело взлетали ввысь воздушные шары.

С неба вынырнул белый спортивный самолет, он пролетел над трибунами и выпустил длинную струю листовок, призывающих к миру между народами.

Потом он решил полетать немного над стадионом и стал делать круг за кругом.

Как раз в это время на стадион в сопровождении своего помощника Ичикавы вошла госпожа Карабас.

Подойдя к трибуне, она скомандовала:

— Ребята, отпускайте шары!

И множество шаров с рисунком голубя мира рванулось в небеса. Они летели по отдельности и в связках. Еще летели многочисленные голуби.

Большая связка шаров неслась наперерез самолету. Еще секунда, и он врежется в шары. Намотает их на винт и рухнет на трибуны.

Стадион замер. Каким-то чудом летчик успел отвернуть от шаров винт. Он подхватил эти дурацкие изделия крылом и улетел разбираться с ними на свой спортивный пригородный аэродром.

— Запишите, пожалуйста, номер этого самолета! — властно сказала мисс Карабас своим помощникам. — Мы разберемся с ним и накажем как следует.

Хотя разбираться-то надо было бы уж не с летчиком. А с теми, кто дает команду выпускать шары перед быстро идущим транспортом.

Запели, зазвенели фанфары! Мисс Карабас подошла к микрофону:

— Ребята! На нас сейчас смотрит весь мир! Смотрят люди со всех углов земного шара. Поэтому ведите себя хорошо. Не деритесь, не толкайтесь.

И точно. Большое количество людей из всех углов... со всех концов земного...

... В общем, большое количество детей и взрослых смотрело передачу.

В Москве просто прилип к телевизору Рома Рогов. Где-то здесь, на экране, среди огромного количества крошечных человечков находится голландская девочка Розалинда. Может быть, вот она с зонтом, а может быть, идет, размахивая флажком. Разве разглядишь, у кого здесь на экране родинка не с той стороны.

Петр Сергеевич Окуньков у себя в кабинете, чтобы никто не мешал, смотрел школьный телевизор. Он учился у «западников», как надо и как не надо проводить детские праздники. Он первый подумал о шарах и самолете и с облегчением вздохнул, когда самолет покинул небо над стадионом.

В Гааге папа, мама и толстая бабушка Розалинды впервые за много лет не подкалывали друг друга, а представляли единую семейную голландскую команду.

— Не хотите ли кофе! — радостно предлагала бабушке мама.

— Еще как! Кофе в этом доме, пожалуй, самый лучший в поселке! — ответила бабушка.

Папа Розалинды от таких бесед сверкал, как начищенный велосипед.

Заместитель начальника таможни в «красном уголке» сидел у телевизора и смотрел открытие праздника. Все сложные таможенные вопросы он решал по радиопереговорному устройству, не отрываясь от экрана.

— Что вы там обнаружили? — спрашивал он у молодого таможенника, который обращался к нему каждые пять минут.

— Четыре электрических утюга у работника Госкино СССР.

— Ввозит или вывозит?

— Вывозит. Едет в командировку в Индию. Запретить?

— Ни в коем случае. Может быть, они ему нужны одежду гладить. Знаете, утюги быстро ломаются. Пусть везет, но впишите их в декларацию, чтобы обратно привез.

И слышно было, как утюговый работник Госкино кричал с той стороны переговорного устройства:

— Кто говорит, что утюги нужны, чтобы гладить. А может, я их как гантели использую. А может, я спортсмен, а гантелей в продаже нет.

— Пожалуйста, пожалуйста, — говорил молодой таможенник, — мы же не против. Везите ваши утюги. Только запишите их в декларацию. Чтобы все как один вернулись обратно в нашу страну.

А мисс Карабас продолжала на весь мир:

— Ребята, мы собрали вас здесь, чтобы передружить между собой. Пусть подружатся ребята Ирана и Ирака, Палестины и Израиля, Индии и Пакистана. Когда они вырастут, будет мир во всем мире. Я приглашаю на стадион представителей разных стран.

Ворота под трибунами распахнулись, и на стадион полилась длинная колонна ребят! Они шли отдельными командами, с флагами и некоторые со своей музыкой.

— Смотрите, — говорила мисс Карабас, — это лучшие дети Земли и Мира. Многим из них нет и одиннадцати лет, а они умеют готовить обед, подметать, чистить картошку и ботинки, выращивать сельскохозяйственных животных и кроликов. Одни из них ездят на слонах, другие на собаках, четвертые на велосипедах. Мы будем здесь в Жевене соревноваться в разных видах трудовой и

социальной деятельности. Мы будем награждать победителей медалями и башнями. У нас изготовлены башни всех стран. Башни всех стран, соединяйтесь! То есть дети всех стран, соединяйтесь! Дети СССР и Америки, обменяйтесь значками и рукопожатиями. Дети Китая и Тайваня, обнимите друг друга.

Ребята, приехавшие со всех концов Земли, были добрыми и послушными. Американчики немедленно побежали обмениваться значками с советскими, а китайчики и тайванчики стали разыскивать друг друга, чтобы обняться. Началась некоторая неразбериха. Стройный поток колонны смешался.

Слава богу, оркестр грянул вальс, и некоторые дети закружились в танце. Потом загремел рок-н-ролл, а затем брейк.

Рыжий мальчик Леша Измайлов не умел танцевать, не умел петь. Он умел только угодливо отвечать на вопросы взрослых. Поэтому он постепенно оттеснился от задорных участников в тихий уголок. Там стояла и переминалась с ноги на ногу и не знала, чем себя занять, целая команда в ярко-желто-зеленых костюмах. Команда была похожа на стайку волнистых попугайчиков. Это была команда Голландии, которая осталась без присмотра. Эмма и Аренд первыми бросились танцевать, когда загремела музыка.

Леша подошел к этим ребятам и стал рассматривать костюм одного элегантного мальчика, стоявшего немного в стороне. На костюме блистали вышитые лимончики. А на груди у Леша ярким солнышком горел герб СССР.

— Ты из какой страны? — спросил Леша.

— Из Голландии, — ответил мальчик. — А ты?

— Из СССР.

— Вот это да! Ты первый русский, которого я перед собой вижу. А где остальные?

— Вон скачут.

— А тебе что, это не нравится?

— Конечно, — сказал Леша. — Эта Карабас, как полковник. «Отпустите шары», мы отпускаем. «Идите танцевать», все идут.

— Правильно, — согласился Дидерик, — мы все как обезьянки в цирке у этой госпожи. И одеты одинаково.

Леша повнимательнее рассмотрел его костюм.

— А что такое «Фрешель»? — спросил он.

— Это такой лимонад. Мы его все время пьем. Он уже у нас из носа льется. Я думаю, что у меня вместо крови «Фрешель» в организме.

— А тебе мой костюм нравится? — спросил Леша.

— Мне любой нравится, кроме моего.

— Давай меняться.

— Давай.

— А где?

— Под любой трибуной.

Они быстро поменялись штанами, курточками и панамками. И радостный Леша побежал искать свою команду.

И сразу к лимонадным мальчикам подбежала товарищ Федулова. Она ухватила мальчика в советской форме за куртку и с криком:

— Вот ты где прячешься, а мы все тебя ищем! — потащила к своим.

Дидерик сделал два поворота вокруг своей оси у нее под рукой, вывернулся и убежал прочь, чем привел мадам-товарищ Федулову в неопишемую ярость.

С этой яростью мы еще сегодня встретимся.

В одном самом неудобном месте стадиона была сделана специальная трибуна для обслуживающего персонала. На ней небольшой группкой сидели наши пожилые гангстеры со специальными пластмассовыми ярлыками на груди. На этих этикетках стояло имя владельца ярлыка и было добавлено — «учебный сотрудник» (УС).

Видно, что учебные дедушки и бабушки очень гордились своими наклейками, не хуже, чем профессора своими званиями и степенями. Они все время подносили их к глазам и внимательно читали по слогам.

Снова над стадионом загремел голос мисс Карабас:

— А сейчас, дорогие участники, займите ваши места на трибунах. Для вас начнется большой концерт. Лучшие артисты цирка выступят перед вами. Прошу всех покинуть поле: на арене живые

львы!

Ребята, как ошпаренные, побежали на трибуну, а когда поле очистилось, на арену высыпало двадцать тряпичных львов, и они начали веселый танец.

А в середине стадиона на самой удобной трибуне в окружении своих телохранителей и воспитателей сидел международный принц

Филлип, блондин. Он никак не мог решить вопрос: кто он — гость фестиваля или его участник? Надо ли ему вежливо хлопнуть на трибуне победителям и снимать кепочку. Или надо самому бегать, прыгать, чистить картошку и все делать, как положено на этих запутанных спортивно-хозяйственных играх. Принц и шпага — это прекрасно. Принц и картошка — это сомнительно, но демократично.

Сам принц не собирался ехать на этот посудохозяйственный праздник. Но королева-мать сказала ему:

— Ты должен поехать, сын. Ты должен показать демократическое лицо нашего семейства.

Его посылали сюда не сидеть гостем в почетной ложе, его посылали для того, чтобы он помог своей стране Штейн, монархии, которой правили его родители и которая переживала трудные времена.

Местность в его стране была гористая, неплодородная, и страна беднела. А когда-то она была богатой. Тогда, когда бароны-грабители строили в ней свои замки и стаскивали под их стены все награбленное.

Сейчас в Штейне не хватало всего: сельскохозяйственных полей, отраслей промышленности, денег и даже граждан. Потому что большие группы людей уезжали из страны. Все взоры последних жителей были обращены на Филлипа. Он должен был создать банки, соорудить отели, поднять альпинизм и открыть источники минеральной воды.

На бледного, неуклюжего и не очень сообразительного принца сваливалась столь грандиозная задача.

Глава двадцать первая СУРОВЫЙ РАЗГОВОР В ГОСТИНИЦЕ «АМБАСАДОР»

Товарищ Федулова собрала всех ребят и Игоря Ивановича в большом двухкомнатном номере, отведенном советским ребятам. И начала без всяких предисловий:

— У нас случилось ЧП. Один из наших товарищей, из наших бывших товарищей, сегодня совершил чудовищный проступок. И он должен быть отправлен в Москву.

В это время дверь номера распахнулась и с огромной рекламной улыбкой на зубах в номер вошел мистер Кирпичиано — начальник подвижной группы учебных сотрудников фестиваля. Он был похож на президента небольшой южноамериканской республики на заслуженном отдыхе. Элегантный, седой, в светло-сером костюме, с крупноразмерными шрамами от политических сражений, и зеленые швейцарские лампы светились на нем не как швейцарские, а как генеральские в отставке.

Кирпичиано внес большой фотопортрет госпожи Карабас в деревянной рамке под стеклом с надписью «Моим дорогим русским друзьям».

Он поклонился ребятам, сидящим по кругу, и сказал:

— Презент! Подарок коллективу ребят от коллектива швейцаров и учебных сотрудников.

Потом он повесил портрет на стене над верхней крышкой пианино и вышел. В коридоре его ждали еще два таких же портрета с надписью «Моим дорогим американским друзьям» и «Дорогим моим китайским друзьям».

И в каждый портрет был вделан микрофон.

Кирпичиано спустился вниз на свой дежурный пост в небольшую комнату рядом с камерой хранения и стал настраивать коротковолновый приемник на волну «госпожа Карабас № 1».

Он услышал много интересного. Но не понял ничего, потому что не владел русским языком. Лишь несколько слов застряло у него в голове: ГЛАСНОСТЬ, ПЕРЕСТРОЙКА, ПИОНЕР и ФАРЦОВКА.

В номере у советских события развивались так. Все ребята сидели в своей сине-ситцевой форменной одежде. И только Леша Измайлов, как залетевший попугайчик среди варакушек, был во всем зелено-желтом.

Товарищ Федулова полыхала:

— Как это можно, находясь за рубежом, в эпоху гласности и перестройки, буквально на глазах у всех, будучи пионером, заниматься фарцовкой!!!? Я повторяю «буквально на виду у всех».

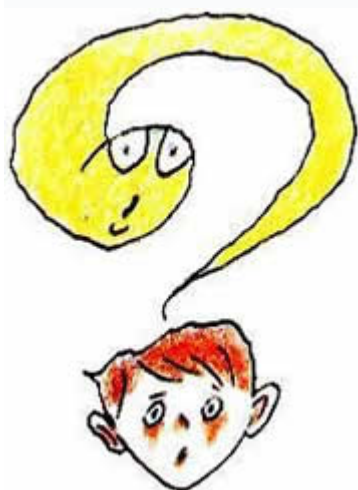
— Вот если бы не на виду! — вставил Игорь Иванович.

Товарищ Федулова не заметила выпада. Она вела мысль:

— Нашу форму, которую придумывали наши модельеры. Которую шили наши швейники. На которой есть наш герб. Променять неизвестно на что. На какие-то яркие тряпки. Это потеря патриотизма, потеря политической бдительности. Это все равно, если бы наш солдат в походе поменял свою военную форму, свой автомат на джинсовый костюмчик или модный плащик. Мы должны наказать Алексея Измайлова и исключить его из команды. Кто за? И учтите, что мы должны голосовать единогласно.

Ребята стали поднимать руки. Но тут вмешался Игорь Иванович:

— В этом деле надо как следует разобраться. Ведь у нас гласность. Поступок, конечно, нехороший. Но мы же не спросили у Леши, почему он это сделал? А может быть, он преследовал хорошие цели. Может быть, он хотел подарить этим обездоленным ребятам кусочек нашего строя. Может быть, у ребят, одетых в советскую форму, начнется новая жизнь. Может быть, это не фарцовка, а жест дружбы.

Ребята из команды рты пораскрывали. Что же это — преступление или подвиг? И как быть: исключать или награждать?

Раньше это было преступление. Но ведь сейчас идет перестройка. И нельзя так однозначно мыслить, как раньше.

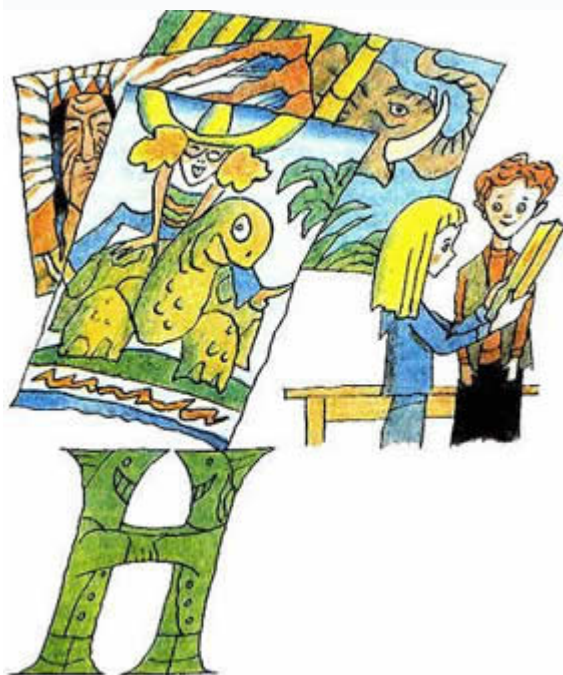
Задумалась и товарищ Федулова. Что делать: есть два руководителя, и каждый тащит в свою сторону. Надо было им с Игорем Ивановичем сначала выработать совместную платформу. И повисло над комнатой долгое молчание.

Слава богу, зазвонил телефон.

— Это советские? Спускайтесь вниз. Подан автобус для экскурсии по городу.

— А ты останешься в номере, — сказала товарищ Федулова Леше Измайлову. — Сам подумаешь над своим поступком, сам его оценишь, сам придумаешь себе наказание. Потом доложишь своим товарищам, и мы, руководители, с тобой разберемся.

Глава двадцать вторая РОЗАЛИНДА ПРИХОДИТ К СОВЕТСКИМ

Наказанный Леша Измайлов слонялся из угла в угол по большому двухкомнатному номеру гостиницы «Амбасадор».

Он включал и выключал телевизор, листал яркие рекламные проспекты, то и дело подходил и смотрел в окно. В проспектах были рекламы машин, стульев, радиоприемников, компьютеров, видеосистем, спортивной одежды, яхт и катеров и соблазнительные картинки, приглашающие в путешествие по Африке, Индонезии, Полинезии, Греции и СССР.

В Африке можно кататься на слонах, в Полинезии на черепахах, в Египте можно увидеть пирамиды, в Таиланде можно дружить с красивыми гражданками.

Леша вздыхал над проспектами:

— Вот бы все это купить. Вот бы все это увидеть.

Леша, конечно, исключал из своих вздыханий Советский Союз, потому что там он уже был. Вдруг в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Леша по-английски.

Дверь открылась, и он увидел девочку в куртке и джинсах.

Это была Розалинда. Теперь, когда фестиваль начался и начались соревнования и встречи, стало гораздо легче убежать от Эммы и Аренда. Тем более, что Дидерик связывал их по рукам и ногам. Он постоянно не слушался, куда-то девался, чего-то требовал. Потому что считал, что эти соревнования для малышни, а госпожа Карабас чокнутая.

А когда Дидерик затихал, начинались сложности с Симоной. Она тоже пропадала в других делегациях или магазинах. Поэтому у Эммы и Аренда забот хватало, им было не до Розалинды. Кроме того, у них были свои сложности. Однажды ребята застали их в тот момент, когда они целовались. Вернее, пытались распутать зацепившиеся на груди пуговицы. Так что Розалинда стала почти свободной личностью.

— Привет! — сказала она. — А где русская делегация?

— Я — русская делегация, — ответил Леша.

Розалинда подняла брови. Она была рада, что нет госпожи мадам Федуловой. Но, с другой стороны, с Федуловой она видела много детей, а сейчас здесь был один ребенок.

— А где остальные?

— Поехали на автобусную экскурсию по городу.

— А Рома Рогов с ними?

— О, нет, — ответил Леша. — Он остался дома. У него много дел в Москве.

— Каких дел? — закричала Розалинда с напором. — Каких таких дел??!

Леша даже опешил:

— У... у него бабушка заболела.

У Розалинды все перепуталось в голове:

— Елизавета Николаевна?

— Да. Точно, Елизавета Николаевна.

— Но это же не бабушка. Это его соседка.

— Точно, — поправился Леша. — У него соседка заболела.

— А что с ней?

— Вывих всех конечностей. Она пол мыла в подъезде и вниз по лестнице съехала. Стирального порошка переложила.

Сколько себя Леша помнил, такая и подобная ерунда сыпалась из него легко и просто. Но обычно он делал это для своей выгоды, а сейчас зачем?

— Но причем здесь Рома? — спросила Розалинда.

— Он всю ночь сидит у кровати. Рассказы читает. Телевизор включает и выключает.

Леша, чтобы уйти от тяжелых подробностей, встал с удобного мягкого кресла и пошел к столу, где лежал пакет, который оставил Игорь Иванович для голландской девочки.

— Ты Розалинда?

Она кивнула головой.

— Ты живешь в Амстердаме?

— Нет, в Гааге.

— А я всегда думал, что у вас столица Амстердам.

— Многие так думают. Наше правительство находится в Гааге. А что там в пакете? Это для меня?

— Для тебя.

И Леша подал ей коробочку, которую из любопытства открывал полчаса назад.

— Там должно быть еще письмо.

Она взяла у него коробку двумя руками, открыла крышку и... То, что она увидела, удивило ее. Это был портрет набожного человека, нарисованный яркими красками на куске дерева.

— Что это?

— Какая-то икона. — Леша очень постарался, чтобы это прозвучало пренебрежительно. Он не мог перенести того, что Рома дарил такой красивый подарок. Чтобы отвлечь внимание Розалинды, он указал на крышку.

— Посмотри, там письмо приклеено внутри.

Когда она отлепила письмо, Леша встал у нее за спиной, чтобы подглядеть, что там написано. А Розалинда ничего не замечала. Она читала письмо.

И не только Леша заглядывал ей через плечо, но и госпожа Карабас. На самом видном месте в номере «советских» висел ее портрет. Она отечески улыбалась детям с этого портрета. Так же она улыбалась с портрета китайским и американским ребятам в их номерах.

А с левой стороны портрета, буквально в двух сантиметрах от улыбки, в раму был вделан «бэби-спай».

Каждый, кто хоть раз побывал за рубежом, знает, что такое «бэби-спай». Это специальное устройство, которое помещается в комнате, где спит маленький ребенок. Родители уходят и берут с собой коротковолновый приемник с диапазоном волн FM. Если ребенок заплачет, «бэби-спай» передаст его плач на расстояние один километр. И папа с мамой, которые ушли к соседям пить пиво или кофе, немедленно бегут домой перепеленовывать или кормить свое кричащее сокровище.

В этот раз «бэби-спай» подслушивал «советских». Кирпичиано не собирался их перепеленовывать. Он хотел знать про них все. И приемник с диапазоном волн FM стоял у него в диспетчерской.

Кирпичиано понимал все, потому что разговор между Лешей и Розалиндой велся на английском языке. И с каждой фразой беседа интересовала Кирпичиано все больше и больше. И не только Кирпичиано, но и двух «учебных сотрудников» Туза и Картошку, которые пришли в подсобку передохнуть перед очередным спортивно-трудовым соревнованием. «Учебные сотрудники» уставали не меньше, а порой и больше, чем основные участники.

Когда Розалинда стала читать письмо, звук исчез, и Кирпичиано включил его на всю катушку. Так что Туз и Картошка тоже слышали каждое дыхание.

Вдруг Кирпичиано увидел в вестибюле маленького Ичикаву с большим чемоданом. В полном замешательстве он бросился из-за стойки на помощь к маленькому японцу, и не только поднес его чемодан к лифту, но и в забыты дал своему начальнику два доллара на чай.

— Этот дед, то есть пожилой старик, очень сообразительный, — подумал Ичикава. — Быстро понял тонкости дипломатической работы. Надо будет его повысить.

Кирпичиано побежал в свою диспетчерскую комнату слушать продолжение разговора. Но он так ничего и не услышал, потому что Розалинда молчала. Она в который раз перечитывала и перечитывала письмо.

Письмо, которое она читала, было таким:

«Дорогая Розалинда! Это икона Сергия Радонежского. Это такой святой русский монах, который помог русскому войску в борьбе с татарским игмом. Эту икону я рисовал специально для твоей религиозной бабушки. Я думаю, она ей понравится.

Жалко, что меня не пустили в Жевену. Я прошел все конкурсы, кроме последнего. Я там подрался с одним мальчишкой и все испортил. Я тебе еще об этом напишу. Желаю тебе хорошо провести время.

Рома».

Розалинда держала икону на большом расстоянии и внимательно рассматривала.

— Какая она красивая! — Розалинда чуть не расплакалась.

— Очень красивая. Это я помогал ее рисовать.

Она повернула голову в изумлении:

— Ты знаешь Рому?

— Да. Мы вместе проходили все конкурсы. Когда он все испортил, он попросил меня помочь ему рисовать.

Порой Леша сам на себя удивлялся: что же это такое, говорить неправду было для него так же естественно, как пить или есть.

Розалинда удивилась:

— Но ты же сказал, что он остался в Москве потому, что у него бабушка заболела. То есть соседка.

— Это правда, — сказал Леша. — И бабушка заболела, и экзамен он не сдал.

Таким образом он удвоил Ромины неприятности.

Розалинда внимательно рассматривала этого высокого рыжего мальчика. Она что-то стала подозревать. Она еще доверяла ему, но уже была начеку.

— Вы с Ромой вместе учитесь?

— Да. Мы в одном классе, но в разных школах.

— Что? Что?

— Я хотел сказать, что мы в разных школах. Он ходит в простую, а я в английскую спецшколу.

— Спецшкола? — подумала Розалинда и спросила:

— А кто твой отец?

— Мой отец — заместитель директора большого завода. Без него завод работать не будет. У него очень важная работа.

— А твоя мама?

— Мама у меня работает в ВЦСПС. Это объединенные профсоюзы. Как польская «Солидарность».

— Где ты живешь?

— В шестикомнатной квартире в Москве. У нас еще дача есть. Мы туда ездим, когда у меня каникулы, а у родителей отпуск. Только у моих родителей такая работа, что им все время нужно быть в Москве. Да и мне тоже.

«Все, что человек имеет, ему дал бог! — сказала бы бабушка. — А сам человек по себе ничто». В переводе на простой нерелигиозный язык это означало: «Хвались, хвались, да смотри не свались».

Этот мальчик все меньше нравился Розалинде. Она даже испытывала к нему легкое отвращение. Она взяла коробку и пошла. Но вдруг остановилась у двери. По ее лицу пробежала улыбка.

— Ты ходил к Роме домой, когда вы эту икону рисовали?

— Конечно. Он просил меня об этом.

— У него тоже шестикомнатная квартира?

— Он живет в хорошем доме, как и все советские дети в Москве.

— А что делает его мама?

— Она работает... кассиршей.

Розалинда не удержалась и хихикнула.

— Между прочим, как тебя зовут?

— Алексей. Но все меня называют Леша. Леша Измайлов.

Пожалуй, это была его единственная правда за прошедший час.

Скоро вернулась советская делегация. И ребята горохом ринулись вверх. Один Игорь Иванович расхаживал по вестибюлю. Он ожидал мистера Ичикаву, который должен был принести программу на завтрашний день.

Игорь Иванович ходил... ходил... ходил... И вдруг заметил малогабаритный приемник на стойке, перегораживающей вход в швейцарскую комнату Кирпичиано.

Каждый русский, как только видит радиоприемник с короткими волнами, немедленно хочет включить его, чтобы услышать родную радиостанцию «Маяк». Или другие, совсем чужие радиостанции. Чтобы послушать новости, чтобы узнать от своих и зарубежных комментаторов о том, что происходит в его стране.

Поэтому Игорь Иванович сразу бросился к приемнику и включил его. Тем более, он собирался купить себе точно такой же.

— Интересно, какие сейчас события в мире? Что передают?

Сначала он услышал голоса американских детей. Они весело и громко ругали какого-то Джона Хопкинса. Потом раздались тихие журчащие голоса юных китайцев. А что же молчат наши «голоса»? Какие там у нас события? Не затормозилась ли наша перестройка?

И вдруг он услышал до боли знакомый голос. Это был голос товарищ Федуловой:

— Ребята, сейчас мы построимся в шеренгу по одному, возьмем полотенца и мыло и все как один пойдем в умывальник мыть руки.

Игорь Иванович от потрясения чуть не выронил приемник. А он стоил чуть ли не пятьдесят жевенских франков!

Глава двадцать третья «УЧЕБНЫЕ СТАРУШКИ» ВЫХОДЯТ НА СТАРТ

На всех стадионах и на всех площадках Жевены с самого утра шли спортивно-умельческие соревнования. Во всех бассейнах и закрытых кортах также. Телевидение едва успевало показать один вид «деятельности» «хороших ребят», как надо было показывать другой.

Главный телевизионный комментатор стрекотал, как пишущая машинка:

— Внимание! Внимание! Мы на стадионе им. королевы Анастасии. Здесь сейчас проходят соревнования по глажке брюк и другой верхней одежды. — На зеленой траве стадиона стоит 10 гладильных досок. Служащие стадиона выносят 10 мятых и влажных мужских рубашек и кладут их на доски. Выстрел стартового пистолета, и к доскам выбегают представители 10 разных команд. В руках у них утюги. Они включают утюги в розетки, подведенные к доскам, и начинают гладить. И что интересно, девочка под номером шесть гладит один конец рубашки, а стоит на другом. Кто же на зеленом поле? Это представители Голландии, Италии, Греции, Швеции, Нигерии, Австралии, Израиля, Дании, Англии и СССР.

Он продолжал:

— Вы слышите, как режут трибуны. Это болельщики поддерживают своих спортсменов... своих хозяйственных мэнов... то есть хозмэнов... и все-таки хозчилдренов... Пока я подбирал слово, одна из участниц победила. Это девочка под номером 15... Глядим в список, это советская девочка Дина. Поприветствуем ее!

Стадион и телезрители поприветствовали победительницу.

— Внимание! Соревнования продолжаются. Продолжаются и усложняются. Служащие стадиона выносят к доскам кружева. Еще одна новость: на стадион выносится добавочная гладильная доска. Кто-то будет выступать вне конкурса. Кто же это? Дорогие зрители, я поздравляю вас, это принц Филлип! Он в белом костюме выходит на зеленое поле стадиона. Следом за ним на серебряном подносе два телохранителя выносят золотой утюг.

Трибуны ревели:

— Филлип! Филлип! Филлип! Филлип!

— Чего они так кричат? — спросила мама Розалинды у бабушки. Она тоже принимала внеконкурсное участие в соревнованиях — гладила белье на кухне.

— Принц Филлип приехал. И он будет гладить, — сказала бабушка, не отрываясь от экрана.

— Не может быть! — удивилась мама. — В этих голубых семьях они никогда сами не гладят. У них есть слуги.

— Значит, это рекламный трюк фирмы «Филлипс». Хотят продать больше утюгов. Вот что делают. Я не удивлюсь, если завтра появится принц «Панасоник» или цесаревич «Датцун».

— Но ведь «Филлипс» это радифирма! — удивилась мама.

— Значит, у них в утюг вделан радиоприемник, — сообразила бабушка. — Гладишь и радио слушаешь.

После этой беседы они обе буквально впились в телевизор.

Заместитель начальника таможни в аэропорту «Шереметьево» тоже смотрел телевизор. Конфискованный (в нем какие-то противные иностранцы из Гонконга пытались перевозить наркотики.) Он смотрел телевизор и работал: давал по рации указания, как быть с теми или иными нестандартными предметами в смысле ввоза и вывоза. С самоварами, огнетушителями, тракторными колесами, импортными скелетами и другими некаждодневыми товарами или каждодневыми, но не в каждодневном количестве.

А про себя он подумал:

— Пожалуй, мы слишком строги к утюгам. Вон сколько утюгов одновременно понадобилось. Надо будет повысить нормы ввоза и вывоза.

Комментатор комментировал:

— Участник под номером 10 сейчас впереди. Остальные участники тоже не отстают: а некоторые даже обгоняют. Внимание! Девочка под номером 10 поднимает руку и машет ею. Это значит, она окончила. Другие участники тоже машут руками. Они машут руками и бегут на линию финиша. Вот и принц Филлип замахал рукой и тоже побежал, но в другую сторону. Он бежит к врачу. Что это значит? Это значит ожог второй степени. Это немало! Он схватил утюг не за ручку. Кто же победитель? Это голландская девочка под номером 10. Сейчас мы узнаем ее фамилию. Ее зовут... Ханс. Это мальчик. Вот так сюрприз! На этом месте мы заканчиваем репортаж о соревнованиях по гладке белья. Сейчас я расскажу вам, что будет дальше... Ах, если бы не этот дым! Дело в том, что золотой утюг принца остался невыключенным. И дым, застилающий ваши экраны, идет от кружев, которые не успел выгладить принц. О, теперь я ясно вижу, что будет спортивный бег с огнетушителями. Но у меня такое ощущение, что возраст участников мальчиков несколько великоват, в среднем им за сорок. Честно говоря, я не уверен, что это спортивные соревнования. Может быть, это натуральная тушка пожара...

Здесь передача прервалась, и был показан фильм о видах и достопримечательностях Жевены. После перерыва все телекамеры переключились на другую часть города.

— Внимание! Внимание! Мы переключились на водные виды спорта. Здесь происходят соревнования по спасению пожилых людей из воды. Перед нами десять водных дорожек. На старте стоят ребята из разных команд. Из Японии, Канады, Америки, Индонезии, Ганы, Ирана и Ирака! Чехословакии, Болгарии и... Кто же выходит на десятую дорожку. Какой-то спортсмен с повязкой на руке. Это принц Филлип. Вы слышите, как режут трибуны.

Трибуны действительно ревели:

— Филлип! Филлип! Филлип!

— Чего они так кричат? — спросила мама Розалинды в своей Голландии. Она тоже принимала внеконкурсное участие по плаванию — она принимала ванну.

— Принц Филлип приехал! — объяснила ей бабушка.

— Опять? Но он же уже приезжал.

— А теперь опять приехал! Их королевские высочества только и живут за счет рекламы.

И тогда мама проворчала из воды:

— Опять этот принц. Ну почему они мою дочку не показывают.

В знак протеста она решила не вылезать из ванны.

— Итак, перед нами десять водных дорожек. На старте стоят ребята из разных стран и принц Филлип. С противоположной стороны каждой дорожки стоит «учебный утопающий». Это энтузиасты из группы содействия фестивалю за деньги. По выстрелу стартового пистолета «учебный утопающий» упадет в воду. И десять спасающих бросятся на помощь.

И верно, раздался выстрел, и десять утопающих упали в воду, как будто это стреляли в них. Десять спасающих бросились их спасать... Нет, что я говорю, только девять. Десятый спасающий сам стал тонуть. Но давайте послушаем, что говорит комментатор. Комментатор распаялся все больше:

— По девяти дорожкам на помощь утопающим летят пловцы. А что же на десятой? На десятой все смешалось. Здесь сам утопающий спешит на помощь своему спасителю. Потому что принц Филлип тонет.

«Учебным дедушкой» в этом виде состязаний был сам знаменитый Туз. Он бухнулся в воду по команде стартового пистолета и стал ждать, когда его потащат за шиворот к противоположной стенке. Однако по всем дорожкам летели пловцы, а его спасать никто не собирался.

Туз понял в чем дело и бросился на помощь мальчику. Плавал Туз неплохо. Это был такой человек, который все умел делать неплохо: шить на машинке, выращивать огурцы, вскрывать сейфы. (Таким же человеком был юный Ханс — новый друг Розалинды. За одним только исключением, он никогда не хотел и не собирался вскрывать сейфы.)

— Весь мир потрясен! — кричал телекомментатор, — Никого сейчас не отклеишь от телевизора! Весь мир прилип!

Конечно, он несколько преувеличил, но московского школьника Рому Рогова действительно отклеить от телевизора было трудно. Точно так же, как и голландскую девочку Эвелин, директора Петра Сергеевича Окунькова и еще кое-кого из взрослых и ребят.

— И правильно, не надо отклеивать. Смотрите. «Учебный сотрудник» в плаще и шляпе устремился к своему спасителю принцу Филлипу. Еще секунда, и они оба вынуты из воды. Судья объявляет время «учебного утопающего». Две минуты. Это рекорд. Он приплыл первым. Ура!

Через некоторое время весь «прилипший» мир увидел, как на пьедестал почета поднялся «учебный утопающий» и ему была вручена огромная поощрительная шоколадная медаль в два килограмма на цепи из леденцов.

Второе место занял американский мальчик Джон Хопкинс: благополучно дотащивший своего «учебного старичка» до начала дорожки. На третьем месте оказался юный болгарин Тодор Друмов.

Соревнования продолжались.

— Мы в другой части города! — радовался бодрый диктор. — Только что нас переключили на тихую окраину. На большую и широкую улицу с небольшим, но очень интенсивным движением. Это Тантенбергштрассе. Здесь проходят главные соревнования дня по переводу «учебных старушек» через дорогу. Этими соревнованиями лично руководит госпожа Карабас. Она же является главным судьей.

В Москве в это время Петр Сергеевич Окуньков покачал головой:

— Я все больше понимаю, что у них тоже есть педагогические дураки.

— Семафоры сегодня временно не работают! — радостно тараторил диктор. — Чтобы усложнить спортивную обстановку. В начале улицы на специальной стойке поставлен знак «кирпич», чтобы посторонние машины не заезжали на этот участок трассы. По трассе постоянно ездят электрокары, повозки, запряженные лошадьми, и велосипедисты, чтобы создавать оживленную картину сегодняшней городской улицы. На старте четыре команды: нигерийская, индийская, французская и объединенная немецкая. Юные участники по знаку мисс Карабас подбегут к старушкам и поведут их через шоссе, наполненное учебным транспортом.

— Ой, что это, — внезапно затормозил комментатор. — Кого так восторженно приветствуют зрители. Прибыл еще один участник соревнований. Это наш любимый принц Филлип! Сейчас он участвует как зритель. Вы слышите, люди кричат: «Филлип! Филлип! Филлип!»

— Что там они кричат? — спросила мама Розалинды снизу из мастерской. Потому что народ кричал так громко, что слышно было не только в квартире, где сидела бабушка, но даже у мамы в мастерской. В этот раз мама не участвовала в общих соревнованиях. Она выступала по индивидуальной программе — накачивание шин велосипеда, готовка обеда и стирка.

— Они кричат: «Филлип, Филлип!» — ответила бабушка.

— Почему?

— Принц Филлип приехал.

— А разве он не утонул?

— Откачали! — объяснила бабушка.

И успокоенная мама продолжала накачивать шины.

— Итак! — вопил диктор. — Соревнование началось! По выстрелу стартового пистолета пятеро участников бросились к «учебным старушкам». И повели их через дорогу. Мы видим, как вежливо разговаривает со своей «бабушкой» нигерийский мальчик. Он бережно держит ее под руку и что-то рассказывает ей, показывая на достопримечательности города. Индийский мальчик еще более вежлив. Он даже открыл свою сумку и показывает «учебной бабушке» пятерки в своем дневнике. А что делают юный француз и юный немец? Они тащат своих «бабушек» за руки вперед. Но «бабушки» почему-то упираются. Но почему? Ага, теперь и мне видна причина упора — это поливальная машина. Она с огромным веером воды уверенно движется прямо на участников!

И точно, движение по Тантенбергштрассе было отменено. Но никто не отменял ежедневную поливку, и, естественно, водитель поливальной машины мистер Бауман выехал на работу. Когда он увидел запрещающий «кирпич» на стойке перед собой, он спокойно перенес его на другую часть перекрестка и поехал дальше.

И вдруг на перекресток вылетела группа ярко-желтых велосипедистов из Жевенского спортивного клуба «Желтые утки». Они жутко спешили, потому что их со страшной силой подпирали эти неприятные «Красные петухи», у которых ну просто на пятках висели эти совершенно отвратительные «Фиолетовые фазаны». Желтые велосипедисты заметались, как стайка вспугнутых синичек, и бросились по мокрому асфальту налево. За ними красные... фиолетовые... зеленые и еще 100 человек.

— Положение резко усложнилось! — объяснял диктор. — На улицу выехала колонна велосипедистов. Это хорошо продуманный экспромт для юных спортсменов, которые... которые... бегут сейчас в разные стороны вместе с «учебными бабушками» и полевыми судьями! Велосипедисты перелетают через бордюр к зрителям! Это настоящее братание! Зрители бегут от них! Вот один выбежал на дорогу и врезался в самую кучу полосатых. Батюшки! Куча мала! Кто этот балбес? Из какой он команды? Куча постепенно рассасывается; велосипедисты и зрители отлипают друг от друга и от дружеских велосипедов. Так кто же устроил эту катастрофу? Кто этот бестолковый в середине? Это принц Филлип! Наш общий любимец! Он всегда в центре событий! Зрители восторженно приветствуют его. Поприветствуем его и мы, похлопаем в ладо...

В этом месте репортаж прекратился. Потому что диктор стал хлопать в ладо... и выронил микрофо...

Госпожа Карабас с побелевшим лицом стояла на тротуаре и наблюдала за всей этой катавасией и мешаниной. Она хотела кинуться в середину, чтобы помочь принцу Филлипу, но побоялась. Одно неверное движение, и велосипедисты намотаются на тебя как макароны. Надо же, так хорошо подготовленное соревнование стало большим провалом!

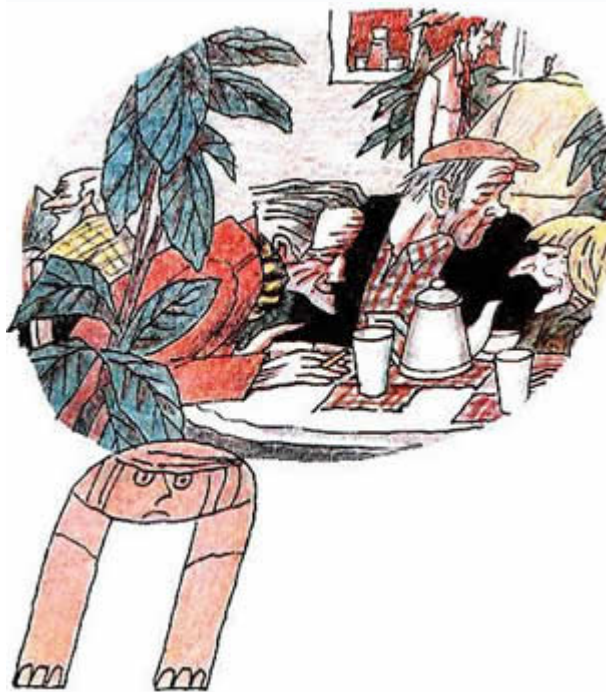
И тут улыбающийся нигерийский мальчик, который несмотря на все сложности перевел-таки свою «учебную старушку» на ту сторону, подошел к госпоже Карабас:

— Можно мне помочь вам, мадам-бабушка?!

Госпожа Карабас взвизгнула, как циркулярная пила, наехавшая на гвоздь:

— Я сама кого хочешь переведу! — и ринулась в кучу малу помогать юному принцу.

Глава двадцать четвертая «УЧЕБНЫЕ СОТРУДНИКИ» УХОДЯТ СО СТАРТА

Принц Филлип был только началом неприятностей госпожи Карабас. Еще одна сложность возникла совсем с неожиданной стороны.

Пришли требовать прибавки к зарплате «учебные сотрудники».

— Смотрите, — говорил Туз, — какая у меня шишка на голове!

Хотя эта шишка на голове была у него с самого детства, можно сказать, от рождения. Именно из-за этой шишки его не взяли в армию и вообще считали умственно отсталым. Хотя, как видите, он был не таким уж отсталым. Он сообразил, как этой шишкой воспользоваться.

— А я! — напирала Сонька-Золотая Ручка. — Посмотрите, какая хромаю.

Хотя она регулярно хромала последние сорок лет из своих шестидесяти двух.

— А у меня до сих пор вода идет из ушей! — впадал в истерику Картошка. — После ваших бассейнов.

В стороне стояла группа «учебных студентов». Они ничего не требовали, но с интересом ждали результатов переговоров, тем более, что вид у УС-ов был действительно неважнецкий. Как будто их всех пропустили через стиральную машину и забыли погладить.

Только госпожа Карабас была не из слабонервных. Она не привыкла бросаться деньгами ООН.

— Нет! — твердо сказала она. — Ни процента.

И было ясно, что ничто не сможет изменить ее решения.

Даже если собрать все танки, которые спишут в этом году для разоружения, и направить их боевой колонной на госпожу Карабас, она не дрогнет.

«Учебные сотрудники» отхлынули от нее, как волна от маяка, и двинулись в другом направлении.

Вечером на одном из перекрестков Жевены, в одном из многочисленных уличных кафе состоялась небольшая походная конференция.

За круглым столом сидели Картошка, Туз и Сонька-Золотая Ручка. Председательствовал Туз. В руках он вертел золотую ручку с надписью «Кирпичикава». Очевидно, она еще раз поменяла хозяина.

— Посмотрите, на кого мы похожи. Все в синяках и в пыльной одежде. На меня свалилось сразу пятеро велосипедистов. Они, черти, твердые, как из чугуна.

— А на меня сверху упал один, но вместе с велосипедом. У меня до сих пор виден отпечаток педали на спине.

— А я в суматохе попала в коляску мотоцикла, и меня завезли на другой конец города! — сказала Сонька.

— Видите! — подвел итоги Туз. — И еще неизвестно, что нам предстоит. Завтра они заставят детей оказывать нам медицинскую помощь. И это будет первая операция, которую дети сделают самостоятельно. Представляете — учебный аппендицит.

— Что же делать? — спросил Картошка.

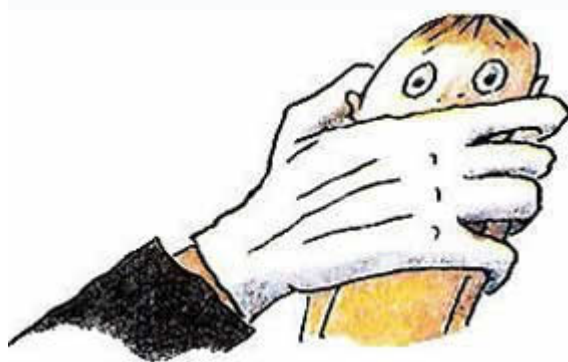
— Сил нет терпеть. Я предлагаю свистнуть первого попавшегося мальчишку из приличной семьи и потребовать за него выкуп. Конечно, мы несколько прогадаем по сравнению с победителем. Но шума и риска будет меньше.

— И я даже знаю одного! — сказала Сонька. — Американца.

— И я знаю! — сказал Картошка. — Русского!

— А Кирпичиано? — спросила Золотая Ручка.

— А он нам не указ. Сидит в теплой диспетчерской, кофе пьет, радио слушает. Побегал бы он сам перед мотоциклами.

— В конце концов, мы выделим ему его долю, — сказала Сонька. — Мы его не обидим.

— Все, — сказал Туз, — решено! Берем того американца с гитарой или русского с шестикомнатной квартирой.

— Или принца Филлипа, — предложила Сонька.

Туз позеленел:

— Только не это. Стражу мы прикончим. А он прикончит нас. Он какой-то абсолютно невезучий. Несчастья на него так и сыпятся.

— Русского надежней. Он дохленький и без гитары, — сказал Картошка, который сам был дохленький и недолюбливал музыкальные инструменты с тех пор, как в одной пивной был стукнут по башке банджо.

Они принялись разрабатывать детали будущей операции.

Глава двадцать пятая СОБЛАЗНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ

Товарищ Федулова разозлилась на Лешу Измайлова всерьез и надолго. Никакое вмешательство Игоря Ивановича его не спасало. И Леша в наказание все дни проводил в гостинице.

Советские ребята сражались на всех фронтах. Гладили одежду, участвовали в диспутах «Нужна ли нам война», пели, танцевали, спасали «учебных старичков-утопающих», переводили через дорогу «учебных старушек».

А Леша сидел и сидел в номере наказанный. И вот однажды...

Однажды в номер вошли три вежливых пожилых человека. Двое мужчин и одна женщина. Они были очень нарядно и строго одеты. Их суровые лица светились простотой и незатейливостью.

— Извините, юный мистер, — сказал старший из них. — Мы представляем широкие слои религиозной общественности.

— Попов и монахов! — разъяснил младший.

— И верующих дурачков! — бойко сказала старушка.

Старший сурово на нее посмотрел. Это был умелец Туз.

— И верующих! — с нажимом поправил он известную церковную деятельницу Соньку-Золотую Ручку.

Они подали мальчику свои визитные карточки. Карточки были роскошные, писанные золотом и серебром с телефонами и долгими названиями организаций, которые представляли их владельцы. «Секретарь Совета Европейских Церквей», «Старший проповедник Совета Латиноамериканских Церквей», «Председатель Организации „Церковь в борьбе за мир“». Этими карточками снабдил их

на все случаи жизни Кирпичиано. А ему карточки оставляли приходившие в гостиницу и жившие в ней люди.

У Леша Измайлова не было визитной карточки с надписью «Леша Измайлов — школьник. Отличник и спортсмен». Он только собирался ее завести. Поэтому Леша просто протянул религиозным деятелям руку.

— Чем могу быть полезен?

— Небольшой цикл лекций на тему «Религия в СССР», — сказал Туз.

— Но я неверующий! — вскрикнул Леша.

— Тем интересней! — сказал младший мистер.

— Наши уши-то поразвесят! — сказала бабушка.

— У нас широкий круг верующих, — продолжал Туз. — Католики, кальвинисты, лютеране, квакеры, баптисты... — Он запнулся. — Кто там еще? — обратился он к помощникам.

— Домушники, форточники, скокари, медвежатники! — с охотой подсказала ему Сонька. — Щипачи, аферисты.

— Медвежатники, это что-то связанное с природой, — подумал Леша. — Это зеленые. Аферисты — это те, кто играют на арфе, музыкальные верующие, щипачи тоже.

— Ну что ж! — сказал он. Одну-две лекции я вам прочту на тему «Религия — опиум для народа». Только ненадолго, минут на десять.

— Так что поехали! — сказал Туз.

— Воронок внизу! — добавил его лысоватый зам.

Леша взял карандаш и написал записку:

«Уехал в религиозный Совет Церквей читать антирелигиозные лекции. Леша Измайлов. Приеду поздно». Он приложил к записке визитные карточки, и всей компанией они направились к автомобилю.

В вестибюле гостиницы их ласковым взглядом убийцы буквально просверлил насквозь Кирпичиано.

— Вот гады! Чего делают! Это что, самодеятельность или это бунт? Или этот мальчик стал победителем фестиваля?

Кирпичиано никак не мог покинуть рабочее место и от неизвестности закипал.

— Туз еще ничего. А эти две бестолочи могут любое дело загорбить. Особенно этот «сельский балбес».

Таким ласковым словом он называл самого дохлого гангстера с сельскохозяйственным именем

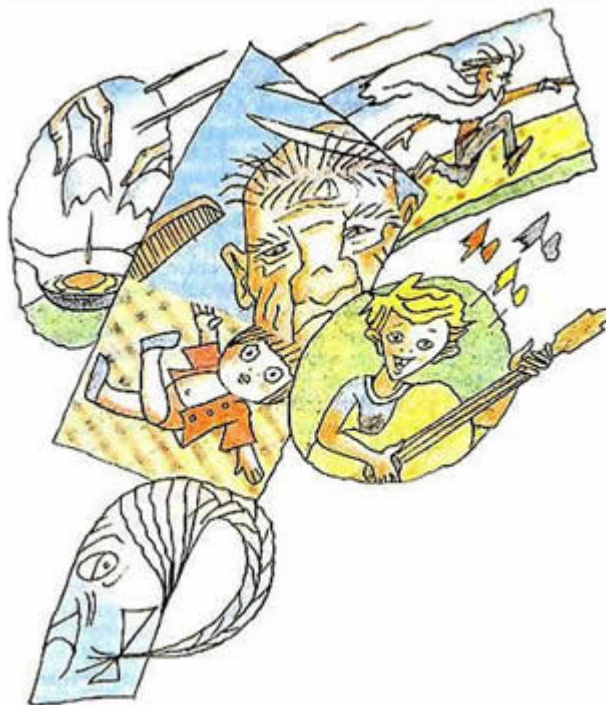
Картошка.

В Совете Церквей он представлял сельскую интеллигенцию.

— Убью! — думал Кирпичиано. — Уничтожу, как только рабочий день закончится.

Как видите, бюрократическая любовь к дисциплине начинает прорастать в любом, даже самом мелком начальнике.

Глава двадцать шестая ГОЛЛАНДИЯ НА ПРОВОДЕ

— Розалинда, тебя к телефону! — позвал Розалинду Аренд. Было четверть девятого. Ребята только что позавтракали. У них был традиционный английский завтрак, и они вернулись в номер, чтобы почистить зубы. Нужно было торопиться, потому что через час начиналась эстафета.

Сгорая от любопытства, Розалинда выплюнула зубную пасту, вытерла рот рукой и выбежала из ванной.

— Меня к телефону?

— Да, тебя, — сказал Аренд. — Звонят из Голландии. Это дорого стоит. Возьми трубку быстрее. Наверное, это твоя мама.

Розалинда бросилась к телефону:

— Мама, здравствуй! Это я!

— Роза! Как ты там? — услышался голос бабушки. — Я тебя по телевизору видела. И я, и мама тоже, и папа. Мы почти уверены, что это была ты.

Розалинда держала трубку далеко от уха, потому что бабушка, как всегда, говорила громко.

— Бабушка, у меня все в порядке.

Розалинда не нашла ничего лучшего этой фразы. Зато бабушка всегда находила что сказать. Она говорила без остановки.

Аренд разными выражениями лица показывал Розалинде, что пора заканчивать разговор. Эмма

постукивала кончиками пальцев по циферблату часов. Дети махали руками. Но речь бабушки остановить было невозможно. Розалинда покрылась холодным потом!

— Бабушка! — пыталась она остановить ее.

— Ой, а с шарами что было! — говорила бабушка. — Слушай, самое главное, ты виделась с этим русским мальчиком?

— Нет. Он не приехал!

— Вот это люди! — возмутилась бабушка. — Разве можно на них положиться.

— Он мне письмо написал и передал подарок. Подарок для тебя. Это икона русского святого.

На другом конце провода наступило молчание.

Эмма, Аренд и дети окружили Розалинду. «Прощайся! Заканчивай! Клади трубку!» — кричали и махали все.

— Да?! Не такие они безнадежные, эти русские!

— Бабушка! Мне нужно идти.

— Куда идти?

— На эстафету. Там нужно будет готовить еду, стричь, ставить заплатки. Я боюсь. Там будет, как на конкурсном экзамене.

— Когда есть желание, все получается!..

— Но, бабушка...

Аренд выхватил трубку и услышал несколько последних указаний:

— Вспомни все, что я тебе говорила. Главное, надо себя успокоить...

— Мадам! — закричал Аренд. — Если вы будете продолжать давать советы, ничего хорошего из этого не получится. Потому что через полчаса соревнования закончатся. — И он положил трубку на рычаг.

Ребята горохом покатались к выходу.

Именно в это время крупные деятели из «Совета Церквей» подъехали к загородной ферме. «Сельский балбес» взял Лешу под руку:

— Прошу вас.

То, что увидел Леша, по его мнению, напоминало жилище сельского священника или облегченный вариант сельской часовни.

— Это что? — спросил он. — Место будущего лекцетения?

— Это то, что надо, молокосос! — сказала Сонька-Золотая Ручка. — Иди вперед и болтай поменьше.

Леша увидел, что внешность религиозных деятелей сильно изменилась. Теперь они были не постные, как положено церковникам, а приבלатненные.

— Я не понял, бабушка, что вы сказали, — запинаясь, переспросил он.

Сонька вынула из сумочки небольшой револьвер и направила на Лешу.

— Сейчас поймешь, сосунок! Вперед, шагом марш!

Леша страшно перепугался. До сих пор он видел такие штуки только в гангстерских фильмах. Но там он знал, что ловкий бригадир Джордж, или комиссар Кампанелла, или шериф Паркинсон сидят за забором, чтобы появиться в самый важный момент. А здесь и забора-то не было.

— Что вы, тетя, ко мне пристали! Я приехал лекцию читать.

— Вот иди и читай! — сказал маленький гангстер Картошка и впихнул мальчика в сарай для сельского транспорта. Сзади с грохотом задвинулся тяжелый засов.

Стадион, где должна была проходить эстафета, ревел и вздрагивал. Его поле напоминало плавательный бассейн с дорожками. Только вместо воды на них разместились столики с разложенными на них предметами для соревнований: рваной одеждой, которую надо было починить, сковородками и яйцами, из которых надо было сделать омлет, куклами-голышами, которых надо было перепеленать.

Ближе к финишной ленточке в удобных креслах сидели «учебные сотрудники», которых надо было постричь. И уже за финишной ленточкой стоял микрофон и лежали разные музыкальные инструменты! Кто первый запоет песню, тот первый пересек ленточку. Значит, он все выполнил, и комиссия может смело принимать его работу: есть омлет, осматривать штопку, принимать благодарность от «учебного сотрудника» за стрижку.

Телевизионный диктор радовался на весь мир:

— Современным политическим деятелям далеко до наших детей. Возьмите любого из них, из любой страны: из Америки, из Англии, из СССР, из Китая. И поставьте сюда на спортивную дорожку. Поставьте Миттерана, Рейгана, госпожу Тэтчер и Горбачева. Много они наштопают, много они постригут, много они нажарят омлета, много они наиграют на музыкальных инструментах?! Думаю, они сделают это из рук вон плохо. Вы только посмотрите на детей. У них все получается. Они никакой работы не боятся. Не пора ли ввести детей в правительства некоторых стран. Но не будем заглядывать в будущее, давайте лучше посмотрим, что происходит на арене сейчас. Выстрел стартового пистолета, и десять ребят устремились вперед. Первый этап — штопка. Кто же победит? Впереди юный американский участник. Несколько резких движений — и карман готов. Что-то слишком быстро, я думаю. Вот сейчас еще раз показывают этот кадр, и вы можете все рассмотреть... Так и есть, это то, о чем я думал. Мальчик заштопал куртку при помощи металлической скреплялки, в то время как все остальные участники работают иглой и ниткой. Теперь жюри должно решить — это блистательное изобретение или нарушение правил. О! Я вижу, несколько экспертов кинулись на место штопки разобраться в этом.

Да, страсти кипели. У Розалинды не было скреплялки. Она работала по старинке. Стежки у нее были не совсем аккуратными, потому что она очень спешила. Вдобавок она себя очень плохо чувствовала, особенно при ходьбе. Английский завтрак из яичницы, ветчины и сосисок, кукурузных хлопьев, тостов и джема с «Фрешелем» колом стоял у нее в желудке. С каждым движением ей становилось все хуже. Когда же она подбежала к столику с омлетами, лицо ее стало совсем зеленым.

— Почему эти англичане набивают свои желудки такой жирной пищей? Почему Арэнд выбрал именно ее для этой эстафеты? Наверное, он рассердился на нее за то, что она уже два раза убегала из гостиницы. Ей-богу, Ханс все это сделал бы лучше, чем она. Он уже завоевал так много хороших мест, что компания «Фрешель» сочинила лозунг: «„ФРЕШЕЛЬ“ И ХАНС — СИЛА И ШАНС!»

В отчаянии Розалинда оглядывалась то вправо, то влево в поисках подсказки. Слева от нее американский мальчик делал какой-то странный коктейль из яиц, который он постоянно пробовал. Справа русская девочка взбивала в тарелке омлет. Она была спокойной и уверенной.

Розалинда, у которой из головы выскочили все бабушкины советы, решила во всем подражать этой

девочке и приготовить такое же блюдо.

Следующим этапом было одевание куклы-малышки. Это было легкое задание, но Розалинда нервничала. Только когда рядом стоявшая девочка ей ободряюще улыбнулась, она сумела наконец просунуть пластмассовые ручки куклы в рукава.

Дальше начиналось самое сложное задание.

В креслах недалеко от финишной прямой стояли кресла с «учебными сотрудниками» — УС-ами, которые ждали, когда их причешут и подстригут.

Чем ближе была Розалинда к своему УС, тем больше она волновалась. Он, как нарочно, имел нестандартную прическу — сверкал во все стороны лысиной. Нехорошо было состричь с его головы последнее.

Розалинда опять посмотрела по сторонам. УС русской девочки был молодой человек с копной кудрявых волос. Хорошо бы он попался Розалинде — стриги его себе во все стороны, что ни выйдет — все хорошо. Чуть дальше сидела величавая блондинка с игривой челкой. Тоже неплохой вариант, укороти себе челку до молодежных размеров, вот и все.

УС американского мальчика был пожилой человек с плутоватым лицом и седыми волнистыми волосами. Это был Туз. После того, как они заперли Лешу Измайлова в сарае, Сонька, Картошка и Туз поехали обратно на фестиваль, чтобы не вызывать подозрений. Сейчас они очень жалели об этом решении. Туз сказал мальчику:

— Не стриги меня, доллар дам!

Но спортсмены так дешево не продаются. Юный американец принялся за работу.

— Прическа в стиле панк! — сказал он своему клиенту.

— Этого только не хватало! — подумал Туз. — Сейчас он мне сделает гребень на голове. Покрасит в зеленый цвет! И для полиции будет легче легкого меня разыскать. Мы начинаем миллионное дело с похищением ребенка, и мне не нужны особые приметы.

— А ну, убери руки от моих волос! Не стриги меня! — опять закричал он. — Пять долларов дам.

— Нет, — твердо ответил мальчик. И повел первую борозду машинкой по голове клиента.

Дедушка вскочил, сбросил простыню и побежал со стадиона. Мальчик с машинкой бросился за ним. На ходу он пытался продолжать работу, но безуспешно. Туз бежал набычившись и в сторону, противоположную финишу. Поэтому мальчик с машинкой отстал. Он поискал глазами вокруг себя: кого бы ему подстричь? Но никого не было. Все «учебные сотрудники» были в деле. Молодой человек с копной уже был молодым человеком без копны. Он напоминал стриженного ежика. Величавая пожилая женщина с челкой сидела с двадцатью косичками в разные стороны, заплетенными негритянской девочкой. Везде работали ножницы, машинки, бритвы, зеркала.

Расстроенный американчик решил бежать к финишу давать музыкальный сигнал.

Розалинда приблизилась к лысоватому клиенту:

— Дедушка, как вас подстричь?

— Как надо! — хмуро сказал он. — Лучше всего никак.

Розалинда на секунду задумалась, потом сказала:

— Новая прическа. Молодежная для пожилого возраста. Называется «Клумбочка».

Она неохотно сделала машинкой кружок по оставшимся вокруг его лысины волосам. Как-будто она

чистила картошку, что и было правдой. Получилось очень элегантно, как-будто кто-то положил на голову дедушки большой бублик. Вид у дедушки стал дураковатый, но действительно молодежный. Если у этого дедушки есть дома бабушка, она долго будет думать: ругать ей его или хвалить за такую стрижку.

— Вам нравится, сэр? — спросила Розалинда.

— Наверное, — ответил Картошка. — Я не понял.

Розалинда не тронула ни одного волоска с короны вокруг лысины, зато внизу до ушей все было выбрито начисто так, что его затылок выглядел как мишень для стрельбы присосками.

А теледиктора работа ребят просто очаровывала:

— Вы видите, что такое наши дети. Какие они сообразительные, какие у них умелые руки. Даже стрижку они делают на бегу. Посмотрите, как упорен юный американец. Он буквально прилип к своему клиенту. Какой взрослый парикмахер станет так за вами бегать. Жалко, что клиент исчез. Наверное, он ищет кассу, чтобы заплатить. Он не знает, что здесь все делается бесплатно... Сейчас мы видим, как мальчик схватил гитару. Он собирается что-то спеть.

И правда, американец начал петь. Все его раздражение, вызванное побегом УС, выплеснулось в песне в стиле кантри-вестерн из репертуара американского певца Джона Кеша. Этот певец завоевал большую популярность, выступая в тюрьмах перед заключенными.

Каждый твой дюйм ненавижу я, Сент-Куинтен...

Вся душа моя в ранах и шрамах...

Не поймете вы нас, господин Конгрессмен,

Людей в полосатых пижамах.

Мальчик играл и пел совсем неплохо, и если бы Туз слышал песню, она бы немного успокоила его. Дети на трибунах оживились. Негритянская девочка, которая заплела Соньку-Золотую Ручку в 20 косичек, подыгрывала на там-туме. Потом подбежала третья девочка, и из динамиков полился красивый голос, такой красивый, что у зрителей мурашки побежали по телу. Девочка у микрофона не нуждалась в музыкальном инструменте.

— Врожденный талант! — кричал комментатор. — Номер 7, вы великолепны! Кто же это? Это номер 7 — девочка из Советского Союза Дина Бокарева. Как говорит мой советский коллега из СССР, в его стране много таких талантов. И СССР не держит их в секрете, а делится ими со всем миром... Но вот появился четвертый участник под номером 10. Марио Квинтано из Аргентины. Он берет флейту. Безусловно, Аргентина может гордиться им и его игрой. Кто же следующий участник победного ансамбля? Это девочка в желтом, ее номер 8. Розалинда Вилминг из Голландии, она играет на гитаре.

Как только телекомментатор произнес имя Розалинды, в Москве Рома Рогов примагнитился к стулу.

Он смотрел на экран не отрываясь, боясь пошевелиться. Но внутри у него все бурлило и полыхало, сердце громко билось, в висках стучало.

— Лупу! Увеличительное стекло! — закричал он вдруг. — Елизавета Николаевна, дайте мне вашу увеличилку!

Елизавета Николаевна, не удивляясь, принесла ему увеличительное стекло, которым пользовалась при чтении, и Рома впился глазами в экран. Единственное сильно увеличенное изображение, которое предстало перед ним, была чарующая улыбка мисс Карабас. Она вручала премии.

Майнса Мусонда — темнокожая девочка из Замбии — заняла первое место. Дина Бокарева — второе. Марио Квинтано — третье. Благодарность за участие и шустрость была вынесена американскому мальчику. Он проиграл соревнование, но его упорство заслуживало особой похвалы.

Известная нам Розалинда Вилминг была на четвертом месте.

Глава двадцать седьмая КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУВАЧКИН ИДЕТ ПО СЛЕДУ

«Советские» вернулись в гостиницу счастливые. Еще бы: в эстафетных соревнованиях Дина Бокарева заняла второе место. Ребята бросились к Леше Измайлову поделиться радостью. Но Леша не было. Вместо него лежала записка, что он уехал в религиозный совет читать антирелигиозные лекции.

— Что это значит? — спросила тов. Федулова у Игоря Ивановича.

— Возьмите эти визитные карточки и позвоните по указанным телефонам, — спокойно сказал Игорь Иванович. — Все и узнаете.

Сказал он это спокойно, но в душе у него уже начинал потихонечку стрекотать маленький будильник тревоги.

Игорь Иванович стал понимать, что дело плохо. Что могло случиться и такое, что Лешу похитили...

утащили... свистнули... И рано или поздно за него потребуют выкуп. Леша, конечно, барахольский ребенок. Так, дрибузня! Но выкупать его придется. Значит, прощай диктофон, который он собирался купить, прощай телефон с памятью на сто номеров и прощай черный плащ для жены Лиды.

Товарищ Федулова тем временем звонила по телефонам, указанным в визитных карточках, и выясняла у мистера Пако Пенья и у сэра Свеклова, действительно ли Совет Церквей не мог обойтись без лекций ученика шестого класса Алексея Измайлова.

Представители Совета неторопливо и вежливо объясняли тов. Федуловой, что мистер Пако Пенья — Старший проповедник Совета Церквей — давно уже работает в Африке. А сэр Свеклов — Секретарь Совета Церквей — сам может читать лекции на тему «Религия в СССР», потому что он эмигрант из Советского Союза и вдобавок украинец.

Для товарищ Федуловой положение окончательно запуталось, а для Игоря Ивановича стало проясняться.

— Плохо дело! — сказал Игорь Иванович.

— Почему? — забеспокоилась товарищ Федулова.

— Он им такого начитает! Что архангел Гавриил — представитель военно-промышленного комплекса. Что Николай Чудотворец — обычный иллюзионист без аппаратуры... «Совет Церквей» будет долго совещаться. Так что два часа у нас есть.

— А потом? — спросила товарищ Федулова.

— Потом будем думать, — ответил Игорь Иванович.

— А что мы будем делать сейчас?

— А сейчас мы все как один пойдем в кино, — сказал Игорь Иванович. — По всей Западной Европе шумит фильм «Дьяволы северной планеты». А мы его не видели.

— Ура! — закричали ребята.

— А как этот фильм в смысле идеологии? — встала на знакомую колею товарищ Федулова. — Он не погубит нам ребят? А вдруг эти дьяволы марихуану курят? А вдруг они дерутся табуретками? А может быть, они носят волосы до самого пола? Эти дьяволы?..

Она была глубоко убеждена, что после такого фильма ребята за два дня отрастят себе косы, возьмут в руки табуретки и начнут гоняться с ними за обслуживающим персоналом.

— Нет, — успокоил ее Игорь Иванович. — Они там сажают урюк в космосе. В условиях, приближенных к тундре. Выращивают космических зайцев и сусликов.

Ребята сразу закисли от такого содержания фильма, а тов. Федулова обрадовалась. И все пошли к лифтам. Только Игорь Иванович не пошел. Он сказал:

— Вы идите, а я буду Лешу ждать. Я этот фильм видел.

А будильник тревоги звучал у него внутри все сильнее и сильнее, все громче и громче... Уже почти как пожарный колокол.

Когда все ушли, в номере стало тихо. Перестала хлопать дверь, исчезли крики ребят и скрылся вдали пронзительный голос товарищ Федуловой. Игорь Иванович остался один. Он сел на кровать и стал думать.

У него закралось подозрение, что утаскивание... т. е. утаск... то есть похищение Лешы Измайлова

было делом рук пожилого мордастого человека снизу, который отвечал за всех УС-ов. Того, который с приемником. Того, который приносил портрет госпожи Карабас, — подарок коллективу ребят от коллектива швейцаров.

Если дело было так, то как вернуть Лешу, избежав скандала в прессе? Игорь Иванович тут же представил себе заголовки в газетах, написанные крупными буквами:

«СОВЕТСКИЙ РЕБЕНОК СБЕЖАЛ НА ЗАПАД!»,

«СУПЕРДЕРЖАВА ТЕРЯЕТ КРОШЕЧНОГО ЧЕЛОВЕКА»,

«ПОХИЩЕНИЕ ИЛИ ПОБЕГ — ВОТ ЗАГАДКА ДНЯ!»

Чем больше он думал, тем больше понимал, что выкуп еще полбеды, гораздо хуже сплетни, слухи, унижение государства. И все это из-за какого-то наглого мальчишки, пустоголового хвастуна, который непонятно каким образом прошел конкурсные испытания и попал на фестиваль. Игорь Иванович сжал кулаки. Он был очень зол на антирелигиозного лектора.

В дверь постучали. Игорь Иванович вздрогнул.

— Кто там?

Ответа не было.

— Кто там? — спросил он по-английски.

— Это я, Розалинда.

Игорь Иванович выдохнул с раздражением и встал с кровати, чтобы открыть дверь. Он увидел девочку с голубыми глазами и прямыми волосами.

— Тебе нужно на этаж выше. Там живет американская делегация.

— Нет, нет. Мне нужно сюда.

— Как это сюда? Зачем еще? — спросил Игорь Иванович. Он поймал себя на том, что грубо разговаривает с девочкой. Это было потому, что его мысли были направлены на Лешу.

— Я из голландской команды. Я пришла узнать о Роме Рогове.

— Он с нами не приехал.

— Я знаю. Поэтому я хочу ему кое-что передать.

Игорь Иванович впустил девочку. Двухкомнатный номер был достаточно удобным и большим. В нем стояло двадцать кроватей, и все они были аккуратно застелены.

— Ты уже была здесь? — спросил Игорь Иванович.

— Да, — смущенно сказала Розалинда. Она чувствовала себя немного виноватой, как будто она говорила с Арендом.

— Когда?

— Вчера... кажется.

С тех пор как она приехала в Жевену, дни и ночи смешались у нее в один поток событий, происходящих то ли во сне, то ли наяву. Встреча с госпожой Федуловой, церемония открытия праздника, эстафета. Она уже не могла отличить четверг от субботы, утро от вечера. Что было сначала, что потом? Сначала товарищ Федулова, потом открытие праздника, или сначала Дидерик в советской форме, а потом товарищ Федулова? Кто ей передал икону и письмо от Ромы? Кого она

стригла на эстафете? Кто разговаривал с бабушкой по телефону — она или Аренд?..

Она пыталась уложить эти события в своей голове по порядку. Хотя бы за это утро. К финишу она пришла четвертой. В благодарность за это Эмма и Аренд предоставили ей отгул. Но вместо того, чтобы отдыхать в номере у телевизора, она написала письмо Роме. И это письмо принесла сюда, чтобы передать быстро, до возвращения голландской делегации.

Но русский Аренд продолжал задавать ей вопросы:

— Ты была здесь сегодня утром?

— Сегодня утром я говорила с бабушкой по телефону, — ответила Розалинда.

— А вчера?

— Вчера нет.

— Я счастлив, — сказал Игорь Иванович. — Бабушка здорова?

— Да.

— А вчера, когда ты заходила сюда, кто здесь был?

— Один мальчик.

— Такой рыжеватый?

— Да, рыжеватый, — Розалинда постепенно стала вытаскивать из кармана письмо... — Не смогли бы вы...

— Никого другого, кроме этого мальчика, не было?

— Нет.

Розалинда заметила портрет госпожи Карабас с теплой улыбкой и дарственной надписью: «Моим дорогим русским друзьям». В комнате голландской делегации такого портрета не было. Это было несправедливо. Раз дарят портрет одной делегации, надо дарить всем. Зачем демонстрировать расположение к одним странам, игнорируя другие. В каждой голландской школе висит портрет королевы. И в школе Розалинды тоже, правда, без всякой надписи. Никто за эти портреты особенно не держится. Но если повесили в одной, надо вешать и в других. А если уберут портрет в одной школе, уберут и в других. Потому что тогда будет справедливо.

Игорь Иванович заметил взгляд и недоумение девочки.

— А у нас такого нет, — сказала Розалинда.

Игорь Иванович почувствовал, что ключ к разгадке очень близко. Он вспомнил, откуда этот портрет, как Кирпичиано внес его в номер, вспомнил и «радиопередачу» в комнате начальника УС-ов. Он на цыпочках подошел к портрету, снял его со стены и повернул госпожу Карабас к себе спиной. На обратной стороне портрета был вделан микрофон.

Игорь Иванович повесил «Карабас» на место.

— А у нас такого нет, — повторила Розалинда.

— Вам повезло, — сказал на это Игорь Иванович. А про себя подумал: «Портреты на стенах — это типично русский обычай. Но ничего, скоро мы его поломаем».

— Но сейчас меня беспокоит другое, — сказал он Розалинде. — Леша исчез.

— Этот рыжий мальчик?

— Да. Мальчишка — дрянь. У нас уже были из-за него неприятности. Но это уже слишком... Оказывается, знаешь что... Оказывается, он еще и воришка. Наша чековая книжка пропала, на очень большую сумму. Там тысячи и тысячи долларов. Сто тысяч...

Розалинда задумалась. Она хорошо запомнила Лешу. Но от хвастовства до воровства очень далекий путь.

— Вы уверены, что это он?

Игорь Иванович подошел вплотную к портрету Карабас и произнес так, будто он положил руку на библию:

— Я уверен, что Леша украл книжку из комнаты.

— Тогда нужно срочно рассказать об этом всем и сообщить в полицию.

— Тогда нужно срочно никому об этом не рассказывать и ни в коем случае не сообщать в полицию. Подымется такой скандал. А вдруг мальчик исправится. Может быть, он вернется с книжкой. Я должен дать ему такую возможность. Так что я буду молчать. И ты тоже помалкивай.

— Да-да, конечно, — сказала Розалинда, запинаясь.

Игорь Иванович улыбнулся. У него было открытое лицо с добрыми серыми глазами.

— Я пойду посижу в вестибюле, почитаю. Спасибо тебе. Я знаю, ты не подведешь.

Они вместе вышли из комнаты. В руках Розалинда все еще держала письмо для Ромы.

— Передайте, пожалуйста, это Роме Рогову, — попросила она уже в лифте. — Через два дня фестиваль закончится. Вы приедете быстрее почты. Он будет рад.

Игорь Иванович положил письмо во внутренний карман пиджака:

— Значит, ты и есть та самая голландская девочка, с которой он переписывается?

— Да. А вы его знаете?

— Не очень хорошо. Но мне кажется, он хороший мальчик и рисовать хорошо умеет.

— А вы его перед отъездом видели?

— Конечно, видел, — сказал русский руководитель рассеянно. — Я всех видел.

Лифт с легким шумом остановился на первом этаже.

Мысли Игоря Ивановича полностью были заняты пожилым человеком из диспетчерской комнаты. Не попрощавшись с Розалиндой, он направился к дивану в вестибюле, перед которым на столике лежали свежие газеты. Игорь Иванович взял одну и стал читать.

Розалинда шла за ним в растерянности. Она не знала, что делать. То ли ей возвращаться сейчас же в гостиницу, пока ее не начали разыскивать Эмма и Аренд, то ли остаться здесь и как можно больше узнать о Роме. Розалинда решила остаться здесь и застенчиво села на диван рядом с Игорем Ивановичем.

— Вы давно знакомы с Ромой? — спросила она.

— Не очень...

— А почему он не приехал?

— Чего?.. Ах, да, не знаю... Дай мне почитать.

Но он не читал. Глаза его были направлены в одну точку в газете. И когда Розалинда рассмотрела газету, она увидела в ней дырку. Но дырка была не только в газете, По мнению Розалинды, дырка была и у Игоря Ивановича в голове. Какой-то он был сдвинутый.

А Игорь Иванович находил, что сдвинутой была девочка. Она просто прилипла к нему в тот самый момент, когда он занимался очень рискованным делом.

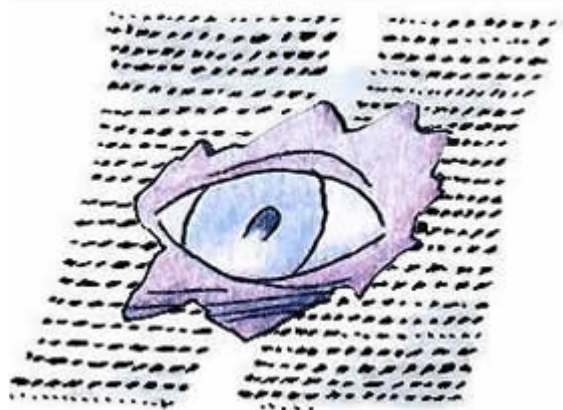
Сквозь отверстие он увидел, как Кирпичиано — главный «учебный сотрудник» — перекидывал пачки бумаг на столе и каждую секунду смотрел на часы. Он был похож на человека, которого что-то беспокоило. Неожиданно он встал и быстро пошел к выходу. Игорь Иванович отложил газету и приподнялся с дивана.

— Скажите, а как вы думаете, почему Рома не приехал в Жевену?

— Извини, меня ждут! — кивнул на ходу Игорь Иванович, но Розалинда продолжала за ним следовать, даже когда он выбежал на улицу.

Игорь Иванович бросился к одному из такси. Шофер любезно приоткрыл ему дверцу.

— Можно я с вами поеду? — спросила Розалинда. Она примирилась уже с тем, что у этих дырчатых русских ничего не узнаешь. И больше всего на свете она хотела теперь вернуться в гостиницу, чтобы было как можно меньше скандала.

— Куда?

— Отель «Вильгельм Тель». Шесть кварталов отсюда. А то я опаздываю, и меня будут искать.

— Садись быстрее.

Игорь Иванович взял ее с собой, чтобы показать, что он не был таким плохим человеком. Несмотря на свою раздражительность, он поставил себя на место девочки и понял, что в ее глазах его поведение было грубым.

— Отель «Вильгельм Тель»? — спросил таксист.

— Нет! — закричал Игорь Иванович. — Видите эту красную «Сузуки» впереди? Мы должны ехать за ней.

Розалинда посмотрела на красную «Сузуки». Там пожилой человек из отеля тяжело усаживался за рулем.

— Но... — начала Розалинда, — но...

— Тс-с, мы тебя высадим по дороге.

Глава двадцать восьмая РОЗАЛИНДА ВСТУПАЕТ В ДЕЛО

Жевена — город, переполненный людьми и машинами, где в транспортной суеде маленькие машины одерживают победу над большими, прорываясь вперед.

«Мерседес дизель» таксиста, который подхватил Игоря Ивановича, тоже стремился прорваться вперед. Но там, где маленькая «Сузуки» могла проскользнуть между двумя автобусами, «Мерседес дизелю» приходилось со скрипом тормозить.

— Быстрее! Быстрее! — кричал Игорь Иванович.

Они проскочили на желтый свет, с визгом и выездом на встречную полосу повернули на перекрестке и чуть не наехали на очумевшую собаку. Розалинда увидела многоэтажное здание своей гостиницы и спросила:

— Можно мне выйти?

Таксист нажал на тормоза.

— Не останавливаться! — закричал Игорь Иванович солдатским голосом. — Они уйдут!

Побледневшая Розалинда сидела, откинувшись на заднее сиденье, когда отель «Вильгельм Тель» промелькнул, как вспышка, и исчез. Еще одна ссора с Арендом сегодня вечером. С тех пор, как Эмма порвала с ним, он стал очень раздражительным. Они, конечно, ничего не сказали детям, но, судя по их холодным саркастическим замечаниям в адрес друг друга, все поняли, что произошло.

— «Час пик»! — жаловался таксист. — Разве этот водитель «Сузуки» не понимает, что нужно сбавить скорость, раз за ним едут?

— Он этого не знает, — сказал Игорь Иванович.

Розалинда и таксист подняли брови в удивлении.

— Послушайте, — сказал таксист, — я горжусь своей работой и вовсе не хочу быть замешанным в грязном деле.

— А вы ни в чем и не будете замешаны, — сказал Игорь Иванович. — Вам просто нужно ехать за этой красной «Сузуки». Я все оплачу.

Он украдкой взглянул на счетчик и вытащил кошелек, чтобы посмотреть, сколько у него осталось жевенских франков. Франков было немного.

Они пересекли черту города и какое-то время ехали по шоссе, которое извивалось по дну долины между горами.

Потом они увидели предупредительный знак «Конец шоссе. Осторожно! Берегитесь встречных машин!» и выехали на второстепенную сельскую дорогу.

Сначала она шла вверх вдоль пастбищ и фермерских полей, потом резко изменилась, превращаясь в извилистую горную дорогу-серпантин. Игорь Иванович еще раз посмотрел на счетчик и вздохнул:

— Послушайте... А что если я вам скажу, кто я. Как меня зовут, кем я работаю, где проживаю... А?

Шофер не отрывался от руля и от дороги, но весь превратился во внимание.

— Зовут меня Игорь Иванович Стрельцов, я — корреспондент, журналист. Здесь на фестивале я руковожу советской делегацией...

— ...И у меня больше нет денег, — продолжил его слова таксист, который тоже не вчера родился на свет.

— До этого места я могу заплатить, — сказал Игорь Иванович. — Сейчас могу, а остальные деньги вы получите завтра от нашей делегации. Мы, русские, к таким делам относимся очень серьезно. У нас порядки строгие.

— Мы, таксисты, к таким делам тоже относимся очень серьезно. И у нас в фирме тоже порядки строгие.

Машина остановилась, и водитель попросил рассчитаться.

— Вы что же, так и оставите двух беспомощных людей в горах посреди дороги?

— Вы сами хотели, чтобы я вас сюда вез. А как сюда я добирался? Сколько мне это стоило бензина и износа шин?

Таксист с блеском развернулся на узкой дороге и выстрелил своей скоростной машиной вдаль. Стрельцов и Розалинда печально смотрели ему вслед.

«Мерседес» уехал в город, а «Сузуки» словно красный жучок ползла дальше вверх. Иногда она полностью исчезала в зеленых клубах деревьев, потом вдруг появлялась в одной из прогалин серпантина.

Розалинду знобило, несмотря на теплое солнце.

Это был еще один момент, когда реальное и нереальное переплелись в один клубок.

Русский руководитель делегации положил ей руку на плечо:

— Извини, я должен тебе все объяснить, — сказал он серьезно. — Давай сядем и поговорим.

Розалинда села на траву у края дороги. Ей сразу стало легче. От Аренда она бы услышала совсем другие слова. Девочка спокойно сидела и ждала, что скажет этот русский Игорь Ивано... а дальше... она еще ни разу не удержала в памяти его имя до конца...

— Ты только не пугайся, — сказал он, и она сразу испугалась. — Мне теперь совершенно ясно, что Лешу Измайлова похитили.

Розалинда вдруг перестала бояться и вытаращила глаза.

— В этом деле замешан человек в красной «Сузуки». Извини, что так получилось.

— А как они его похитили? Ведь он все время был в номере!

— Заманили. Нашли хороший предлог, чтобы уговорить его пойти с ними. Он был легкой добычей. Соблазнить его ничего не стоило.

— А чековая книжка?

— Это все неправда. Я о ней специально говорил, чтобы тот человек из комнаты швейцаров выдал себя.

Он рассказал Розалинде о подслушивающем устройстве «бэби-спай», спрятанное за портретом.

— Почему же вы не сообщили в полицию? — спросила Розалинда.

Это был трудный вопрос. «Мы, русские, всегда избегаем полиции», — подумал он про себя. А ей он ответил:

— Не успел. Надо было за ним бежать.

Он показал в гору, в ту сторону, куда скрылась машина.

— А если мы поднимемся в гору и поищем его там, — предложила Розалинда.

— Кого?

— Лешу... «Сузуки».

Игорь Иванович с удивлением посмотрел на голландскую девочку:

— Не испугаешься?

— А что здесь такого страшного? Мы ведь просто гуляем и все.

— Пойдем, — сказал Игорь Иванович и протянул девочке руку.

Страх Розалинды совсем прошел. Прогулка с русским руководителем делегации была для нее настоящим БОЛЬШИМ приключением. Это было куда приятнее, чем готовить, стричь, одевать кукол или вылавливать из воды «учебных бабушек и дедушек».

Они шли по залитой вечеряющим солнцем дороге.

— А вы Рому видели? — продолжила Розалинда свой допрос.

— Я его видел в аэропорту перед отлетом.

Он рассказал Розалинде про портрет «генерала Таможенного».

— А почему его не пустили в Жевену? Он ведь все конкурсы прошел.

— У нас в стране 250 миллионов людей и среди них много таких мальчиков, как Рома. Одним удастся поехать, другим нет. Это не только от таланта зависит. И от людей, которые поездки организуют. А потом еще есть просто «везунчики».

— Такие, как Леша?

— Такие. Теперь и он стал невезучим.

Больше о Роме они не говорили. В течение получаса они шли рядом по вьющейся вверх дороге.

Наконец они вошли в деревню. Ничего себе, «в деревню»! Это только так называлось — «деревня», а в самом деле вокруг стояли двухэтажные каменные дома с красными черепичными крышами, и все это напоминало подмосковный пансионат для работников правительства или Академии наук. Большие окна, дорожки, розы.

Игорь Иванович начал здороваться с каждым встречным. Некоторые прохожие отвечали на его

вежливые приветствия, но большинство так и проходило с каменными лицами.

— У нас в деревне обычно люди здороваются, — объяснил Игорь Иванович.

И Розалинда представила себе 250 миллионов улыбающихся, здоровающихся, кивающих головами русских.

— Пить хочется, — сказала она.

— И мне, — ответил Игорь Иванович. — Может пойдём, попросим?

Он указал на отдельную ферму на выходе из деревни.

Розалинде показалось это диким:

— Нет, нельзя! — Они ведь не были бродягами — ни она, ни Игорь Иванович. — У нас так не делают.

— А что вы делаете, если вдруг сильно хочется пить?

— Мы идем в мотель. Или в кафе.

Но здесь не было ни мотеля, ни кафе, ни денег. Даже не было представителя фирмы «Фрешель» с их вездесущим лимонадом, была только жажда.

— Может быть, вернемся? — спросил Игорь Иванович, чувствуя себя все менее уютно на незнакомой, почти неведомой дороге. И еще он переживал за девочку. Ей надо было и поесть, и отдохнуть. «Да, — подумал он. — Теперь полная паника уже в двух делегациях».

Розалинда вглядывалась в вершину горы. Кажется, дома уже кончились и там, вверху ничего больше не намечалось.

— Знаешь что, — сказал Игорь Иванович, — мы почти уже наверху, дойдем до конца для очистки совести. Или вернемся?

Очень многие люди идут до конца только из желания завершенности действия. Это уважаемые люди.

Розалинда кивнула — «да».

Икры ног ломило и корежило, но они продолжали свой путь. Когда они проходили по еловому лесу, Игорь Иванович отковырнул два кусочка еловой смолы, твердых и прозрачно-розоватых, и сказал Розалинде, что это можно жевать.

— Зачем?

— Получится жвачка. Сначала она горькая-прегорькая, а потом безвкусная — жуй сколько хочешь. Может быть, расхочется пить.

Изумленная Розалинда положила в рот кусочек смолы и попробовала жевать. Сначала все у нее во рту превратилось в горький песок, а потом постепенно зажевалось и перестало горчить.

— Рашен жвачка, — сказала она. Игорь Иванович засмеялся:

— А ты знаешь, какая у меня фамилия? «Жувачкин». Я под такой фамилией пишу заметки в «Пионерской правде».

Когда Игорь Иванович сказал, что он — Чуин-гам, засмеялась Розалинда. Она подумала, что этот русский руководитель делегации смешной человек.

— Я и отсюда посылаю заметки о Гode Хорошего Ребенка.

Здесь они оба быстро перестали смеяться, потому что вспомнили о Леше и о своем безвыходном

положении.

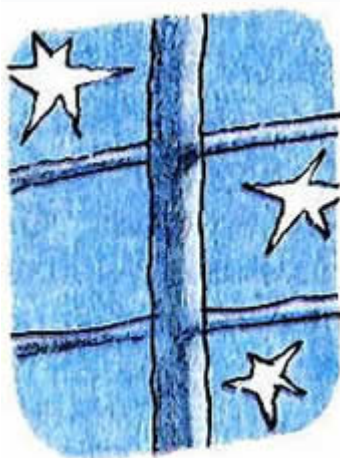
Наступили сумерки. «Сузуки» нигде не было видно. Около домов, которые еще попадались, стояли «Оппели», «Фиаты», «Пежо», «Лады», «Форды», но нигде не было маленькой машины Кирпичиано.

Уже у самой вершины они увидели небольшой фермерский домик с внушительным сараем. Рядом с домом стояла красная машина. Они насторожились и побледнели. Игорь Иванович приложил палец к губам и сделал знак Розалинде, чтобы она ждала его на дороге. Сам он тихонько подошел к двери сарая, прислушался и прошептал:

— Леша!

Розалинда вся напряглась, наблюдая за ним не дыша. Кажется из сарая послышался какой-то ответ, потому что Игорь Иванович начал отодвигать засов, который заскрипел и завизжал, как нарочно так, что тысячи сверчков не могли поглотить этот шум.

Вдруг появилась полоска света в двери фермы.

— Кто там? — спросил скрипучий голос. Кто-то прокаркал это по-немецки.

Игорь Иванович обернулся на голос:

— Это я.

— Что ты здесь делаешь?

— Ничего... Иду себе...

— Куда?

— В «Эрмитаж», то есть в «Лувр».

— Ну и иди себе!

Игорь Иванович хотел развернуться и быстро двинуться в сторону «Эрмитажа». Но в двери появился другой человек, это был Кирпичиано, потом еще один другой человек... и еще кто-то.

— Стоять! — скомандовал Кирпичиано. Затем трое мужчин схватили Игоря Ивановича и несмотря на все его сопротивление злобно запихнули в сарай.

Розалинда в ужасе вскрикнула. Как это было глупо! Ее тоже немедленно схватили и бросили туда же. Она даже не успела никого укусить.

Грохот, с которым захлопнулся засов, показался Леше Измайлову счастливой музыкой. Наконец-то он был не один.

Глава двадцать девятая СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

За всю свою долгую тихую сельскую жизнь старая ферма не слыхала столько ругательных выражений, сколько высыпалось из разгневанного Кирпичиано за эти полчаса. Кирпичиано разносил, буквально уничтожал своих бой-подчиненных.

— Ублюдки! Недоумки! Четвертинки!

— Почему четвертинки? — удивился Картошка. Даже в доме он не снимал своей кепки, чтобы никто не увидел его «клумбочки».

— Думаете на одну четверть! Такую операцию сорвать!

— Почему же сорвать, шеф? — спросил Туз. — Мы же ее блестяще провели. Мальчишка здесь, его папочка отсчитывает нам рубли, и мы в порядке.

— Кому нужны твои рубли?! — закричал Кирпичиано. Где ты их будешь тратить? Здесь их не принимают. Ты поедешь в СССР?

— А что, шеф. Небольшая развлекательная поездка группы престарелых профсоюзных лидеров.

— И ты будешь развлекаться в Сибири?! Да?! Тебе нравятся эти развлечения в наручниках?

— Шеф, а мы потребуем оплаты в твердой валюте, — спорил Туз.

— Да ты больше потратишь твердой валюты на кормление этой международной делегации!

— Кстати, их давно пора кормить! — сказала Сонька-Золотая Ручка. Она была плохой, но все-таки женщиной. И желание кормить гнездилось где-то в глубине ее порочной души.

Конечно, она не была особо благородной особой, но у нее было одно благородное качество — всегда быть на стороне слабых. Чаще всего самой слабой была она сама. Но иногда это ее хорошее качество распространялось на кого-нибудь еще.

— Идите кормите, мойте, одевайте! — кричал Кирпичиано. — Нам надо было взять одного победителя. За него платила бы вся эта посудохозяйственная олимпиада! А теперь мы имеем целую делегацию, и неизвестно, нужна ли она кому-нибудь.

Картошка взял из холодильника несколько пакетов йогурта, немного хлеба, разрезанного на кусочки и уложенного в тончайший целлофановый пакет, большую бумажную банку с нарисованной на ней кошкой, поставил на поднос и под охраной Туза пошел в сарай.

Он поставил поднос на землю, открыл засов, толкнул дверь ногой и вошел внутрь.

В сарае было темно. Игорь Иванович и два ребенка сидели в дальнем углу при свете маленькой керосиновой лампы.

— Эй, вы! — сказал Картошка. — Вот вам еда.

— Дед, — сказал ему Игорь Иванович. — А ты не боишься, что я сейчас дам тебе по башке кулаком, а потом сдам в полицию.

— Нет, — ответил дед. — Сзади меня стоит мой френд с пистолетом.

— Дед, — продолжал настырный Игорь Иванович, видно журналист — исследователь общественных процессов не засыпал в нем ни на одну минуту ни в какой ситуации, — а зачем ты всем этим занимаешься? В твои годы надо на печи сидеть, сказки рассказывать. А ты — преступник.

— Я не преступник, — ответил Картошка. Я — борец.

— Боре-ец?

— Да, борец за социальную справедливость. Это у вас в стране можно на печи сидеть, сказки рассказывать. Потому что у вас в стране есть счастливая старость. А у нас нет. У нас и печей нет.

— А что у вас есть?

— У нас человек человеку волк. А вы хотите меня сдать в полицию. Вы должны мной гордиться и помогать мне.

— Дед, я дам тебе по башке, сдам в полицию... тебя посадят в тюрьму. Вот тебе и будет обеспеченная старость, как у нас в стране. Будут тебя поить, кормить и кино по телевизору показывать. «Клуб кинопутешественников». Идет?

Картошка задумался.

— А внуки? — спросил он. — Внуков тоже в тюрьму?

— Зачем? И причем здесь внуки?

— А при том. Кто же их будет кормить, поить, одеждой одевать? Ведь это я их содержу.

— А их родители? Их родители где?

— В тюрьме, — объяснил дедушка. В тюрьме сидят, кино по телевизору смотрят. «Клуб кинопутешественников». У них плохая наследственность.

— Тьфу ты! — плюнул Игорь Иванович. — Проклятый капитализм. Не дает житья людям. Ладно... давай сюда еду. Мои ребята проголодались.

— А что нам дают? — спросил Леша.

— Пахнет, как мясо для кошек, — сказала Розалинда. — А кошек здесь нет. Они что-то напутали. — Она опасливо поглядывала на дедушку с подносом. Уж больно он был похож на «учебного сотрудника», которого она стригла.

— Игорь Иванович, — пожаловался Леша по-русски, — здесь очень плохо кормят. У нас в пионерском лагере кормили лучше.

— Значит, забрать? — спросил Картошка.

— Ни в коем случае! — сказал Игорь Иванович. — Посмотрим, чем кормят жевенских кошек. Не очень ли угнетают их эти противные акулы капитализма и пожилые бандитские приспешники.

Ночь окутывала Жевену и ее пригороды.

Дрожа от страха, замученные и уставшие Леша и Розалинда сидели, прижавшись друг к другу, в кабине трактора. Они глубоко презирали друг друга, но после долгих часов ожидания усталость и страх пересилили неприязнь. Оба молча наблюдали, как Игорь Иванович при слабом свете коптилки пытался оживить мотор.

Он уже придумал план побега. И миллиметр за миллиметром реализовывал его.

Розалинда была удивлена, что репортер умеет еще и трактор чинить:

— А вы знаете, как это делать?

— Приблизительно, — ответил Игорь Иванович. — Его давно не заводили. И аккумулятор сидит. Может быть, пускателем он заведется. Хорошо, что это старая модель.

— Вы у себя дома тоже чините машины? — допытывалась Розалинда.

Игорь Иванович кивнул головой:

— У нас в стране половина людей работает, а половина чинит.

— Прямо как у нас, — решила Розалинда. — У меня дома мама продает велосипеды, а папа чинит.

Леша ничего не говорил. Известный международный лектор чувствовал себя как кающийся грешник. Ведь он был виноват во всем, что произошло.

— Готово! — сказал Игорь Иванович. — Электрика в порядке. Кажется, он у меня заговорит. Я вам расскажу, что надо делать. Идите сюда.

Розалинда и Леша подошли. Вид у них был испуганный.

— Сарай еле держится. А трактор — машина сильная. Если я его заведу, мы используем его как бульдозер. И сможем вырваться на свободу. Ясно?

Дети кивнули.

— Я поеду через ворота. Вы не должны быть со мной рядом. Когда я буду проезжать через дверь, может рухнуть стена, а то и крыша. Вы стойте вон там, где главный крепкий столб. Как только я прорвусь, со всех ног летите ко мне и забирайтесь на крылья. А сейчас потренируемся... Ну-ка, прыгайте на трактор.

Окостеневшие от долгого сидения Леша и Розалинда попытались влезть на крылья. У них вышло очень плохо, как в замедленном кино.

Игорь Иванович был недоволен:

— Что это вы, как две пенсионерки на серванте. А ну, живей!

После пятого раза ребята разогрелись и стали влетать на крылья как паучки или как ошпаренные обезьянки. Игорь Иванович помягчел:

— Отлэ! — сказал он. — Не бойтесь. Думайте о том, как убежать. Если кто-то вырвется один, пусть немедленно бежит в полицию.

— А если они попытаются нас остановить или догнать? — спросил Леша. Это была самая длинная

фраза, сказанная им за все это время.

— Не попытаются. У них будет шок, он их парализует. А с соображаловкой у них дела плоховаты. Головенки работают кое-как.

В последнем он был уверен, а на первое оставалось надеяться.

— Уйдите с дороги!

И пока дети на цыпочках отходили назад, Игорь Иванович заводил мотор.

Мотор сначала шипел, потом вдруг адски взревел, так что стены и пол задрожали.

Леша и Розалинда стояли с открытыми ртами, наблюдая за выезжающим на тракторе Игорем Ивановичем.

Затрещало разлетающееся в щепки дерево, заскрипели дверные петли, заскрежетал металл. Пушечным выстрелом лопнул засов, и раздался треск разбитого стекла. Очевидно, кусок засова угодил в окно фермы. И там еще продолжал грохотать, запутавшись то ли в серванте, то ли в телевизоре.

Все тархтело, дребезжало и скрипело немазанным контрабасом.

Игорь Иванович вылетел наконец из сарая через ворота с чумовым грохотом.

— Идите сюда! — закричал он детям.

Розалинда очнулась от оцепенения и толкнула Лешу локтем. Оба кинулись к трактору.

— Держитесь крепко за окно! — кричал Игорь Иванович во всю мощь своего голоса, заглушая грохот.

Он вывел трактор в направлении дороги.

Как пять привидений в лучах света возникли Кирпичиано, Туз, Сонька — Золотая Ручка, Картошка и еще одно какое-то пожилое недоразумение. Все они были в ночном белье и выглядели в десять раз глупее, чем всегда.

Первым начал действовать Кирпичиано:

— Стой! — закричал он.

Но никто не собирался останавливаться. Тогда Кирпичиано забежал перед трактором и стал размахивать руками. За ним последовал Картошка с клумбочной прической, Сонька и другие гангстеры. Они окружили трактор. Но выглядели совсем не грозными, как подобает закоренелым преступникам, а напоминали испуганных детей, которые были в отчаянии и не знали, что делать.

— Мы больше не будем! — кричал Картошка.

— Это была ошибка! — сказал Кирпичиано.

— Так, мелкое недоразумение! — поддержала Сонька — Золотая Ручка.

— Слушай, парень, — кричал Кирпичиано наступающему на него Игорю Ивановичу. — У нас была тяжелая жизнь. Безрадостное детство, преступная среда. Дай нам спокойно дожить до старости. Не вызывай полицию!

Игорь Иванович почувствовал, как дети от страха впились ему в руки.

— Уйдите с дороги! Все уходите! Я никому ничего не скажу! Но при одном условии, что вы быстро соберете свои манатки и уберетесь отсюда навсегда!

После этих слов он послал трактор вперед, и Кирпичиано едва успел отпрыгнуть в сторону.

С диким ревом и треском трактор поехал вниз по горной дороге. Многие фермеры и фермерши в эту ночь удивлялись, кто это в ночное и несезонное время приступил к пахотным работам?

Розалинда и Леша страшно устали, но прохладный ветерок подбадривал их. Когда они добрались до шоссе, уже начало светать.

— Отсюда мы пойдем пешком, — сказал Игорь Иванович. — Отсюда уже недалеко до главной трассы. Там нас кто-нибудь подберет. Верно? — Он посмотрел на Розалинду. — Здесь это возможно?

Она не поняла, как это может быть невозможно.

Три четверти часа они стояли на обочине, сигналив рукой, прежде чем появилась и резко затормозила одна попутная машина.

— В Жевену? — спросил водитель.

— Да, пожалуйста, — сказал по-английски Игорь Иванович.

— Вы кто, туристы? — спросил шофер.

Игорь Иванович подумал и ответил:

— Да.

— Мы гуляли в горах и заблудились! — объяснил Леша. Он явно начал оживать и приходить в себя.

Водитель с состраданием посмотрел на измученных ребят, на небритого Игоря Ивановича:

— Сердитесь сейчас на своего отца?

Он высадил их в центре, недалеко от их отелей:

— Счастливого отдыха!

Они поблагодарили водителя и какое-то время стояли на тротуаре в нерешительности.

Было еще очень рано — половина девятого утра. Но в Жевене жизнь уже кипела. Суэта, жужжание «часа пик», когда все вокруг производит шум и движется все это выступало резким контрастом их жалкому состоянию.

— Что я скажу Аренду? — в ужасе спросила Розалинда. — Он на меня жутко злится.

— Аренд твой руководитель? Я с ним поговорю, — пообещал Игорь Иванович.

Положение Леша было гораздо хуже. Даже если Игорь Иванович поговорит с товарищ Федуловой, ничего хорошего ждать от нее не придется. Ничто не поможет.

Все трое вошли в гостиницу «Вильгельм Тель».

В лифте Розалинда молчала. Но на двенадцатом этаже она тронула Игоря Ивановича за рукав:

— Вы им скажете, что я не виновата?

Он улыбнулся, чтобы успокоить ее, и постучал в дверь. Дверь широко распахнулась, и они увидели небритое лицо Аренда.

— Розалинда! — закричал он.

— Она появилась? — спросила Эмма. Вся голландская делегация столпилась у дверей, чтобы увидеть Розалинду. — Где ты была?

Игорь Иванович рассказал о прогулке в горах, на которую он пригласил детей, и о том, как они заблудились в лесу. Все это придумал Леша.

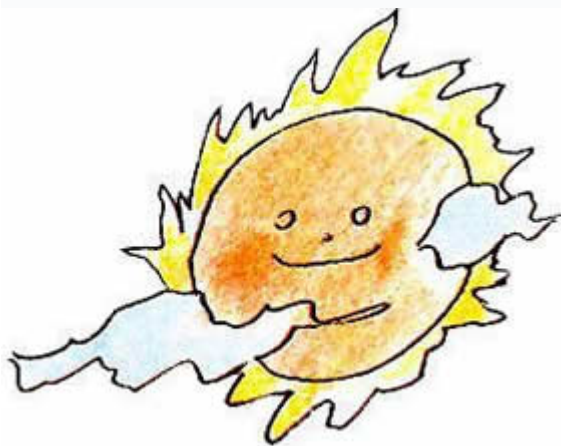
— Входите, — сказала Эмма, прервав его на половине рассказа.

Судя по лицам, вся делегация провела беспокойную ночь.

— Слава богу, что все в порядке! — сказал Аренд и посмотрел на часы. — Однако конкурс рисования придется отменить.

— Конкурс рисования? — спросила Розалинда. — А почему?

— Ханс не спал почти всю ночь.

— Но это же очень важный конкурс! — сказал Ханс. — Я могу и днем поспать.

Игорь Иванович воспользовался наступившим молчанием и попросил разрешения позвонить.

— Пожалуйста, звоните.

Так случилось, что Игорь Иванович звонил советской делегации из номера голландской.

Товарищ Федулова сразу стала кричать:

— Что случилось? Я не спала всю ночь! Откуда вы звоните? Леша с вами? Что же вы молчите?

Игорь Иванович наконец сумел вставить:

— Лешу я нашел. Все в порядке.

— Как это все в порядке? — кричала Федулова. — Мы уже давно должны быть на конкурсе рисования. А нас там нет. И так уже поползли слухи, что один русский мальчик сбежал.

Игорь Иванович задумался:

— Вот что. Идите на конкурс. А мы с Лешей тоже придем. Сразу же вслед за вами.

Глава тридцатая ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПОРТРЕТОВ В ПОДАРОК ООН

Большой зал, где проходили заключительные соревнования, был полон и весь гудел. На сцене стояло двадцать пять мольбертов и пятьдесят стульев: для художников и их моделей. На двадцати

трех модельерских стульях сидели двадцать три организатора фестиваля, чьи портреты нужно было нарисовать, а на двадцать четвертом сидел принц Филлип.

Начало соревнования затягивалось, потому что прошел слух, что пропал советский мальчик. Никто не заявлял о том, что он исчез, но все усиленно об этом говорили. Что с ним? Или он сам сбежал, или его украли? И такие и другие случаи имели место с «советскими», которые выезжали за рубеж. Слухов о пропаже голландской девочки почему-то не было.

Наконец госпожа Карабас вышла на сцену:

— Прошу юных художников — представителей команд подняться наверх, сюда.

Юные художники так и покатались на сцену и стали занимать стул за стулом. Как раз в это время в зал вошла наша измученная троица — Леша, Розалинда и Игорь Иванович в сопровождении голландской делегации.

— Где вы были? — бросилась к ним товарищ Федулова. — Измайлов, немедленно на сцену.

— Зачем? — спросил Игорь Иванович. — Он рисовать не умеет.

— Умеет! — сказала Розалинда. — Он прекрасно рисует. Он сам мне говорил.

Это был совсем неубедительный довод. Леша много чего говорил.

— Да нет. Не умеет! — спорил Игорь Иванович.

— Умеет он или не умеет рисовать, — строго сказала товарищ Федулова, — в данном случае никакого значения не имеет. Вон сколько журналистов в зале. Они так и ждут скандала. Надо им показать, что мальчик никуда не делся. Что он здесь, с нами. Измайлов, немедленно на сцену!

Леша на заплетающихся ногах направился к мольберту, как к электрическому стулу. На сцене оставалось еще одно свободное место.

— Представителя голландской команды прошу немедленно занять свободное место.

Всем было ясно, что в голландской команде не нашлось художника. И тут на сцену вбежала девочка, которая за руку тащила упирающегося мальчика. Девочка была Розалинда, мальчик — Ханс.

— Ханс, ты все умеешь! — говорила она. — Ты только попробуй. У тебя и портрет получится.

Делать было нечего. Ханс и Леша уселись рядом и взялись за кисти. Госпожа Карабас, которая была двадцать пятой моделью, направилась к стулу. Все дети ожидали, что она займет свое место, но она неожиданно вытащила стартовый пистолет.

— Внимание! На старт! Марш! — скомандовала она и сделала выстрел из пистолета. Все художники немедленно бросились рисовать, а один упал в обморок.

Бабушка, мама и папа Розалинды вместе смотрели это соревнование «из Соединенных Штатов». Вернее, смотрела одна бабушка, потому что папа работал в мастерской, а мама была занята на кухне. Бабушка не только смотрела, но и выступала комментатором.

— Что там происходит? — спрашивала мама.

— Стреляют, — отвечала бабушка. — В одного мальчика уже попали.

— Сильно попали?

— Не очень. Ничего серьезного.

— А принц Филлип там? Прибыл?

— Здесь. Весь забинтованный. Его тоже рисуют.

Жевенский комментатор соревнований за эти дни несколько подустал, похудел, но энтузиазм его не гас, а разгорался синим пламенем.

— Ровно час мы не отрываясь смотрим это захватывающее дух зрелище! Спортсмены... то есть художники... то есть художественные спортсмены сидят и рисуют. Перед ними галерея современников. Это выдающиеся люди ООН. Их знает вся Земля. И помнит каждый... Сейчас я вам прочту их фамилии. Мистер Фифини — Италия, мистер Ютиккалла — Финляндия, мистер Бакер — Нидерланды, мисс Карабас — Жевена, «мистер из пятого номера, когда вы заплатите за чистку одежды?» Ах, простите, это что-то другое, пожалуй, личное... Итак, двадцать пять кандидатов в победители. Двадцать пять будущих портретов!

В Москве Петр Сергеевич Окуньков знал, какой портрет был бы самым лучшим. Портрет, который бы нарисовал Рома Рогов. Только Рома сидел не за мольбертом, а за телевизором вместе с Елизаветой Николаевной и смотрел это финальное соревнование.

— Видели эту девочку в пятнистых брюках? — спросил он.

— Видела, — отвечала строгая Елизавета Николаевна.

— По-моему, это Розалинда.

— Почему ты так думаешь?

— Она двигается так.

— Как так?

— Застенчиво и энергично. Как пишет.

Елизавета Николаевна обняла Рому за плечи и улыбнулась.

Телевизионный диктор не терял времени даром:

— Внимание, внимание! Первые портреты подходят к концу. Но что это? Два мальчика сцепились и вместо того, чтобы рисовать, они кричат друг на друга. Кажется, один из них из Ирана, другой из Ирака. Вот один достойный мальчик стал мазать кистью лицо другого достойного мальчика. Вот другой достойный мальчик ответил тем же. К ним побежали мальчики из дружественных стран. И одни достойные мальчики из дружественных Ираку стран стали лупить по голове кистями других достойных мальчиков из дружественных Ирану стран. Началась куча мала!..

Немедленно руководители делегаций кинулись на сцену и растащили достойных мальчиков в разные достойные углы. Они дали им большое количество достойных подзатыльников.

— На сцены выходят фанфаристы! — радостно вопил диктор. — Сейчас портретируемые посмотрят на свои портреты. А комиссия определит лучший портрет.

Телекамера пошла по портретам. Она показывала лицо мистера Фифини из Италии, потом его портрет, потом лицо художника. Потом комиссия выкидывала очки.

— Семь, семь, семь, шесть и пять, семь, десять, семь.

Портрет мистера Рэмбергера из Америки, лицо мистера Рэмбергера из Америки, лицо художника и очки комиссии.

— Семь, семь, семь и три, семь, десять, семь, семь.

— Портреты идут голова в голову! — кричал диктор. — Вернее, лицо в лицо. Это выдающиеся люди. Их знает вся Земля. Сейчас я прочту вам их фамилии. Мистер Фифини, мистер Рэмбергер, «мистер

из пятого номера...» Ах, да! Это я уже говорил.

Тем временем телекамера сосредоточилась на госпоже Карабас.

— А теперь — главное событие дня! — сообщил диктор. — Портрет достойной мисс Карабас. Вы видите на экране эту достойную женщину. А теперь вы видите... вы видите... ее портрет. Так, теперь сама мисс Карабас хочет его посмотреть.

Мисс Карабас привстала со стула, чтобы посмотреть обратную сторону мольберта.

— Это что — я? — закричала она не своим голосом.

— Да, — сказал Леша тихо.

— Это чудовище-страшилище?!

Леша покорно покачал головой. Он так устал, что сцена плыла у него под ногами.

— Я старался... А что, непохоже?

— Да близко ничего общего нет!

— Совсем, совсем?

Леша смотрел на госпожу Карабас умоляющим взглядом. Так ему нужна была хорошая оценка.

— Совсем, совсем?

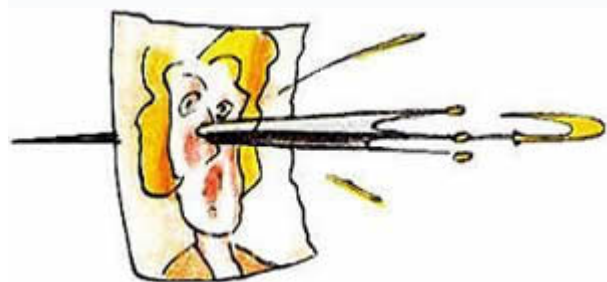
Губы госпожи Карабас превратились в ниточку, глаза стали похожи на стеклянные пули, лицо позеленело, как в неисправном телевизоре. Все больше и больше она начинала походить на Лешин портрет.

— Как ты посмел? Я немедленно доложу об этом жюри!

И, гордо скрипя сценой, она ушла.

Комиссия присоединилась к ее оценке. Хотя там был кто-то, кто высоко оценил работу Леша, либо очень хотел помочь ему и его команде.

— Три, три, десять, три, два, три, три.

Голландский мальчик Ханс действительно все умел делать. Он сумел нарисовать и портрет.

— Шесть, шесть, шесть, семь, десять, шесть, шесть! — поставила ему оценки комиссия.

Для мальчика, который первый раз в жизни взял в руки кисти, это было прекрасно.

Комментатор все никак не мог успокоиться по поводу портрета госпожи Карабас:

— Такой никудышный рисунок такой достойной женщины. Это невыносимо. Кстати, а кого это там выносят? Ага, это выносят госпожу Карабас. Что ж, давайте и мы покинем соревнование.

Разгневанная мисс Карабас, которую действительно выносили, была так огорчена, что ее портрет

теперь не повесят в ООН... так огорчена, что швырнула в портрет Леши Измайлова свой зонтик, и он вонзился, точно в центр этюдника. Хорошо, что не в центр Леши.

Глава тридцать первая ЗАКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ

В кабинете — офисе госпожи Карабас — шло расширенное заседание организационного комитета. Заседали госпожа Карабас и мистер Ичикава.

— Фестиваль получился очень полезным и социально значимым! — давала строгую оценку мисс Карабас.

— Я хочу добавить, что он был очень теплым и массовым! — поддерживал ее господин Ичикава. — Остается только решить вопрос: где проводить закрытие. Потому что почти все разъехались.

— Может быть, на стадионе королевы Анастасии? — предложила госпожа Карабас.

— Я боюсь, что мы не сумеем его наполнить даже на одну треть. Лучше всего для этой цели воспользоваться залом Королевского оперного театра.

— Есть с ними предварительная договоренность? — спросила госпожа Карабас.

— Конечно, — ответил предусмотрительный Ичикава. — Мы предварительно договорились с ними еще за десять месяцев до начала праздника.

— А готовы ли наши сюрпризы-призы?

— Я их лично осмотрел. Они великолепны. Я думаю, и дети, и пресса будут в восторге. Такого еще не было ни на одном международном празднике. Каждый приз будут выносить два человека. Под музыку и с хорошим освещением прожекторами. Соберется много журналистов и много ответственных зрителей.

В это время к совещанию подключилось еще несколько человек из числа организаторов фестиваля. И неожиданно возник вопрос — а кого собственно награждать? И из каких соображений.

Мисс Карабас склонялась сама и склоняла всех к тому, что надо награждать не отдельных участников, а целые команды.

Мистер Ичикава тихонько напирал на то же:

— Может быть, один ребенок и победил в одном виде соревнований. Ну и что? Зато во всех остальных проиграл. Мне кажется, нам не совсем можно считать его лучшим ребенком.

— Если мы будем награждать команды! — кричал итальянец Фифини. — Это будут Олимпийские игры.

Финн Ютиkkalла привел тихий, но веский довод:

— Это несправедливо. Преимущества получают суперстраны. Чем больше детей, тем больше шансов.

Карабас была готова к этому бунту сотрудников:

— И верно, — сказала она. — Но не забывайте, что супердержавы и платят супервзносы в ООН. Награждая целые страны, — почти пела она, — мы повышаем ценность наград. Награждаются не отдельные дети, а целые страны и материки.

И чтобы успокоить своих слабых возражалыщиков, она добавила:

— А для отдельных лучших детей у нас будут поощрительные призы.

На том и порешили.

В этот день собралось очень много журналистов и зрителей. Ровно столько, чтобы набить зал битком.

Все выглядело очень торжественно. Красный бархатный занавес на сцене. Черный бархат на госпоже Карабас. И красный галстук в черный горошек на мистере Ичикава. В оркестровой яме сидел торжественный большой оркестр Большого Королевского оперного театра. И торжественно что-то поскрипывал на смычках, пробуя инструменты.

В зал одна за другой втекали детские делегации. Ребята были радостные, лица у них светились, и одежда на всех была самая нарядная. Казалось, сейчас дирижер взмахнет палочкой, польются звуки музыки и на сцену выбегут нарядные балетные крестьянки или выплывут белые лебеди из «Лебединого озера».

И точно, раздались звуки музыки, и на сцену выплыла госпожа Карабас. Вместе с ней выплыл небольшой мистер Ичикава с большой папкой подмышкой.

— Дамы и господа! — сказала госпожа Карабас. — Дети! Наступил торжественный момент. Мы будем вручать призы победителям...

— Дамы и господа! Дети! — подхватил телевизионный комментатор. — Наступил торжественный момент. Мы... то есть организаторы праздника будем... будут вручать призы победителям.

— ... Я прошу подняться на сцену организаторов фестиваля, «учебных сотрудников» и представителей команд, — продолжала госпожа Карабас.

— Вы видите, — кипел радостью комментатор, — как представители команд поднимаются на сцену. Как поднимаются на сцену «учебные сотрудники», которых спасали из воды, переводили через дорогу и стригли. На их плечи и головы выпал большой труд. Оживленной группой стоят руководители команд — лучшие представители лучших молодежей мира. Оркестр играет... что же он играет... что-то очень знакомое... чижик-пыжик?... Шопен?... нет, Вивальди. В общем, это неважно. Госпожа Карабас продолжает свою речь.

— Заканчивается наш фестиваль! — продолжала свою речь госпожа Карабас. — Мы уверены, что дети всей Земли стали на пять процентов лучше. На десять процентов дружнее. И на двадцать процентов больше стали знать друг о друге. Теперь о победителях. Первое место заняла команда

Соединенных Штатов Америки. Аплодисменты! Ее ребята прекрасно выполнили все задания. Они умеют стирать, гладить белье, готовить пищу и спасать утопающих. И это несмотря на то, что в каждой семье есть стиральная машина, в каждом доме — кафе и на каждом мосту — полицейский. За это мы награждаем американскую команду самой знаменитой башней в мире: Спасской башней Кремля. И все остальные команды мы тоже будем награждать башнями. У нас много башен: Эйфелева, Пизанская, Биг Бен и еще у нас есть знаменитая Великая Китайская Стена! Музыка! Аплодисменты!

Оркестр внизу в оркестровой яме заиграл гимн США. Ребята в зале захлопали. Двое служителей вынесли на сцену точную копию Спасской башни с часами и вручили ее руководителю американской команды. Под аплодисменты зала он, шатаясь, сошел со сцены. Тотчас же к нему подбежали ребята из команды, окружили башню и стали рассматривать звезду, часы, трогать стрелки.

— Второе место заняла команда СССР! — продолжала мисс Карабас. — До конкурса по рисованию русские шли голова в голову с американцами. Но юный художник-формалист подвел свою команду. Она получила штрафные очки. За это команда награждается статуей Свободы.

— Это очень ценный приз, — подхватил слова госпожи Карабас комментатор. — Как известно, эту статую стране Америке подарила страна Франция. А теперь эта скульптура едет в страну СССР...

— Двое служителей несут статую на сцену. Они подносят ее руководительнице «советских» мисс Федуловой. Мисс почему-то в замешательстве! Фигура явно тяжела для этой относительно хрупкой женщины!!!

Товарищ Федулова действительно была в замешательстве. И не потому, что скульптура была тяжела. Товарищ Федулова была все-таки «относительно» хрупкой женщиной, а это значит, здоровой как танк. И если бы ее начальство одобрило, она взяла бы подмышки две таких скульптуры. Но она не понимала, будет ли это политически грамотно брать такой приз — печально известную скульптуру. Под сенью которой было сделано так много нехороших дел: убийство президента, война во Вьетнаме, создание атомной бомбы, безработица, угнетение негров, непрерывные вояжи так называемых политических деятелей в так называемые свободные страны. Вот товарищ Федулова и заметалась.

Тогда вперед выступил Игорь Иванович. Он не был таким физически крепким. Но зато был более политически раскован. Он понимал, что надо брать скульптуру. Тогда будет больше дружбы и меньше убийств президентов, войн во Вьетнаме, созданий атомных бомб, безработицы, угнетения негров, непрерывных вояжей так называемых политических деятелей в так называемые свободные страны якобы свободного мира. Он взял скульптуру в объятия и весело сбежал вниз к своим ребятам. Ребята окружили статую и были счастливы.

Отгремели аплодисменты, отзвучал гимн СССР. Госпожа Карабас продолжила вручение наград:

— Третье место заняла страна третьего мира — Индия.

В зале раздались восторженные вопли ребят третьего мира.

— Как известно, Индия — самая известная страна в Азии, — продолжала госпожа Карабас. — Поэтому по решению организационного комитета она награждается самой известной башней Европы — Эйфелевой башней.

— Смотрите, — говорил комментатор. — Очень внимательно смотрите. Эйфелева башня едет в Азию. Это событие мирового значения. Франция раздает свои произведения направо и налево. А остальные страны? Нет ли здесь политического перегиба и произвола?

Рома Рогов в Москве очень внимательно смотрел на это событие мирового значения, но никакого

перегиба и произвола не видел. И Елизавета Николаевна не видела. И сестра Ольга не видела. И их мама-архитектор не видела ничего страшного в том, что страна Франция шлет свои башни и скульптуры во все стороны.

— И правильно делает, — сказал Рома. — Сначала башни начнут ездить, а потом и людей станут пускать.

— Я думаю, что ты скоро увидишься со своей Розалиндой, — сказала Елизавета Николаевна. — Она такая активная девочка.

А «такая активная девочка» в это время сидела в зале вместе со своей командой и с нетерпением ждала дальнейшего распределения мест и призов.

— Четвертое место заняла объединенная команда ФРГ-ГДР. Она награждается Великой Китайской Стеной.

Тут началось великое немецкое столпотворение. Две команды побежали на сцену и с удовольствием потащили вниз Великую Китайскую Стену. Как ее делить на две команды — у ребят голова не болела.

Четвертый приз — это прекрасно. Пусть политики разбираются, как разделить награду и где ее поместить.

— Вы видите, что творится в зале! — говорил комментатор. — Ликованию нет предела. Организационный комитет раздает победителям замки и башни. Здесь и Биг Бен, и Тадж-Махал, и падающая Пизанская башня... Вы слышите, слышите звуки музыки... Нет вы не слышите звуки музыки, потому что в оркестровую яму кто-то упал. Это господин Ичикава. Он упал вместе с башней. Это знаменитая башня из Пизы. Она упала впервые в жизни. Она упала на руководителя знаменитого оркестра мистера Глюкли. Интересно, цела ли знаменитая башня? Кажется, цела. Цел ли знаменитый дирижер Глюкли? Кажется, тоже цел, потому что мы снова слышим музыку. Цел ли мистер Ичикава? Кажется, не очень, потому что его начинают перебинтовывать... Вот китайская делегация понесла знаменитую башню... Ее понесли вместе с господином Ичикава, прибинтованного к знаменитой башне...

Когда все башни были розданы, началась раздача поощрительных призов и премий. И здесь удача выпала на долю голландской команды тоже.

— За постоянно ровные результаты во всех видах соревнований награждается нидерландский мальчик Ханс! — торжественно произнесла госпожа Карабас. — Это путевка для поездки в Советский Союз!

Розалинда от радости запрыгала. Запрыгала и вся голландская команда. А Ханс побежал на сцену.

Бабушка Розалинды сказала маме:

— Эти Соединенные Штаты имеют остатки совести. Наконец, хоть вспомнили о Голландии. Ни одной башни нам не подарили.

— Путевка лучше, — сказала мама. — Кто-то поедет в СССР, какой-то счастливчик. А от башни толку мало, только пыль с нее вытирать.

Ханс спустился в зал, вернулся в свою команду и дал рассмотреть путевку Эмме и Аренду. Сам тихо сказал Розалинде:

— Это ты поедешь в Москву. У тебя там много друзей, у меня нет никого.

— Но это ты заслужил! — возразила растроганная Розалинда. — Ты должен ехать.

— Я должен папе помогать, — сказал мальчик. — Мой отпуск кончился.

Потом было много песен и танцев. Был концерт самодеятельных коллективов разных делегаций. Выступали и взрослые артисты — фокусники и акробаты, дрессированные попугаи и клоуны...

Розалинда ничего этого не замечала:

— Я поеду в Москву! Я поеду в Москву! Я поеду в Москву! — думала она.

— ...Вот и закончился небывалый праздник! — сказал диктор. — Так не хочется расставаться. У многих ребят на глазах слезы!

И это было правдой! Многие плакали. Но не Розалинда.

— Я поеду в Москву! — звенела в ее голове прекрасная мысль. — Но потом тревожно прозвучала другая: — Если бабушка отпустит!

Глава тридцать вторая ВОЗВРАЩЕНИЕ, ИЛИ ...ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

В Утрехт Розалинду привез тот же автобус «Фрешель». У автобуса ее встретили папа, бабушка и брат. Ребят встречали не только родственники, их встречала еще целая команда телевизионщиков. Поцелуи, съемки, коллективные фотографии. Розалинда еще раз записала адрес Ханса и аккуратно положила в карман.

— Спасибо за путевку, — поблагодарила она Ханса.

— Бабушка, представляешь, этот мальчик просто так отдал мне свою премию.

— Не просто так, — возразил Ханс, краснея. — Тебе она нужней.

— А что за премия? — спросил папа.

— Каникулы в любой стране, в какой захочешь. Теперь я могу поехать в Москву, папочка, папочка!

— Может быть, лучше поговорим об этом в машине, — сказала бабушка.

— А мы тебя по телевизору видели! — вмешался Вильям. — Ты такая тощая... А меня теперь тоже покажут по телевизору? — спросил он, показывая на камеры и репортеров вокруг них. Папа велел Розалинде пожать руки водителям.

Прощаясь с Эммой и Арендом, Розалинда заметила, что у Ханса берут интервью два репортера. Он был героем команды, а его премия была у нее.

По дороге домой в машине о Москве не говорили, говорили только о Жевене. Бабушка ни на минуту не умолкала. Она знала какой-то особый секрет: как задавать вопросы, не давая времени на ответ. Можно подумать, что ездила в Жевену она — Аалче Вилминг.

Только дома, где ее нежно обняла и поцеловала мама, Розалинде дали возможность немного поговорить. И пока она рассказывала об отеле «Вильгельм Тель», о Хансе, Симоне, эстафете, госпоже Карабас и о шарах, бабушка задумчиво смотрела на красивую икону. Розалинда ни слова не сказала об истории с похищением — она боялась, что ее никогда больше не пустят за границу, если только узнают о том, что случилось.

— Не нужно тебе было брать эту премию, — сказала мама. — Она предназначена для мальчика.

— Какая вредная премия, — вставил папа. — Ребенок не должен ездить один за границу на

каникулы.

На этом разговор о премии закончился.

С того дня Розалинда опять начала каждый день ходить на прогулку с собакой соседа, который за это время прибавил пару-другую килограммов веса.

Подолгу гуляя в полдере, Розалинда рассуждала с Тобиасом — следует ли обратно отдать премию ее владельцу Хансу.

И вдруг бабушка разрешила проблему.

— Роза, — заявила она как-то, — поздравь меня, я приняла решение. Во время осенних каникул мы вместе полетим в Москву. Я уже купила два билета. У меня были кое-какие сбережения. Они у меня лежали в банке, сейчас я поняла, что с ними делать.

Розалинда думала, что ослышалась. Что это сон, что сейчас бабушка растворится. Но бабушка не растворялась, а наоборот стала еще сильнее проясняться.

— Но ты же, бабушка, ничего общего не хотела иметь с этим Советским Союзом. Ты же всегда говоришь, что они говорят...

— Главное, что я говорю сейчас. А сейчас я говорю, что хочу посмотреть эту страну. Хотя это будет и небезопасно. Нас могут схватить.

Она продолжала решительно:

— Отдай свою премию мальчику. Он ее заслужил.

— А папа и мама знают об этом... что ты?

— Вчера вечером мы все подробно оговорили. Нет, они не могут поехать с нами. Некому будет остаться в магазине. Поэтому рисковать должна я. А впрочем, старой голландской бабушке не привыкать!

Иллюстрации: Г.Ясинский.